

Алиса Аргова

МУЖЧИНА НЕ МОЕЙ МЕЧТЫ

Annotation

Граф Трэй Ольес молод, красив, обаятелен и страстно влюблен в свою юную супругу, которая отвечает ему полной взаимностью. Их история похожа на сказку. Постылый жених, побег из дома, тайное венчание...

Как меня угораздило вляпаться в эту идиллию и попасть в тело новобрачной? Чужой муж не вызывает никаких чувств, кроме жалости. Куда делась настоящая графиня Ольес, непонятно. Но я обязательно во всем разберусь. Главное, держаться подальше от герцога Саллера — кузена графа и по совместительству того самого брошенного жениха.

И вот это, как оказалось, труднее всего.

Первая книга дилогии.

- [Алиса Ардова](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Эпилог](#)
-

Алиса Ардова
Мужчина не моей мечты
Книга первая

Глава 1

— Ты... — Яростный женский вопль бесцеремонно разорвал сонную тишину, выдергивая меня из блаженной полудремы. — Мерзавка!

Страдальчески поморщилась, но открывать глаза, а тем более переворачиваться с живота на спину, чтобы полюбоваться на скандалистку, не спешила. Да и чего я там не видела? Как очередная вздорная тетка вдохновенно и громогласно, на все побережье, кого-то отчитывает?

Все-таки люди — удивительные существа. Весь год ждут отпуска, а потом, вместо того чтобы безмятежно наслаждаться заслуженным отдыхом, умудряются с утра до вечера выяснять отношения. Орут, ругаются, тиранят родных и близких. Даже здесь, на пляже.

— Хитрая гадина... Выскачка! — снова пронзительной сиреной взвыла истеричка, и я чуть не застонала от досады — поскорее бы она уgomонилась что ли... Или убралась хоть куда-нибудь.

Но женщина уходить не собиралась.

— Не делай вид, что не слышишь, — истошно взвизгнула она возле самого уха. Одновременно с этим меня больно дернули за волосы, а потом, словно сделанного показалось мало, еще и ткнули кулаком в бок.

Ну это уже слишком!

Ленивое оцепенение, охватившее тело, мгновенно испарилось. Я стремительно подскочила на месте, села и...

Что это?!

Недоуменно заморгала, рассматривая странную тесную комнатенку. Деревянные стены, грубо сколоченный стол, колченогие стулья, печь, полки с немудреной домашней утварью... Тряхнула головой, зажмурилась, осторожно приоткрыла веки — ничего не изменилось.

Где я? Где солнце, море, белый песок, шезлонг и зонт, под которым мы прятались от нещадно палящих полуденных лучей? А главное, куда исчез Петька? И кто эта нелепая особа в длинном платье мышиного цвета, которая со зверским выражением лица нависает надо мной?

— Ненавижу! — Молодая женщина на миг осеклась, захлебнувшись собственным возмущением, а потом крепко схватила меня за плечи. — Ты его не получишь!

— Кого? — переспросила недоуменно, безуспешно стараясь собраться с мыслями и сообразить, что все-таки происходит.

Стоило ненадолго задремать, уютно расслабившись в зыбкой

прохладной тени, — и на тебе... Может, ничего этого нет, а у меня просто солнечный удар?

— Могира.

— Я знать не знаю никакого Гира, кроме Ричарда! — Рассердилась, окончательно ошалев от абсурдности ситуации. — Да и тот не имеет ко мне никакого отношения. — Оглядела растрепанные пепельные волосы, лихорадочный румянец на щеках, горящие бешенством серые глаза, старомодную одежду и ехидно добавила: — К вам, пожалуй, тоже. Пустите!

Попыталась вырваться из цепких рук. Не удалось. Женщина еще сильнее сжала пальцы, сдавливая как клещами.

— Он мой! — выдохнула она воинственно.

— Я разве против? Забирайте, — отозвалась с готовностью. Лишь бы отстала.

Спорить с явно неадекватной дамочкой в нелепом одеянии с рюшами и фестонами — себе дороже.

— Он жениться обещал, — женщина вдруг всхлипнула, — небом клялся! А теперь только о тебе и думает.

— Негодяй, — поддержала ее вполне искренне.

Тупо ныл затылок. В ушах звенело. В голове не было ни единой мысли. И я все никак не могла понять, с какой радости обо мне думает совершенно незнакомый мужик. Еще и девица эта... Интересно, кто она такая? И где все-таки Петька?

— Не смей так о нем говорить, — крайне нелогично бросилась на защиту неверного Гира незнакомка. — Он самый лучший на свете.

Точно, больная.

— Лучший — худший, мне-то какая разница, — попыталась отодраться от своих плеч горячие ладони. — Вы меня наконец отпустите?

— Нет! — выкрикнула девица и вопреки словам тут же разжала пальцы. Еще и толкнула в грудь, отбрасывая на узкую жесткую лежанку.

Не успела опомниться, как она достала что-то из кармана, прикрыла одной рукой нос и рот, резко выбросила вперед другую, и мне в лицо полетел мелкий серый порошок. Пока я отчаянно чихала, протирая слезящиеся глаза, дамочка успела отойти в другой конец комнаты и остановилась у двери.

— Пыльца явра, — просветила она меня, стряхивая с ладоней остатки серой гадости. — Сейчас у тебя откажут ноги и руки, онемееет тело, а охранные браслеты не позволят себя вылечить. Будешь лежать, слушать, как за дверью трещит, разгораясь, огонь, и гадать, что тебе суждено —

сгореть заживо или задохнуться в дыму? Если раньше не сойдешь с ума от ужаса. В любом случае отсюда ты уже не выйдешь. А Могир останется со мной. Со мной!

Девушка мстительно расхохоталась — как-то у нее это театрально-зловеще получилось — и выскочила за дверь. Я дернулась следом — мне даже удалось немного приподняться, но тут же грузно рухнула обратно. Конечности налились тяжестью, одеревенели и больше не слушались.

Да что здесь творится?!

За окном сверкнуло, громыкнуло, дом затрясся, и из щелей потянуло запахом гари. Сначала едва ощутимый, запах этот в считанные мгновения стал густым, почти невыносимым, а вслед за ним в помещение втянулось сизое клубящееся облако.

Меня захлестнула паника. Не все ли равно, где я и как тут очутилась? Потом разберусь. Сейчас самое важное — пусть ползком, но дотащить до заветной двери и выбраться из комнаты. Попробовала скатиться на пол, но не смогла даже пошевелиться. Казалось, тело вросло в твердый дощатый топчан, а кровь загустела и застыла, пропитавшись едким ядовитым дымом.

В голове зашумело, во рту появился неприятный металлически-горький привкус, а на лбу выступили капли пота. Противно запершило в горле. Попыталась вдохнуть полной грудью, но только хрипло закашлялась, смаргивая появившиеся слезы. От дыма или от отчаяния — какая теперь разница?

— Помогите, — каркнула глухо и сама удивилась тому, как растерянно и жалко звучит голос. — Кто-нибудь, пожалуйста, помогите...

Послышался треск, по потолку заматались зловещие красные блики. С трудом повернула голову и увидела, как возле порога пляшут языки пламени.

Это просто бред какой-то! Полчаса назад я лежала на пляже, лениво переворачиваясь с боку на бок, пила холодный лимонад, шутила, смеялась и ощущала себя абсолютно счастливой. А теперь валяюсь в горящей избе — запертая, беспомощная, обездвиженная, жду смерти и ничего не могу сделать для своего спасения.

Было больно, страшно и... обидно. Да, обидно. Оттого, что я сейчас умру, так и не узнав, что случилось, как я здесь оказалась и где, черт возьми, Петька.

Огонь зазмеился по стенам, поднимаясь выше и выше. Треск усилился и доносился уже со всех сторон. Еще несколько минут — и конец. Сейчас пламя перекинется на крышу, она обрушится, а я даже не в состоянии

поднять руки, чтобы прикрыть лицо.

Внезапно снаружи раздались громкие крики. Дверь содрогнулась, а затем с грохотом рухнула на пол, выбитая могучим ударом, и в клубах дыма показалась подсвеченная багровыми отблесками мужская фигура.

— По-мо-ги-те... — попыталась выговорить непослушными губами, но вместо звуков из пересохшего горла вырвалось только: — Пх... гха...

Шаг...

Другой...

Как медленно он идет...

Глаза щипало, точно их кололи тысячи крохотных невидимых иголочек, и я, не выдержав, медленно опустила ресницы.

— Мэарин... — донесся издалека... почти с другого конца вселенной глубокий низкий голос.

Собралась с силами, подняла воспаленные, налитые свинцом веки и в ужасе уставилась в склонившееся надо мной лицо. Пылающее, словно сотканное из языков бушующего вокруг пламени.

И без того перегруженное впечатлениями сознание не вынесло подобного зрелища. Последнее, что я почувствовала перед тем, как окунуться в спасительное небытие, — как сильные руки подхватывают меня и прижимают к широкой груди. Такой крепкой и восхитительно надежной.

* * *

Море плавно покачивало расслабленное тело на мягких волнах. Вверх-вниз, вверх-вниз... С неба припекало солнце, спину овеяло легкой прохладой. Когда я успела с шезлонга перебраться на матрас, да еще и заснуть в море? Не помню... Ну и ладно. Сейчас поплаваю еще немного, выберусь на берег, и пойдем с Петькой обедать. Правда, есть почему-то совсем не хотелось, а вот пить — очень. В глотке саднило, немного подташнивало, давило в висках. Наверное, я все-таки перегрелась.

— Мэарин... Мири... Вы меня слышите?..

Настойчивый, смутно знакомый голос пробудил не самые приятные воспоминания, и я, пожившись, зажмурилась еще сильнее. Если не открывать глаза, можно продолжать надеяться, что все случившееся просто почудилось. Голову напекло, с кем не бывает. И вздорная особа, ее неожиданные обвинения, пожар, моя беспомощность, таинственный спаситель, внешний вид которого напугал до обморока, — не больше чем

дурной сон. Но мужчина оказался упорным.

— Мири...

Горячие пальцы осторожно убрали прилипшие ко лбу волосы, скользнули по щеке, нащупали на шее невольно учатившийся пульс. Прятаться от себя самой и дальше было глупо. Повиновалась настойчивому зову и распахнула ресницы, с опаской изучая сидевшего рядом незнакомца.

Темные глаза, такого же цвета волосы над высоким лбом... Четко очерченные скулы, волевой подбородок, твердая линия рта, тонкий длинный шрам на щеке. Жесткое, хищное, по-своему привлекательное лицо, и никакого огня. Скорее всего, там, в доме, я наглotalась дыма, вот и привиделись всякие ужасы.

— Как вы себя чувствуете?

Попыталась ответить, но не смогла — слова застряли в обожженном горле, язык не ворочался, поэтому я только чуть заметно передернула плечами. Мой спаситель помрачнел, подался вперед и, заботливо придерживая, помог приподняться. Сильная рука опустилась между лопаток и осталась там, распространяя по всему телу приятное тепло.

— Пейте! — Губ коснулось узкое горлышко фляги.

С сомнением втянула в себя прохладное питье. Терпкая жидкость, раскаленной лавой прокатившись по пищеводу, резко обожгла желудок. Какая гадость!

— Еще! — последовало отрывистое распоряжение.

Подчиняясь приказу, сделала несколько судорожных глотков и поняла, что действительно становится легче.

— Вот так. — Незнакомец отложил флягу и, пытливо вглядываясь, привлек меня ближе. — Теперь лучше?

— Да, спасибо...

Холодные глаза немного потеплели, плотно сжатый рот смягчился, и мне внезапно отчаянно захотелось почувствовать его вкус. Интересно, как этот тип целуется? Ведет себя с женщинами? Уверена, он потрясающий любовник...

Запрокинуть назад голову, обвить ногами напряженные бедра и застонать от наслаждения, ощутив на себе тяжесть мощного тела...

Лежащая на спине ладонь окаменела, твердые пальцы впились в кожу. Я вздрогнула от боли, медленно приходя в себя, и только тут заметила, что незнакомец тоже не сводит глаз с моих губ.

Что за ерунда происходит?

Никогда я так не реагировала на мужчин. Всякое, конечно, случалось. Кто-то мне нравился больше, кто-то меньше, иногда и дыхание при

знакомстве перехватывало, и сердце сладко замирало, но чтобы вот так фактически бросаться на шею первому встречному — это уж слишком. Да кто он такой?

«Жених», — тут же с готовностью подсказала память.

Нет, не было потустороннего ехидного голоса, и сама с собой я, слава богу, не разговаривала — еще раздвоения личности не хватало! И тем не менее, твердо знала: рядом находится жених, причем не чей-нибудь, а именно мой.

Неожиданная новость отрезвила окончательно, и я слабо дернулась, пытаюсь отодвинуться. Движение не осталось незамеченным.

— Мэарин?.. — мужчина нахмурился, с трудом отводя взгляд от моих губ.

— Пустите...

Незнакомец мгновенно посуровел. С непроницаемым выражением лица аккуратно прислонил меня к какой-то опоре и тут же отстранился.

— Я отвезу вас в свое имение, — сообщил он нейтральным тоном, глядя поверх моей головы.

— Но... — начала я растерянно, однако собеседник не обратил никакого внимания на мои слабые возражения

— Ваш супруг уже там, — закончил он. И поморщился.

— Кто? — переспросила ошеломленно. — Какой супруг?

— Ваш, — еще раз любезно уведомили меня и, хмыкнув, ядовито добавили: — Бедняга Трэй! Быстро же вы о нем забыли.

Я нервно сглотнула, пытаюсь отдышаться. В мыслях царила полная сумятица. У меня и муж есть? Только его для полного счастья не доставало! Еще несколько часов назад в моей благополучно-размеренной жизни не было никого, кроме Петьки — такого родного, привычного, своего. А потом он куда-то исчез, зато волшебным образом появились сначала бабник Гир, за ним жених, на которого я очень странно реагирую, а теперь к ним еще и муж присоединился. Что дальше? Не удивлюсь, если выяснится, что у меня целый гарем в запасе имеется. Мужья... женихи... претенденты на эти почетные должности.

— Вы не спросили, жив ли он, — продолжал язвить собеседник. — Неужели, совсем не беспокоитесь?

Беспокоюсь? Да я минуту назад впервые узнала о существовании этого самого Трэя и даже не представляю, как он выглядит.

Услужливая память радостно отозвалась, подбросив четкий образ. Умопомрачительный красавец — стройный, светловолосый, голубоглазый, с ослепительной белозубой улыбкой — нетерпеливо протягивает ко мне

руки и ласково шепчет: «Мири...»

— Мири... — Тон сидящего рядом человека был каким угодно, только не ласковым, скорее раздраженным, почти злым. — Утром в часовне Танбора вы добровольно принесли брачные обеты и стали графиней Ольес. Припоминаете теперь?

Высокий полукруглый свод... Тишина... Чистый, ясный свет. Он везде. Льется сквозь прозрачный купол и узорчатые окна. Солнечными зайчиками скачет по блестящему полу. Причудливыми узорами украшает стены. Широкими сверкающими лентами оплетает две ладони, опущенные на постамент из гладкого золотистого камня.

Тишина, свет и шепот:

— Навеки вместе, любимая...

Замотала головой, стремясь избавиться от навязчивой картинки. Нет, это не мои воспоминания. Жених, муж, поклонник, отвергнутая им сумасшедшая девица — все не мое. Вздернула подбородок и уверенно произнесла:

— Я не Мири! — Увидев, как темнеет строгое лицо, торопливо добавила: — И не Мэарин.

— Конечно... Простите, графиня, — Голос собеседника совсем выцвел, став предельно официальным.

— Уж тем более не графиня...

— Вот как? — усмехнулись мне в ответ. — Тогда кто же?

— Я... — Сглотнула неожиданно появившийся в горле тугой комок и начала снова: — Я...

Увы, на этом мои откровения и закончились. Я все прекрасно помнила — собственное имя, название города, в котором живу, родственников, друзей, соседей, а вот сказать ничего не могла. Лишь изумленно таращила глаза и беззвучно хватала воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Кроме бессмысленных: «я... я...» не удавалось вымолвить ни слова.

— Поздно спохватились. — Так и не дождавшись внятного объяснения, брезгливо дернул уголок губ «жених». — Раньше надо было думать, перед тем, как позволили Трэю себя уговорить и, забыв, что уже связаны обязательствами с другим, дали согласие на побег и тайное венчание. Да не где-нибудь, а в Древней обители. — Он досадливо тряхнул головой. — Теперь, как бы вы ни сожалели о своей легкомысленной выходке, отказаться уже не получится. Нравится или нет, но с сегодняшнего дня вы не Мэарин Астон, а графиня Ольес, и этого не изменить.

Он остановился, вероятно, надеясь услышать от меня хоть что-нибудь вразумительное, но я благоразумно молчала, решив больше не заикаться и

не позориться. Все равно бесполезно. Собеседник явно как-то по-своему истолковал мое неразборчивое «яканье» и пришел к совершенно неожиданным выводам, но сейчас у меня не было ни малейшего шанса его переубедить. Да, честно говоря, и сил, чтобы оправдываться, убеждать, доказывать, уже не осталось.

«Жених» последний раз прожег меня взглядом и резко отвернулся.

— Вильм, — крикнул он. — Вы закончили? Что там?

— Поджог и заклинание тления. Слабое, но все же... — немедленно отозвались откуда-то сбоку. — Если бы мы опоздали, к вечеру от сгоревшего дома и от того, кто в нем находился, осталась бы лишь горстка пепла.

— Значит, маг, — хмуро протянул мой спаситель. Снова взглянул на меня, прищурился и закончил: — или магиня... Что-то еще?

— Да, мэссер. Мы обнаружили след недавно открывавшегося межмирового портала.

— Хм... а вот это уже серьезно. Показывай.

Тот, кого называли странным именем или титулом «мэссер», легко вскочил на ноги и шагнул в сторону, оставив меня в одиночестве.

Сразу стало холодно и неудобно. Тут же почувствовала, что полулежу в неудобной позе и тело уже совсем затекло. Внизу твердая земля, от которой отделяет лишь тонкая полоска ткани, а в спину упирается узловатый ствол дерева, раня кожу грубой шершавой корой.

Обвела мутнеющим взором небольшую полянку, окруженную, как и полагается любой порядочной поляне, густым зеленым лесом... сгоревший остов дома... группу мужчин, деловито изучающих обугленные развалины. Тревога и непонимание незаметно отхлынули, уступив место тупому безразличию и желанию спать. Побег, венчание, титул графини, заклинания и загадочный межмировой портал — какое отношение ко мне имеет весь этот вздор?

— Леди Ольес, — крепкая теплая ладонь бережно накрыла мои похолодевшие пальцы, — вам плохо?

— Голова кружится, — улыбнулась я блекло, и мужчина, на мгновение сжав мою руку, обронил что-то короткое и яростное.

— Охранные браслеты, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Слишком долго эта пакость перекрывала ваши жизненные потоки. Потерпите еще чуть-чуть, лекари уже предупреждены и ждут... Вильм! Остаешься здесь с половиной отряда.

— А вы... — донеслось до меня встревоженное.

— Отвезу графиню в имение и вернусь.

— Но, мэссер, рядом граница... Я обязан охранять вас... — попытался возразить невидимый мне Вильм, но был остановлен властным:

— Не обсуждается.

— Слушаюсь, мэссер. — Чувствовалось, что подчиненному очень не нравится решение начальства, но он тут же прекратил бесполезные уговоры, беспрекословно повинаясь прямому недвусмысленному приказу.

«Жених» еще раз внимательно осмотрел меня — темные глаза под длинными ресницами взирали холодно и отчужденно — сухо улыбнулся и отстранился, уступая место крепкому широкоплечему субъекту с приятным, хоть и немного грубоватым лицом.

— Позвольте помочь, миледи... — почтительно пробасил он и замер, старательно отводя взгляд от моего потрепанного одеяния. Вернее, от того, что от него осталось после пожара.

Не совсем понимая, что, собственно, нужно делать, растерянно кивнула и охнула от неожиданности, когда меня в одно мгновение подняли вверх. Так легко, словно я совсем ничего не весила.

По-прежнему упорно косясь в сторону, Вильм — а это, скорее всего, был именно он — быстро пошел по краю поляны. Мое тело он нес почти на вытянутых руках, сжимая бережно и осторожно, как хрупкую вазу, которая способна разлететься на куски от любого неосторожного движения. Несколько торопливых шагов, и мы остановились возле великолепного черного, без единого пятнышка, жеребца, которого придерживал под уздцы рослый молодой парень.

— Нерд, с тебя полный отчет о портале. Все, что сумеешь выжать из следа... И не сумеешь тоже. — Откуда-то сбоку вынырнул мой спаситель, на ходу отдавая распоряжения. — Идан, занимаешься поджогом. Я хочу знать, Птарх поberi, что здесь, в конце концов, произошло.

Жеребец мотнул головой и звонко заржал, приветствуя хозяина. Тот ласково потрепал тонконового красавца по гриве и, вскочив в седло, потянулся ко мне.

— Потерпите, графиня, — повторил он, устраивая меня в своих объятиях и тщательно укутывая какой-то мягкой тканью. — Осталось совсем немного.

Взял поводья, и конь, подчиняясь команде, тронулся с места — сначала шагом, потом рысью и, наконец, перешел на уверенную ровную иноходь, унося нас вперед по лесной дороге.

Несмотря на скорость, вороной двигался легко и плавно, казалось, что его копыта едва касаются земли. В кольце уверенных сильных рук я чувствовала себя тепло, уютно и безопасно. Полулежала, прислонившись к

мужской груди, слушала, как ровно, спокойно бьется чужое сердце и вспоминала... вспоминала... вспоминала... Снова и снова перебирала в памяти все события сегодняшнего безмятежно-счастливого утра, отчаянно пытаюсь свести концы с концами и сообразить, как я умудрилась во все это вляпаться.

* * *

Лето...

Жаркое солнце, синее море, голубое, чуть выцветшее небо. Белый шезлонг, холодный мохито в запотевшем стакане на столике под большим красным зонтом. Что еще нужно для счастья двум удачно сдавшим сессию студентам, без году успешным дипломированным специалистам? И не беда, что денег на отдых за границей пока не хватает, — на родном азовском побережье, в маленьком южном городке тоже можно неплохо провести время. Расслабиться, понежиться на солнце, поплавать и понырять, а потом зависнуть до утра в каком-нибудь клубе или баре.

Большой ложкой дегтя в этой бочке восхитительного летнего меда стал местный спасатель Леха, оказавшийся по совместительству доморощенным меломаном. Как истинный подвижник, он щедро делился своей страстью с отдыхающими массами, поэтому с его вышки с утра до вечера, не затихая, гремела музыка. Особенно Леха любил устраивать тематические дни. Позавчера в программе значился французский шансон. Вчера — мелодии из отечественных кинофильмов. А сегодня вот — песни восьмидесятых.

«Чтоб не пил, не курил,

И цветы всегда дарил», — надрывалась исполнительница.

А мне ужасно хотелось ее заткнуть.

Нет, я ничего не имела против группы «Девчата». Я, собственно, и о существовании-то ее узнала только пару часов назад, из комментариев Лехи. Но четвертый раз за день — уже перебор. А ведь еще далеко не вечер.

«В дом зарплату отдавал,

Тещу мамой называл».

Перевернулась на спину, затеняя шляпой лицо.

«Был к футболу равнодушен,

А в компании не скушен».

Вот напасть! Чем бы уши закрыть, а?

«И к тому же чтобы он

И красив был, и умен»...

Внезапно обрушившаяся сверху вода показалась почти ледяной и резко обожгла опаленную солнцем кожу.

— Петька! — тоненько взвизгнув от неожиданности, резво подскочила вверх. — Ты что творишь, балбес?

— Я тебя тоже люблю, крошка!

На соседний лежак плюхнулся довольный братец.

— Прекрати называть меня этой собачьей кличкой, — запротестовала я возмущенно. — Сколько можно просить?

— Миллионы на твоём месте рыдали бы от счастья, — привычно парировал родственник, задорно подмигнул и улегся, картинно заложив руки за голову.

На четко очерченных губах лукавая улыбка, темно-карие глаза весело блестят — хорош, что и говорить. Прекрасно понимаю чувства тех девушек, что бегают за ним, ловят каждое слово, а услышав мурлыкающее «крошка», растекаются счастливой лужицей. Но я не они, и Петьке это прекрасно известно. Ему просто нравится меня дразнить.

— Вот им и говори. Своим многочисленным куколкам, у которых вместо головы задница.

— Почему задница? — раздалось рядом озадаченное хмыканье.

— Если у модельных красоток, которые вокруг тебя вертятся, ноги от ушей, значит, там, где у других голова, у них — то самое пресловутое мягкое место. Попа внизу, попа вверх, между ними грудь пятого размера. Лепота! А то, что при этом думать нечем, не беда. Известно ведь, что идеальной девушке мозги ни к чему.

Негромко хихикнула и почувствовала себя полностью отомщенной.

— Ну да, именно такие мне и нравятся, — легко согласился братец, сквозь полуопущенные ресницы наблюдая за проходящими мимо представительницами прекрасного пола. — Хорошенькие, глупенькие...

— Восторженные, влюбленные... — подсказала заботливо.

— Можно и влюбленные, но не обязательно. С влюбленными проблем много. Предпочтительнее — готовые к необременительным отношениям, без всяких там сложностей, упреков и неожиданных требований.

— Хорошенькие... глупенькие... Петь, тебе не надоело? Что ты с ними делаешь в свободное от постели время? Читаешь развивающие журналы для детей младшего школьного возраста?

— В свободное от постели время я с ними не общаюсь, — донеслось в ответ насмешливое, — для серьезных разговоров и чтения журналов у меня сестра имеется. — Петька не глядя нащупал бокал с лимонадом, сделал

пару глотков и закончил: — Так что, Маха, на данный момент меня все устраивает.

Маха...

Я давно привыкла к тому, что брат редко называл меня по имени — только при посторонних, совершенно чужих людях или на каких-то официальных мероприятиях. В остальное время я была кем угодно, только не Машей. Маруся, Манюня, Маська, Мурена, Маха... — фантазия родственника казалась поистине неисчерпаемой. Похоже, ему доставляло особое удовольствие изобретать все новые и новые прозвища. Забавные, милые, ехидные, дурацкие... всякие. И не только прозвища. «И на Маруху бывает проруха» — эта присказка появилась, когда он узнал, что Маруха — это не только жаргонное словечко, но и вполне нормальный, принятый у испанцев вариант имени Мария.

Я старалась отвечать тем же. Но ничего кроме банальных Петька, Петрусь, Петюня и неизвестно как затесавшегося между ними Петруччо у нас не прижилось.

— О чем задумалась, Марусь? — Маленькая ракушка мягко ударилась о мое плечо. За ней еще одна... И еще... — У тебя такое забавно-серьезное выражение лица.

— О твоей будущей жене, — откликнулась, лениво прищурившись. — Ее ты тоже выберешь по принципу «чем глупее, тем лучше»?

— Конечно, — заверили меня со всей серьезностью. — Мне и одной умной женщины в семье хватает. Пожалуй, даже с избытком. Так что никаких суфражисток. Привыкнет послушно, без возражений принимать все мои решения, и счастливая замужняя жизнь ей обеспечена.

— Петька, да ты, как выясняется, самый что ни на есть мачистый мачо, — умилилась я почти восхищенно. — Из тех, что при каждом удобном случае твердят, словно заведенные: «Женщина, знай свое место».

— А то! — Брат преувеличенно гордо вскинул подбородок. — Девушки, между прочим, как раз таких и любят. Вот ты, например...

— Я, например, — перебила колко, — скорее предпочту парня из песни, которую наш «диджей» сегодня целый день крутит. Умного, симпатичного, терпеливого, легкого в общении, без вредных привычек и завышенной самооценки. А главное, уважающего меня и моих близких. Брутальный, суровый и властный — мужчина не моей мечты.

— Ну-ну... — Петька недоверчиво покачал головой, — это мы еще посмотрим.

Сладко потянулся, опустил спинку шезлонга, пробормотал: «Что-то спать хочется...», перевернулся на живот и затих.

Песня, отгремев еще раз, замолкла. Леха отчалил на обед, и пляж наконец-то окутала блаженная тишина. Солнце припекало все сильнее, но в тени царила приятная прохлада, и я решила последовать примеру брата. Уронила лоб на руки и вскоре задремала, убаюканная чуть слышным плеском набегающих на берег волн... Чтобы проснуться далеко отсюда от дикого вопля полоумной поклонницы неведомого мне Гира...

* * *

Конь громко всхрапнул, заржал тревожно, вырывая из приятных воспоминаний, а затем понесся быстрее. Высунула нос из ткани, в которую меня закутали, и попыталась оглядеться.

Вокруг шумел густой лес, сплошной стеной обступая дорогу, по которой двигался наш небольшой отряд. Кроны огромных деревьев тесно переплетались где-то там, высоко-высоко, пропуская через плотное кружево веток и листьев лишь редкие лучи солнечного света. Создавалось впечатление, что мы скользим по бесконечному сумеречному тоннелю, из которого уже никогда не суждено выбраться.

Поежилась, представив вечное блуждание по этому таинственному переходу, ведущему в потусторонний мир. В душе нарастала непонятная глухая тревога.

— С-с-с... — шептал надо мной и вокруг меня древний лес.

— Ш-ш-ш... — доносил издалика ветер.

А мне слышалось:

— С-с-сюда...

— Ш-ш-шаг, с-с-сделай ш-ш-шаг...

Отчаянно мотнула головой и, нырнув в теплую глубину покрывала, изо всех сил прижалась к широкой твердой груди.

— Графиня?.. — Надо мной склонилось лицо «жениха». Серьезное, сосредоточенное. — Вас что-то беспокоит?

— Нет... — выдавила слабую улыбку.

Ну не говорить же, в самом деле, что со мной деревья общаются? Вот такие болтливые растения попались, а в остальном — все в полном порядке. Но мужчина сам догадался о том, что я так и не решилась озвучить.

— Мы слишком приблизились к границе, а Хауддан не любит непрошенных гостей. К сожалению, это кратчайшая дорога. — Тесные объятия стали еще крепче. — Не бойтесь. Все будет хорошо, обещаю... А

сейчас вам лучше поспать.

Прохладная ладонь легла на мой покрытый испариной лоб, даря облегчение и успокоение. Я прерывисто выдохнула, чувствуя, как растворяются, стихают где-то вдали голос леса и шум ветра, и не заметила, как уснула.

Глава 2

Я проспала не только дорогу, но и все последующие события — приезд в имение, транспортировку в приготовленную комнату, консилиум собравшихся у постели лекарей. Ничто не могло потревожить мой неестественно крепкий сон, словно я приняла изрядную дозу сильнодействующего снотворного. Лишь однажды, когда моего запястья коснулись знакомые сильные пальцы, на краткий миг пришла в себя.

— Что скажешь, Дильфор? — Речь сидящего в кресле у кровати мужчины звучала подчеркнуто ровно, но взгляд обеспокоенных темных глаз ни на секунду не отрывался от моего лица. — Как она?

— Жить будет, — весело отозвались откуда-то сзади. Мой спаситель поморщился, и его собеседник, виновато кашлянув, мгновенно стал серьезным. — Вы вовремя сняли с ее сиятельства браслеты. И усыпили тоже очень кстати, во сне организм легче восстанавливается. Так что все в порядке.

Повисло напряженное молчание.

— Ты уверен...

— Обижаете, мэссер, — тот, кого называли Дильфором, невнятно хмыкнул, — вы ведь меня не первый день знаете. Здоровье миледи не вызывает ни малейших опасений, подождите немного, скоро от ее недуга ничего не останется.

— Что ж... — мужчина окинул меня прощальным взглядом и быстро поднялся. — Я возвращаюсь к Вильму, если леди Ольес станет хуже, сообщить немедленно.

— Слушаюсь... — раздалось в ответ почтительное.

— Теперь что касается Трэя, — голос «жениха» начал отдаляться. — Кто с ним сейчас?

— Мой старший помощник, Адальтей.

— Хорошо. Мне нужен подробный отчет о состоянии кузена: как, почему, чего ожидать и на что надеяться. Идем...

— Конечно, мэссер, — заторопился лекарь. — Леом, ее сиятельству необходимо больше спать, поэтому сегодня даешь ей вот эту настойку. Три раза по три меры. Если понадобится, найдешь меня в покоях графа.

Хлопнула дверь, над головой звякнули склянки, и через секунду передо мной возник невысокий щуплый паренек с прозрачным стаканчиком в руках, в котором плескалась какая-то бурая жидкость...

— Прошу, ваше сиятельство...

Следующие несколько дней слились в моей памяти в сумбурный калейдоскоп, где затяжной сон чередовался с редкими минутами бодрствования. В комнате то темнело, то светлело, мелькали чьи-то лица, раздавались обрывки фраз.

— Как тут? Все в порядке?..

— Леом, иди отдохни, Ирем пока тебя сменит...

— Мастер, температура спала...

— Нет-нет, теперь четыре меры вот этого...

А на третьи сутки, проснувшись среди ночи, я вдруг поняла, что у меня ничего не болит, я совершенно здорова и больше не хочу спать. Полежала немного, изучая высокий лепной потолок и скользящие по нему серебристые блики, поднялась, подхватила легкое одеяло и пошла к подоконнику. Устроилась с ногами среди разбросанных там мягких подушек, закуталась до ушей и уставилась в открытое окно.

За окном темнел сад, чуть слышно шелестели облитые лунным светом верхушки деревьев, одуряюще сладко пахло цветами и недавно прошедшим дождем. Было тепло, тихо и умиротворяюще спокойно. Снаружи... В душе, напротив, царили сумятица и полная неразбериха. А еще крепла странная, непонятно на чем основанная уверенность, что я попала. Причем основательно и серьезно. В чужой мир. Чужую жизнь. Чужое тело.

Осознание этого накрыло тяжелой удушливой волной, резко ударило под дых, затопив все мое существо липким ужасом. Зачем я здесь? Почему? Что вообще происходит? Девица, собиравшаяся меня убить... пожар, из которого я чудом выбралась в самый последний момент... жених... муж... магия... странные воспоминания... неудачная попытка сказать о себе настоящей хоть слово... Все перемешалось в голове, пугая до одури, мешая дышать, думать.

Страшно... Черт возьми, как же страшно!

Глубоко вдохнула, стараясь подавить приступ паники, выдохнула. Нет, так не годится. Пока не наступило утро и есть немного времени, надо успеть хоть в чем-нибудь разобраться. Хм... Как там меня величал мой загадочный спаситель?

— Мири... — произнесла негромко. — Мэарин Ольес... — запнулась, досадливо мотнула головой, добавила: — Мэарин Астон... — И на меня тут же нахлынул поток смутных видений — подхватил, закружил и унес за собой...

Прелестная юная девушка, приподняв подол нежно-голубого платья и

нетерпеливо покусывая пухлую нижнюю губу, радостно вертится перед высоким зеркалом в золотой оправе. Грациозная фигура, длинные темные волосы, окутывающие точеные плечи, гордая посадка головы, сияющий румянец и ясный взгляд широко распахнутых темно-карих глаз.

Сегодня отец обещал назвать имя жениха, которого он для нее выбрал. Интересно, кто это? Барон Гридт или граф Цесиг? А может быть, маркиз Нистон? Он так смотрел на нее на последнем королевском балу и вопреки всем правилам приличия даже порывался пригласить на третий танец. Жаль, матушка не позволила согласиться. Да, точно он... Или все же виконт Онрах? Он давно уже пытается за ней ухаживать. Ох... да не все ли равно. Каждый из них молод, хорош собою, богат и без ума от нее, Мири. Да и как можно не влюбиться в такое чудо? За одну ее благосклонную улыбку любой из поклонников готов жизнь отдать.

— Биса, — кричит красавица, — отец уже вернулся?

— Да, госпожа, — отвечает звонкий девичий голос. — И не один, а с его светлостью герцогом Саллером. Заперлись в кабинете и о чем-то беседуют, а слуги говорят, что его светлость к обеду останется.

— Фу... — Мэарин недовольно кривится.

Именно сегодня, надо же, как неудачно! Неприятный тип, вечно хмурый, мрачный, отстраненный. А его шрам просто пугает, особенно когда представишь... Нет, не стоит об этом сейчас думать и портить такой замечательный день. Но как же с ним рядом неуютно! Поневоле начнешь сочувствовать бедняжке, которой суждено стать женой этого ужасного человека. Тут уж ни богатства не захочешь, ни положения в обществе — лишь бы от него подальше.

А вот кузен герцога, граф Ольес, говорят, настоящий красавчик. И такой веселый, любезный, обходительный... Просто душа! Жаль, что им так и не довелось до сих пор встретиться...

Одна картинка сменялась другой. Мимолетные, обрывочные, непонятные и, наоборот, четкие, подробные, предельно яркие — они возникали фрагмент за фрагментом, выкладывая передо мной причудливую мозаику незнакомой до этого жизни. Чужие воспоминания заинтересовали и спасли от подступавшей истерики, отвлекая от неприятных вопросов, на которые пока не было ни одного ответа. Когда вдали забрезжил рассвет, знаменуя начало нового дня, и по парку потянулись прозрачные тени, я уже примерно представляла, где и в чьем теле оказалась. Теперь бы разобраться — кто виноват, что делать и как из всего этого выбраться.

Мда... Всего ничего и выяснить-то осталось.

За окном уже вовсю распевали птицы, когда дверь спальни беззвучно отворилась и в комнате появились двое. Негромко переговариваясь и пока не замечая мою полускрытую портьерой фигуру, они двинулись к кровати, давая мне несколько минут форы и возможность изучить себя повнимательней.

Первой шла девушка — молоденькая, немного полноватая, в длинном, наглухо закрытом светло-коричневом платье и с аккуратно убранными под чепец волосами.... Горничная. Всмотрелась в открытое, простое лицо — никаких воспоминаний, значит, с Мири они раньше не встречались. Что ж, уже легче.

Сопровождал служанку высокий жилистый мужчина лет тридцати. Выразительное умное лицо, аккуратно подстриженная борода и густые, похожие на львиную гриву рыжие волосы. Лекарь... Задержала взгляд на серебряной звезде, изображенной на правом рукаве черной униформы, мысленно подсчитала количество лучей — один... четыре... восемь... десять — и тут же исправилась: не обычный лекарь, а мастер. Скорее всего, тот самый Дильфор, который обещал мэссеру в кратчайшие сроки поставить меня на ноги. С ним Мэарин тоже никогда раньше не общалась.

Тем временем парочка добралась до цели и удивленно затихла, обнаружив, что постель пуста. Впрочем, в отличие от застывшей соляным столбом служанки, лекарь опомнился быстро. Развернулся, нашел меня взглядом и, неодобрительно проворчав что-то, направился к окну.

— Зачем вы встали, ваше сиятельство?

Не дожидаясь, пока он приблизится, соскользнула с подоконника, закуталась в одеяло, словно в мантию, расправила плечи и гордо вскинула голову. Графиня я или кто?

— Надоело лежать, — произнесла, припоминая интонации и манеру речи настоящей Мири. — Я прекрасно себя чувствую.

Фух... Не так-то просто изображать из себя юную своенравную капризницу, но, кажется, у меня получилось. Мужчина, сверкнув глазами, на мгновение сжал зубы, но тут же взял себя в руки и вежливо поклонился.

— Приятно слышать. Но все-таки позвольте мне, миледи... хм... так сказать, удостовериться.

Сделала вид, что думаю, а потом еще выше задрала подбородок и кивнула, милостиво разрешая лекарю себя осмотреть.

Ну, осмотреть — это громко сказано. Дильфор проводил меня до

кровати, подождал, пока лягу, сел рядом, приложил ладони к вискам и замер. От его пальцев шло теплое, приятное покалывание, и я невольно расслабилась, закрыв глаза и умудрившись даже задремать ненадолго.

— Что ж, леди Ольес, вы действительно здоровы. Очень рад. — Мастер наконец убрал руки. — Я бы рекомендовал в ближайшую неделю побольше отдыхать, гулять на свежем воздухе и ни в коем случае не перенапрягаться. А теперь, пожалуйста, примите это.

Лекарь взял с прикроватного столика бокал с водой, всыпал какой-то порошок, размешал и подал мне.

— Всего лишь безобидное успокоительное, — пояснил, заметив мои колебания. — Поможет избежать лишних волнений, — Поверьте, это необходимо, — добавил он металла в голосе, — вы и так слишком много всего пережили за последнее время.

Возражать не стала — расслабиться мне и в самом деле не помешает. Небольшими глотками выпила чуть горьковатое снадобье и откинулась на подушки, чувствуя, как постепенно отпускает скопившееся внутри напряжение.

— В случае малейшего недомогания немедленно вызывайте меня, — Дильфор неспешно поднялся, — или любого из моих помощников, — перевел он взгляд на горничную. Та послушно закивала. — А сейчас, миледи, разрешите откланяться.

И мужчина ушел — наверное, торопился донести радостную новость до своего начальства, а освободившееся место заняла служанка.

— Дора, — представилась она. — По распоряжению его светлости назначена вашей камеристкой. — Почтительно присела и добавила торопливо: — Если вы не против.

Против я не была. Девушка, просияв, торжественно выдала: «Добро пожаловать в Эрменлейв, миледи», а потом деловито захлопотала вокруг, умудряясь делать несколько дел сразу.

Меня проводили в просторную туалетную комнату, по дороге выяснив, какие ароматические масла, притирания и духи я предпочитаю. Набрали воду в огромную ванну из полупрозрачного голубого камня, сделанную в виде глубокой круглой чаши. Помогли помыть волосы и по моей просьбе ненадолго оставили в одиночестве.

Пока я блаженствовала в ароматной пене, тихо млея оттого, что попала в мир, где подобная роскошь доступна если не всем, то по крайней мере аристократам, Дора позаботилась об остальном. По возвращении из купальни меня уже ожидали новая одежда и сытный завтрак.

В своей земной жизни я обычно предпочитала брюки с блузами, но

сейчас не могла оторвать взгляда от разложенного на кровати элегантного платья приятного персикового цвета. Расшитый золотой нитью лиф, длинная юбка с мягкими складками, пышные, украшенные лентами рукава и обрамляющий линию декольте изящный кружевной воротник.

«Потрясающе», — зачарованно выдохнула про себя.

«Простовато, — тут же внесла коррективы в мои ощущения память Мэарин. — Вышивки мало, оборок и рюшей совсем нет, а вдоль выреза так и просится ожерелье... бриллиантовое или хотя бы жемчужное».

— Простите, миледи, — виновато зачастила служанка, приняв мое молчание за нежелание надевать такое неподходящее статусу платье. — Знаю, леди заготовок не носят, но ваш багаж еще не прибыл, и я взяла на себя смелость вызвать портниху из соседнего города... Лучшую, которая шьет только для господ, — заверила она с жаром. — Госпожа Бешо приедет завтра после полудня, а пока прислала вот это. — Потупилась и тихо повторила: — Извините.

Чего-чего не носят леди? Заготовок? В голове мелькнула смутная догадка и тут же пропала. На этот раз воспоминания подвели, а может, Мири ни с чем подобным просто-напросто никогда не сталкивалась.

— Хорошо, — улыбнулась, подбадривая девушку, и шагнула к овальному зеркалу, придирчиво осматривая себя с ног до головы. Рост... сложение... волосы... лицо... Да, все так, именно эта юная красotka мелькала сегодня ночью в моих видениях.

Что такое заготовка, я поняла уже через несколько минут, когда меня облачили в платье, оказавшееся не по росту длинным и слишком широким. Пока я растерянно хлопала ресницами, служанка извлекла из стоявшей неподалеку шкатулки подвеску — тоненькую цепочку с продолговатым, матово посверкивающим серым самоцветом — и надела ее мне на шею. Одежда заискрилась, словно сотканная из миллиона крохотных огоньков, на несколько секунд подернулась дымкой, а когда пелена рассеялась, я увидела, что теперь наряд сидит на мне идеально, плавно облекая фигуру и выгодно подчеркивая ее достоинства.

Прекрасно!

— Ужасно, — вторила моим мыслям Дора, порывисто прижимая к груди руки. — Как же все-таки ужасно, что с камнями Убгара нельзя носить украшений, госпожа. Вы ведь леди, а я не могу вплести вам в волосы ни одной даже самой тоненькой нитки жемчуга.

Продолжая сетовать, она усадила меня перед зеркалом, подала туфельки в тон платью и начала причесывать.

Неопределенно передернула плечами — пусть считает, как хочет.

Лично мне нравился таинственно мерцающий серебристый артефакт, и я ни секунды не переживала из-за отсутствия вычурных коле, дорогих сережек или браслетов. Но графиню Ольес, судя по всему, этот факт должен был очень огорчать.

— Завтрак, Дора, — напомнила мягко, едва служанка заплела волосы в косу и короной уложила их на голове. Девушка мгновенно прекратила причитания и резво устремилась к красиво сервированному столику, спеша отодвинуть стоявшее перед ним кресло.

Белоснежная скатерть, кремовые салфетки, изысканная, декорированная тонким золотистым узором посуда. На тарелках — тонкие ломтики сыра и холодного мяса, хлебцы, необычного вида фрукты. «Арайи» — «вспомнила» название душистых сладких плодов. Мири их очень любила.

Мясо оказалось удивительно нежным и мягким, сыр — вкусным, диковинные фрукты — спелыми и сочными, хлебцы просто таяли во рту, а теплый напиток, налитый Дорой из высокого кувшина, пах медом и луговыми цветами. Так что из-за стола я встала в самом благостном расположении духа. Но сохранялось оно не долго — ровно до тех пор, пока в дверь не постучали.

— Его светлость просит графиню Ольес спуститься в его кабинет, — важно возвестил незнакомый мне чопорного вида мужчина. — Если миледи готова, я провожу.

И хорошее настроение мгновенно испарилось. Сердце подскочило и тревожно забилось где-то у самого горла. Нет, я понимала, что герцог непременно пожелает со мной увидеться. Он жаждал выяснить, что произошло в той чертовой лесной избушке, и до сих пор не допросил меня только потому, что я спала или лежала без сознания. Да и мне не мешало бы побеседовать со своим спасителем, осторожно разобраться, что к чему. Воспоминания Мэарин, конечно, неплохой бонус, но они мало чем помогли. Скорее всего, прежняя хозяйка тела о случившемся знала не больше меня.

Так что встречи не избежать, и чем раньше она состоится, тем лучше. Но так быстро? Я же еще не готова... И обязательно скажу что-нибудь не то... или сделаю... или спрошу... или...

Дора суежилась, расправляя складки платья и отряхивая невидимые пылинки, но я почти не замечала этого. Мысли витали далеко отсюда, рядом с моим черноглазым спасителем — его светлостью герцогом Саллером, бывшим женихом Мэарин Астон.

В гробовом молчании мы с посланником герцога прошли пустынными коридорами, спустились на этаж ниже и остановились перед закрытой дверью. Мужчина постучал, дождался ответа, а затем потянул за ручку, с поклоном предлагая мне войти.

— Прошу, ваше сиятельство.

Осторожно переступила порог кабинета, такого же строгого и сдержанного, как его владелец, и застыла, не решаясь шагнуть дальше. В комнате было тихо и довольно свежо. Странно, откуда взялся этот пробирающий до костей холод, на улице ведь тепло? Зябко поежилась, обхватив себя руками. Или меня знобит просто потому, что я нервничаю перед предстоящей встречей?

Быстро осмотрела просторное светлое помещение — книжные шкафы, незажженный камин между ними, диван, глубокие мягкие кресла у низкого столика, высокие окна, залитый солнечными лучами широкий письменный стол, — отыскала глазами герцога и, кажется, забыла даже, как дышать. Да, именно этого человека я встретила тогда в лесу. Этого, а не того, каким его представляла Мэарин.

Суровое, властное лицо, жесткий взгляд, рот с неожиданно чувственной нижней губой, сжатый упрямо и чуть надменно. Мужчина не казался ни мрачным, ни безнадежно угрюмым или отталкивающим. Опасным — да, но при этом интересным и невероятно притягательным. Шрам, который до дрожи пугал Мири, меня несколько не беспокоил. Не понимаю, почему она так боялась этой узкой, едва заметной полоски на правой щеке?

— Гм... — раздалось позади сконфуженное, и только тогда я осознала, что мы с Саллером уже некоторое время стоим и сосредоточенно изучаем друг друга. — От меня еще что-то потребуется, ваша светлость?

— Нет, Талек, — после секундного замешательства отрывисто бросил герцог. — Иди. Если понадобится, вызову. — Дождался, пока закроется дверь, и сухо предложил, делая приглашающий жест в сторону дивана: — Располагайтесь, графиня.

Вздохнула, как перед прыжком в ледяную воду, и медленно двинулась вперед, обходя мужчину по широкой дуге. Ни за что не сяду на этот диван. Вдруг ему придет в голову устроиться рядом? Подошла к самому дальнему из кресел, плавно опустилась на краешек сиденья и затихла — спина неестественно выпрямлена, руки аккуратно сложены на коленях, на губах

легкая, ничего не значащая улыбка. Юная Красная Шапочка в гостях у страшного серого волка.

Саллер, легко разгадавший мой маневр, досадливо дернул уголком губ, но возражать не стал. Значит, я верно угадала — Мэарин присутствие жениха всегда смущало и напрягало. Она, как испуганный цыпленок, старалась держаться от мужчины на почтительном расстоянии, наверняка ужасно его этим раздражая.

— Как себя чувствуете, графиня?

Его светлость, видимо, чтобы понапрасну не тревожить излишне нервную девицу, демонстративно проигнорировал соседнее со мной кресло и расположился напротив, по другую сторону овального резного столика.

— Благодарю вас, — откликнулась вежливо, лихорадочно «припоминая», как Мэарин вела себя в присутствии будущего мужа. — Мне уже лучше

Слава богу, встречались они не часто. На балах, семейных обедах да обязательных официальных свиданиях-прогулках, где по большей части тоскливо молчали, уступая право говорить сопровождавшим их представителям семейства Астон.

Повисла пауза.

— Раз так, надеюсь, вы не откажетесь ответить на мои вопросы, — начал наконец Саллер. Судя по всему, он пришел к выводу, что светские церемонии соблюдены и от пустых слов пора перейти к делу. — Расскажите, что же все-таки произошло в тот день.

И герцог наклонился вперед таким быстрым хищным движением, что у меня пересохло во рту, а пальцы, судорожно сжавшись, вцепились в ткань платья.

— Трэй... граф Ольес подъехал к ограде парка, — выдавила я, пытаясь как можно точнее описать все, что узнала ночью. Воспоминания были отрывочными и непоследовательными, так что приходилось очень стараться, чтобы сложить их в четкую картину. — Я дождалась, пока все в доме уснут, потихоньку вышла и...

— Меня не интересуют подробности вашего побега, — небрежно отмахнулся собеседник. — Церемонию венчания тоже пропустите, к ней мы еще вернемся. Переходите сразу к тому, что случилось потом, после того, как вы покинули Древнюю обитель.

Я волновалась, до боли стискивала пальцы, сбивалась и начинала снова, а герцог слушал, не перебивая и никак не выказывая своего нетерпения. Потом начались вопросы. Неожиданные, неприятные, наводящие... Бесконечные...

— Что значит, не видели, кто на вас напал? Почему? — допытывался мой мучитель.

— Потому что и в самом деле не видела, — отбивалась я дрожащим голосом. — Я ведь уже говорила. Мы с Трэем ехали, целова... беседовали то есть, а потом раздался взрыв, и карета резко остановилась. Трэй хотел выйти, посмотреть, но вокруг вдруг появился такой странный желтый туман. Мне стало дурно, и Трэю тоже, он упал... Больше ничего не помню... только лошади... они так громко ржали... Очнулась я уже в той избушке. Вы что, мне не верите?

— Верю, — нехотя цедил Саллер. И снова принимался выяснять подробности.

— Имя напавшей на вас женщины? Не представилась? Ладно... — Ее приметы, цвет глаз, волос, во что была одета. Да, представьте себе, графиня, даже цвет платья интересует. — Что говорила? Слово в слово... Повторите... Еще раз повторите... — Как вы сказали? Гир? Могир? Так Гир или Могир? Припомните точнее. — Порошок... Какой порошок? Серый? Пыльца явра? Замечательно...

Через час я находилась уже на грани истерики.

— Послушайте, сколько можно меня мучить? — выкрикнула в отчаянии. — Что еще вам от меня нужно?

— Мне?

Герцог вдруг стал удивительно спокоен. Откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки и сообщил уверенно и подчеркнуто невозмутимо.

— Мне нужен от вас ребенок.

— Что?... — Бросила на Саллера недоуменный взгляд, вдруг я ослышалась. — Простите... Что вы сказали?

— Ребенок, — повторил герцог с каким-то мстительным удовлетворением. Усмехнулся и безжалостно припечатал, наверное, чтобы у меня больше не оставалось ни иллюзий, ни сомнений: — Это все, что от вас требуется, графиня.

Издевается, подлец... Или так извращенно шутит... Или все-таки...

— Хотите, чтобы я... — Голос против моей воли дрогнул, беспомощно и жалко. Кашлянула и начала снова: — Чтобы я... родила вам ребенка?

Реакция собеседника оказалась совершенно неожиданной.

— Хм... Какое интересное предложение, — почти промурлыкал он. — Приятно, что вы все еще рассматриваете мою кандидатуру. Что ж, можно и мне.

Не поняла... Что значит «можно и мне»? А кому еще? Ему, тому самому Трэю, который муж, или всем Ольес-Саллерам вместе взятым?

Вдруг у них здесь такие безумные традиции, и любому родственнику мужа позволено спать с его женой? По принципу — от кого быстрее забеременеет?

Мысли заматались испуганными зайцами. Попыталась «вспомнить», что Мэарин думала по этому поводу, но в голову, как назло, лезли одни глупости, не помогая, а только запутывая...

— Первый обязательно наследник, а потом дочери... да, непременно дочери. Я мечтаю о девочках, — звенел в ушах веселый голос, а сидящая напротив миловидная блондинка согласно кивала, не забывая зачерпывать маленькой серебряной ложкой мороженое из хрустальной вазочки и аккуратно отправлять его в рот. — Две очаровательные кудрявые малышки... Нет, три.

Вот меньше всего меня интересует сейчас, сколько детей собиралась заводить девица Астон.

— Я закажу им одинаковые платья, а к моему приказу пришить ленты такого же цвета, — упоенно продолжала откровенничать фантазерка под восторженные оханья подружки. — Мы будем великолепно смотреться вместе...

Боже, какой бред!

— Мужей разрешу им самим выбрать, — и это сомнительное утверждение нашло самую горячую поддержку у единомышленницы. — Только по любви...

Ну да... Как же...

— А сыновьями пусть супруг занимается...

Вот это уже ближе к делу.

Мири-Мири, ну же... мне необходимо знать, как в вашем мире относятся к супружеской верности, семье, браку. Пожалуйста...

Память, словно услышав мой отчаянный призыв, наконец-то подчинилась.

Картинка сменилась. Место блондиночки заняла роскошно одетая женщина с темными, слегка выющимися волосами, забранными в сложную прическу, и красивым, немного капризным лицом. Взрослая копия Меарин.

— Ты не какая-нибудь магичка, милая моя, а маркиза, — назидательно вещала она, — маркиза Астон, помни об этом. Невинность — самый ценный дар, который девушка твоего положения отдает супругу в первую брачную ночь. Девственность, незапятнанная репутация и верность мужу — вот самое главное приданое. А об остальном предоставь договариваться отцу...

Вот как! Значит этот... герцог — чтоб ему икалось неделю без

продыху — намеренно и неприкрыто оскорбляет меня, обращаясь с подобным возмутительным заявлением.

— Да как вы... — Надеюсь, у меня получилось величественно выпрямиться. По крайней мере я очень старалась. — Как вы смеете!

Саллер перестал улыбаться. В черных глазах мгновенно вспыхнул огонь, ноздри гневно раздулись, и мужчина резко качнулся вперед, стремительно поднимаясь на ноги. Один удар сердца — и он уже рядом. Крепко стиснул мои пальцы, не оставляя ни единого шанса на освобождение, выдернул из кресла и, обвив рукой талию, притянул к себе. Я замерла, почувствовав жар сильного тела и легкий табачный аромат — еле уловимый, древесно-пряный. «Он что, курит?» — подумалось невпопад.

— Как смею? — переспросил герцог, напряженно изучая мое лицо.

Взгляд его, пристальный, тяжелый, был почти физически ощутим. Вот он остановился на губах, опустил ниже, коснулся шеи, медленно-медленно скользнул вдоль выреза декольте — ладони тут же сжались, плотнее обхватывая тело, словно мужчина с трудом сдерживался, — и снова устремился к губам.

— А что вас смущает, миледи? Позвольте заметить, мы помолвлены, и добровольно данного вами слова я пока еще назад не возвращал. Так что имею полное право претендовать... Да и вы, сдается мне, вовсе не против. Не так ли? — уголок его рта презрительно дернулся.

Это на что он сейчас намекает? Что я не откажусь прыгнуть к нему в постель, стоит только поманить пальцем? Не стоит делать поспешных выводов, ваша светлость. Пусть я рассматривала вас чуть пристальней и дольше, чем положено юной стыдливой аристократке... хорошо-хорошо, пожалуй, чересчур долго и слишком пристально для благовоспитанной особы, но это не повод считать меня едва ли не падшей женщиной.

— Не так! — отрезала холодно и уперлась ладонями в мужскую грудь, стараясь отстраниться. — Я замужем!

Сказала и тут же похолодела. А жив ли еще тот белокурый мальчик с солнечной улыбкой и небесного цвета глазами, который мелькал в видениях Мири?

— Трэй... — выпалила с замиранием сердца. — С ним... все в порядке?

Не то чтобы я так уж сожалела о совершенно незнакомом мне человеке. Но оказаться вдовой, вернуться к родителям или достаться на неизвестных условиях Саллеру категорически не хотелось. Почему-то юный граф Ольес виделся наименьшим из зол, по крайней мере сейчас,

пока я не разобралась, что к чему, куда, зачем и как из этого всего выбраться.

— Неужели любопытно? — ядовито прошипел герцог. — Наконец-то! Я думал, засыплете меня вопросами, потребуете срочно проводить в его комнату, станете дежурить у постели, держать за руку и жалобно вздыхать. А вы даже не вспомнили о «нежно любимом» супруге.

Да... Промашка с моей стороны вышла. Покаянно опустила голову.

— Успели разочароваться в семейной жизни? — продолжал добивать Саллер. — Или в Трэе?

— Ничего подобного, — замотала головой, — я...

— Вы поняли, что быть герцогиней выгоднее, чем графиней, — подхватил собеседник, — и готовы поменять одного мужа на другого?

— Да нет же! — Снова попыталась его оттолкнуть — бесполезно — и почти взмолилась: — Ответьте, что с графом?

— Он серьезно ранен, до сих пор без сознания, — посуровел мужчина. — Но надежда есть.

Облегченно выдохнула и тут же снова напряглась, когда меня, легко преодолев сопротивление, стали подтягивать ближе... Еще ближе... И еще...

— Я бы с удовольствием забрал вас у кузена, — прошептал Саллер, почти касаясь губами моего рта, — и тем самым оказал ему огромную услугу. В создавшейся ситуации так, пожалуй, было бы лучше всего...

— Мы с Трэем обвенчаны... — напомнила на всякий случай, поспешно отворачиваясь.

— И что? — пресек мои возражения герцог. — Брак до сих пор не консуммирован, а наша помолвка одобрена не только семьями, но и его величеством. В любом храме страны жрецы по требованию короля немедленно подтвердили бы развод. В любом, но не в Древней обители. Трэй все рассчитал и знал, куда нужно ехать. Танбор лишь единожды благословляет союз и соединяет пришедшую к нему пару на всю жизнь.

Ого... Вот так сюрприз.

— Теперь отнять вас у графа я могу только одним способом, — продолжал между тем Саллер, не замечая моего смятения, — сделав вдовой.

— Но вы ведь так не поступите? — пролепетала растерянно и насторожилась, ощутив горячее дыхание у своего виска.

— Убить брата ради женщины, которая через несколько дней после свадьбы о тебе даже не вспомнит? Станет кокетничать с другим, не беспокоясь о том, что я лежу при смерти? — Что? Когда это я с ним

кокетничала? — Нет!

Выплюнув свое решительное «нет», он резко оттолкнул меня, так что я почти упала назад в кресло, и закончил:

— Вы этого недостойны.

Что ж, и на том спасибо.

Пока я приподнималась, оправляла платье, садилась, стараясь держаться уверенно и невозмутимо, герцог успел отойти к письменному столу.

— А вот наследника графу придется родить, и чем быстрее, тем лучше, — негромко произнес он. — Иначе вас с Трэм не оставят в покое. Его попытаются убить, а вас похитить и силой принудить к новому браку. — Подождал, давая мне время прийти в себя после очередного потрясения, и спросил: — Что вы знаете о древней крови, миледи?

Ничего! Меня просто подмывало именно так и ответить. Вопреки сомнениям, страху, здравому смыслу бросить в лицо высокомерному хаму правду о себе, своем появлении в этом мире и с наслаждением смотреть, как с его лица сползает самоуверенно-надменная маска. Пусть даже это будет последнее, что мне доведется увидеть в жизни. Пару секунд я в деталях представляла себе картину с оригинальным названием «Не ждали», потом затолкала подальше обиду, а вместе с ней и совершенно неуместное сейчас детское чувство противоречия.

Зачем торопиться с признаниями? Нет уж, сначала послушаю, что скажут. Вдруг все само собой образуется — я пойму, каким ветром меня сюда занесло и как выбраться из этого... гм... в общем, как вернуться назад, к моему Петьке, тогда и откровенничать не придется. Что-то мне не очень понравилось, как там, в лесу, герцог отреагировал на новость об открытии межмирового портала — четко, оперативно, но явно без особого восторга, скорее, наоборот. Боюсь, и свалившейся ему на голову попаданке-вселенке теплого приема ждать не стоит. А еще я хорошо помнила, что так и не сумела назвать спасителю свое имя. Снова выставять себя дурочкой или, того хуже, не совсем адекватной особой не хотелось.

Решено. Поговорю, разберусь, сделаю выводы и поступлю по обстоятельствам.

Итак, Мэарин, графиня Ольес, что же мы с вами можем поведать об этой самой древней крови?

Глава 3

К сожалению, знала Мири до смешного мало.

В памяти нехотя всплывали какие-то разрозненные факты... Несколько раз мелькнули страницы толстой книги... Зазвучал, отдаваясь, настойчивый монотонный голос... Складывалось впечатление, что вопрос этот девицу Астон не особенно интересовал, и все ее представления ограничивались детскими сказками, слухами, а также обрывочными сведениями из обязательной учебной программы.

Ладно, для первого ответа достаточно, а там сообразим, что к чему.

— Что за странный вопрос? — холодно улыбнулась. — Разумеется, мне известно все, что положено девушке моего круга.

Поерзала, устраиваясь поудобнее, тщательно разгладила складки на юбке, снова скромно сложила руки на коленях и, поскольку герцог все еще терпеливо ждал продолжения, гордо пояснила:

— Я посещала школу леди Вивил, а она считается лучшей в столице.

Саллер стиснул зубы и даже, кажется, кулаки, но сдержался, лишь во взгляде появилась еле заметная насмешливая снисходительность. Вот и хорошо, значит, с ролью наивной глупышки я пока справляюсь как нельзя лучше.

— Что же вам рассказали в заведении этой во всех отношениях достойной леди? — вкрадчиво спросил мужчина. — Поделитесь, графиня.

Отчего ж не поделиться? Благосклонно кивнула и выложила все, что мне удалось наскрести в чужих воспоминаниях.

— Много столетий назад... — я запнулась и неуверенно уточнила: — Шесть или семь... нет, все-таки шесть...

— Семь, — не выдержал герцог и раздраженно поторопил: — Дальше, миледи.

Дальше — так дальше. Картинно надула губы — надо же показать, что мою трепетную девичью душу задела его бесцеремонная грубость — и как бы нехотя продолжила:

— Нелюди напали на человеческие королевства, желая захватить земли, а жителей сделать рабами. Они сжигали города, деревни, мучили и убивали, не жалея никого — ни стариков, ни детей. Наши войска отчаянно сопротивлялись, но продолжали отступать. Мы ничего не могли противопоставить проклятым колдунам, поскольку среди людей в то время не рождались чародеи. Поражение казалось неизбежным, и тогда король

Ильмиар обратился к Танбору, умоляя его о милости. Создатель откликнулся на просьбу, даровав повелителю и его ближайшим сподвижникам невероятную силу, с помощью которой они и победили врагов.

Перевела дух, ожидая хоть какой-то реакции, но герцог не торопился нарушать молчание, и я продолжила:

— Все живущие ныне маги Риоса, — о, вот и название мира всплыло, — считаются потомками великого Ильмиара и его друзей. Их и называют носителями древней крови. Увы, род самого короля-победителя давно прервался, прямых наследников не осталось... Говорят, они были сильнейшими. В их жилах древняя кровь пела громче всего, а искра божьего благословения сияла особенно ярко.

Я снова остановилась, и на этот раз Саллер не стал затягивать паузу.

— Это все? — осведомился он кратко.

Неопределенно передернула плечами — ничего больше из памяти Мири выудить не удалось. Но, видимо, и этот стандартный набор знаний, которыми наставники снабдили юную аристократку, вполне удовлетворил моего собеседника.

— Что ж...

Мужчина задумчиво побарабанил по столешнице пальцами, с сомнением покосился на меня, а потом достал из ящика стола какой-то предмет и крепко его сжал.

— Прежде чем мы продолжим, миледи, вы дадите клятву о неразглашении, — произнес он со зловещей решительностью. — Надеюсь, наставницы успели объяснить вам, что такое «Руот-тан»?

«Руот-тан, — эхом отозвалось в памяти, — одна из сильнейших магических клятв, которую используют, когда нужно сохранить в тайне секреты государственной важности. Нарушить или обойти невозможно, попытка нейтрализовать приводит к смерти».

По спине пробежал холодок, заставив вздрогнуть, как от порыва студеного ветра.

Во что же я все-таки вляпалась?

— Ритуал, — нетерпеливо напомнили мне, и я подчинилась, тщательно скрывая досаду.

Ужасно не хотелось связывать себя обязательствами, тем более магическими, но деваться, судя по всему, некуда. Во-первых, герцог все равно не отвяжется, а во-вторых, имеет полное право настаивать на подобном. Имеет право... Эта мысль мелькнула и пропала, оставив после себя новые вопросы. А собственно, кто он такой, этот Саллер? Помимо

того, что герцог, бывший жених Мэарин и какой-то там загадочный мэссер? Чем он вообще занимается? И кстати, как его имя?

— Руку, миледи... — Мужчина теперь стоял в двух шагах от меня, протягивая открытую ладонь, на которой лежал маленький ярко-красный кристалл с острыми гранями.

Посторонние соображения тут же выветрились из головы. Потом, все потом...

Осторожно накрыла камень дрогнувшими пальцами и вскрикнула, когда герцог стиснул их, фактически впечатав в артефакт. От резкой обжигающей боли на миг перехватило дыхание.

— Сейчас все пройдет, Мири... потерпите. — В тоне герцога мелькнуло сочувствие.

И действительно, через мгновение неприятные ощущения исчезли так же внезапно, как появились. А вместе с ними пропала и жалость из голоса Саллера.

— Готовы? — Речь его, как прежде, звучала спокойно и отстраненно.

Выдохнула и, сосредоточившись, начала нараспев повторять всплывающие в памяти слова. Боли не было, я вообще больше ничего не почувствовала, но герцог, не сводивший с меня глаз, удовлетворенно кивнул, стоило последнему звуку раствориться в тишине кабинета, и я поняла, что клятва принята.

— Подтверждаю, — заключил он официально и вернулся к письменному столу, чтобы убрать артефакт.

А я... я удивленно изучала свою ладонь, на которой не осталось ни одной, даже самой крохотной отметины — чистая гладкая кожа, и все.

— Впервые сталкиваетесь с «Руот-тан»? — понимающе усмехнулся Саллер и тут же огорошил очередным требованием: — Расскажите о венчании. Не пропуская ничего... Ничего, — настойчиво повторил он еще раз. — Меня интересует каждая, пусть даже самая незначительная, с вашей точки зрения, деталь.

— Хорошо.

Это нетрудно сделать. Мэарин ждала свадьбу, мечтала о ней, грезилась во снах, поэтому церемония отпечатавалась в памяти девушки во всех мельчайших подробностях.

Приезд в Древнюю обитель... Испытующий взгляд строгого немногословного жреца в простом светлом балахоне — взгляд, проникающий в самую душу... Его короткое согласие... Бурное ликование юных влюбленных, которые страшно боялись, что им откажут и придется уйти ни с чем... Часовня... Зал с прозрачным сводом и многоцветными

узорчатыми окнами, в которых играют солнечные лучи... Несколько человек в глубине помещения, уже знакомый служитель, стоящий перед необычным золотистым постаментом...

— Подождите, графиня, — недовольно прервал меня Саллер и нахмурился: — Какие солнечные лучи? Вы приехали в обитель рано утром, только начало светать.

А ведь действительно, когда мы беседовали со жрецом, заря едва занималась. Мири все время ежилась и с опаской поглядывала в дальний угол двора, где еще лежал полумрак, скрадывая очертания предметов.

— Тем не менее солнце было, — я упрямо тряхнула головой, — солнце и свет... Много света... На стенах, на полу, на алтаре.

— И когда же появился этот свет? — Голос герцога стал мягким и таким вкрадчивым-вкрадчивым.

— Он начал разгораться, когда мы опустили ладони на священный камень, а после слов обета вспыхнул и соединил наши руки яркими лентами.

— И все? — хмуро осведомился герцог после паузы.

— Все, — подтвердила твердо. — Потом мы быстро сели в карету и уехали. Трэй торопился. Он договорился с одним из друзей, что мы проживем некоторое время в его поместье, но путь туда неблизкий. — Герцог продолжал угрюмо молчать, и я попросила: — Может, скажете наконец, что произошло? Я ведь дала клятву. Кто-то напал на карету, ранили Трэя... Меня заперли, чуть не убили... Ничего не понимаю...

Видимо, мне удалось-таки разжалобить Саллера. Он поморщился, прошелся из угла в угол, остановился у окна — напряженный, прямой, с заложенными за спиной руками — и так, не оборачиваясь, принялся говорить. А я внимательно слушала и с каждым произнесенным словом все четче осознавала: я не просто попала, а со всего маху угодила прямо в центр расставленной кем-то паутины. Муха, на которую шла охота, вовремя улетела, а вот я влипла вместо нее, запуталась серьезно и основательно. Правда, хочется верить, что небезнадежно.

Если кратко, то дело обстояло в следующем.

Маги Риоса, которых было не так много, считались элитой общества независимо от того, являлись они аристократами или относились к другому сословию. Браки представители «высшей касты» старались заключать только между собой, так как лишь в этом случае отпрыски гарантированно наследовали способности родителей. Впрочем, силу и уровень дара это не определяло. Очень часто у сильных магов рождались дети, чья «искра» едва тлела, и наоборот. К слову сказать, среди аристократов чаще всего

встречались слабо одаренные. Уж не знаю, с чем это связано: Мэарин подобными вопросами не интересовалась, а Саллер не стал ничего пояснять.

Так обстояли дела во всех королевствах, включая Намарру, где жила Мэарин Астон, и во всех семьях. Кроме одной.

В роду Ильмиара, того самого, что первым получил силу от Танбора, раз в поколение на свет появлялись особые девочки — хэленни. Слабенькие магички, почти пустышки, они, тем не менее, являлись величайшей ценностью Риоса, потому что приносили своему мужу необычный дар. Рожденный ими первенец не просто перенимал способности отца, а многократно их усиливал, становясь со временем величайшим магом своего мира. Да и остальные дети немногим уступали наследнику.

Хэленни берегли, как истинное сокровище. За право ввести их в свой дом сражались, убивали и умирали, за них отдавали все, что имели, и радовались, потому что знали, что приобретут намного больше. Королевские династии Риоса и самые титулованные аристократические семьи процветали именно благодаря бракам с хэленни. Эти женщины умели подпитывать искру Танбора, и та вспыхивала в крови их детей ослепительно и жарко, вознося род счастливец на небывалую высоту.

А потом род Ильмиара прервался, а вместе с ним исчезли и его удивительные дочери. Остались только сказания, летописи, сухие отчеты да описания ритуалов.

— Обряд венчания хэленни всегда проводился в Древней обители. На рассвете. — Голос Саллера звучал ровно и тускло, словно он бесконечно, невероятно устал. — Свидетелем, который принимал обеты, благословлял и навеки соединял новобрачных, был свет Танбора, окутывавший часовню, а потом и ладони новобрачных.

— Что? — переспросила я, все еще не понимая. Нет, отчаянно не желая понять.

Вместо ответа герцог шагнул к книжному шкафу, достал толстый темный фолиант, положил на письменный стол и, раскрыв, молча поманил меня к себе.

Косой луч солнца, пробившись сквозь окно, ярким пятном упал на пожелтевшую страницу, как раз туда, где была изображена застывшая перед золотым алтарем пара. Я долго смотрела на их руки, оплетенные длинной светящейся лентой, украдкой покосилась на свои запястья. Чистые...

— Пока чистые, — словно уловив мои мысли, подтвердил мужчина. —

До конsummации брака.

Не поднимая глаз, тихо уточнила:

— Вы хотите сказать, что я хэленни?

И совсем не удивилась, услышав:

— Да.

После жесткого прямого ответа Саллера в воздухе повисло напряженное молчание. Собеседник не торопился его прерывать, видимо, давая мне время опомниться и смириться с незавидной участью, а я... Я пыталась прийти в себя и собраться с мыслями.

— Мэссер... — вскинула я наконец голову, и по тому, как изумленно взлетели вверх его брови, мгновенно сообразила, что ляпнула что-то не то.

Мне запрещено так к нему обращаться? А кому можно? Впрочем, сейчас это не имеет значения.

— Ваше светлость, — исправилась невозмутимо, — у меня есть несколько вопросов. Если позволите...

— Всего несколько? — невесело усмехнулся герцог. — В таком случае вы счастливица, миледи. У меня их десяток, не меньше.

Я ждала, никак не реагируя на шутку. Улыбка сползла с губ мужчины, взгляд посуровел, став почти ледяным, и он повелительно бросил:

— Спрашивайте.

— Почему о том, что я хэленни, стало известно только сейчас? Родители, учителя — неужели никто не догадывался? Или вы... — я замялась.

— Нет, — правильно истолковал мои сомнения герцог, — даже не подозревал.

Очень хотелось верить, что он говорит правду.

— Но почему? — повторила настойчиво.

— Только наследники Ильмиара умели определять, какая из их дочерей наделена даром. Для этого они проводили новорожденных девочек через особый ритуал, на котором присутствовали лишь старшие мужчины семьи. А потом малышка росла, ничем не выделяясь среди сестер, и только в день совершеннолетия торжественно объявлялось, что именно она и есть хэленни. Для всех остальных подтверждением служили церемония единения и свет Танбора, благословляющий молодую пару.

Саллер остановился, словно колеблясь, стоит ли откровенничать дальше, но все-таки продолжил:

— После крушения старой династии появился закон, обязывающий представителей аристократических семей, так или иначе связанных узами родства с Ильмиаром, венчаться в Древней обители. Свет еще трижды

озарял часовню — последний раз почти сто лет назад. Все. Больше хэленни не было, и закон со временем отменили.

Ясно... Новый правитель собирался таким способом определять носительниц дара и использовать их по своему усмотрению. Но годы шли, желаемого результата король не достиг, и аристократы принялись роптать. Нерушимый брак мало кого устраивал. Разве что юных, наивных и безумно влюбленных, но никак не их родителей, которые рассматривали замужество дочерей исключительно с точки зрения собственной выгоды.

Сегодня этот барон обласкан судьбой? Отдам ему свою кровиночку. Барон в опале и сослан в дальнее поместье? Зачем же девочке вместе с ним мучиться, когда есть возможность задержаться в столице? Тем более маркиз — новый фаворит короля — давно намекал, что не против породниться, объединив состояния и земли.

Все вполне объяснимо, в земной истории немало подобных примеров. Лукреция Борджиа трижды выходила замуж, меняя супругов по приказу отца и брата ради новых связей и владений. Хорошо, что в этом мире не убивают, а просто разводятся.

И вот еще что интересно...

— А что случилось с прямыми потомками Ильмиара?

— Неужели в школе леди Вивил этого не проходят? — бросил на меня острый взгляд герцог.

— Проходят, разумеется, и все же...

— Необходимая информация есть в ваших учебниках, — отрезал он, и я поняла: ничего сверх того, что положено знать любой юной леди, мне не сообщат.

Ну и ладно. Понадобится — сама раздобуду нужные сведения.

— Значит, Трэй не имел представления о том, что я хэленни, — протянула рассеянно.

— О, в этом я вам ручаюсь. Кузен женился, так сказать, по велению сердца и собственной сиюминутной прихоти, а не по злему умыслу и корыстному расчету. — Саллер скривился. — Впрочем, расчет, для начала — трезвый, ему точно не помешал бы.

На душе стало легче. Я, конечно, не Мэарин и с графом лично не знакома, но почему-то приятно было осознавать, что Ольес испытывал к своей юной супруге если не любовь, то по крайней мере искреннюю симпатию. Хотя... выводы, пожалуй, делать рано, встретимся — там видно будет.

— Но после того как нас благословил Танбор, муж, разумеется, понял, кто достался ему в супруги... — я не спрашивала — скорее утверждала —

и растерялась, услышав неожиданное:

— А вот в этом я не уверен.

— Но...

— Трэй выглядел изумленным? Мрачным? Обеспокоенным? — герцог склонил голову набок. — Кинулся выяснять подробности у жреца? Просил у него убежища?

— Нет... — Я старательно «вспоминала» поведение новобрачного. — Наоборот, он казался веселым, довольным и счастливым... очень счастливым. Мечтал о том, как представит меня родителям, и они нас простят.

— Пожурят немного, а потом откроют объятия, расцелуют и подарят каждому воз пирожных и ездового единорога, — мрачно съязвил Саллер. — Информация о хэленни не является секретом. Книги о них можно найти и в центральном государственном архиве, и в королевском хранилище, не говоря уже о библиотеке Высшей магической школы. При желании. Но, — мужчина небрежно пожал плечами, — в том-то и дело, что у кузена такого желания никогда не было. И посещать занятия он не любил. Не удивлюсь, если выяснится, что он благополучно пропустил мимо ушей все, что говорилось на эту тему в ВМШ.

Мда... Граф с женой просто созданы друг для друга, как я погляжу. Идеальная пара молодых светских бездельников — по-своему неплохих, но эгоистичных, легкомысленных и непозволительно беспечных

— Зато кое-кто учился намного лучше моего бедного мужа и сразу все понял, — буркнула, вспоминая избушку в лесу, незнакомку, покушавшуюся на мою жизнь, и ее слова: «Теперь он только о тебе и думает»...

Могир...

Интересно, как он узнал? Рассказали или сам увидел? В храме помимо жреца находилось еще по крайней мере двое человек... Жаль, лица вспомнить не получается... Значит, это Могир на нас напал? Или тайна известна не только ему, и лес вокруг имения сейчас просто кишит претендентами на руку, а главное, тело Мэарин Ольес? Им плевать, что в этом самом теле в данный момент заперта моя испуганная душа. И...

Нет, так дело не пойдет. Надо выдохнуть, успокоиться и, наконец, задать главный вопрос.

Смяла в ладонях ткань платья, чтобы было не так заметно, как дрожат пальцы. Сосчитала в уме до пяти — на большее меня не хватило, а потом спросила:

— Что же мне теперь делать?

— А вы действительно готовы что-то делать? — В голосе герцога

звучала ирония. — Выслушать, принять разумные доводы и поступить, как вам скажут? Без слез, капризов, праведного возмущения и опрометчивых поступков?

Жить захочешь — не так раскорячишься. Я, конечно, не произнесла этого вслух, все равно не оценят. А жаль... Пришлось проглотить насмешку собеседника.

— Ваша светлость, я кажусь вам глупой взбалмошной девчонкой, — все-таки не вытерпела, уколола, — с высоты вашего почтенного возраста...

Ребячество, каюсь, но, когда Саллер на мгновение недовольно сжал губы, почувствовала себя почти отомщенной.

— Наверное, я такая и есть... была, но теперь, когда мне и моему мужу угрожает опасность, — как ни старалась сдерживаться, голос невольно дрогнул, — поверьте, сумею вести себя соответствующе. — В памяти неожиданно всплыло строгое умное лицо, и я с достоинством добавила: — Мой отец Гольвен Астон.

— Не думаю, что лично вам, графиня, угрожает что-то серьезное, — нехорошо усмехнулся герцог. — В отличие от моего кузена, которого недавно уже пытались убить. И это только начало.

Как сказать. Вероятно, для кого-то лишь смерть страшна, а вот мне перспектива быть неоднократно изнасилованной представляется самой настоящей опасностью. Не стала ничего отвечать, только еще выше задрала подбородок, и герцог, согнав с лица ухмылку, неохотно признал:

— Вижу, семейное упрямство Астонов вы унаследовали в полной мере. Если вам досталось от маркиза хотя бы немного его осторожности и дальновидности, пожалуй, у нас есть шанс...

* * *

В свою комнату я вернулась только через час. Отмахнулась от поспешно бросившейся ко мне Доры.

— Выйди.

— Ваше сиятельство, — служанка озабоченно нахмурилась, — а как же обед...

— Не сейчас.

— Но...

— Подашь позже, — отчеканила, изо всех сил борясь с подступающей истерикой. Камеристка побледнела, отступила на шаг, и я, опомнившись, попробовала смягчить невольную резкость слов: — Пожалуйста, Дора.

Мне нужно остаться одной.

Что бы там ни было, а она ни в чем не виновата.

Когда дверь за девушкой захлопнулась, я закрыла глаза и глубоко задышала, надеясь успокоиться. Но потом не выдержала — сорвалась с места и быстро заходила из угла в угол, вновь и вновь прокручивая в голове свой недавний разговор с Саллером.

Итак, что мы имеем в сухом остатке?

Невеста герцога сбежала от навязанного родителями жениха с его красавцем-кузенком. По настоянию графа они обвенчались не где-нибудь, а в Древней обители. И это большая проблема, потому что Танбор не признает разводов и одобренный им брак расторгнуть нельзя.

Хм... Хорошо бы разузнать, Ольес сам решил поехать в обитель или его ненавязчиво подтолкнули? И вообще, с кем из светских шалопаев граф поделился сногшибательной новостью, что собирается оставить с носом всесильного братца и увести у него Мири? Не верится, что Трэй сдержался и не похвастался хоть кому-нибудь из своих многочисленных друзей. К сожалению, он пока без сознания, так что не спросишь. Ладно, потом.

Во время венчания выяснилось, что Мэарин Астон, вернее, уже Ольес — хэленни. Причем сам муж об уникальной особенности супруги, судя по всему, так и не догадался, а вот кто-то другой очень быстро сообразил, что к чему и какую это сулит выгоду. Вопрос века — кто?

Кандидатуру жреца Саллер сразу отмел: дескать, он никогда не пойдет против желания Танбора и его благословения. А вот я не была бы столь категорична. Трудно представить, что на уме у служителя культа и какова на самом деле воля его небесного покровителя. Помимо верховного жреца и нескольких его помощников в часовню мог заглянуть любой, кто оказался в то время в обители. Например, крестьяне, накануне вечером привезшие продукты и не успевшие уехать. Всех их сейчас ищут и проверяют.

Дальше...

По дороге из обители на карету напали. Раненного графа бросили умирать, а новобрачную, предварительно обвешав охранными браслетами, заперли в каком-то доме. Там ее и обнаружила охваченная ревностью и жаждой мести незнакомка. Но до этого душа Мири по непонятной причине успела покинуть тело, и ее место заняла я. Тоже неизвестно почему.

Кто похитил Мэарин? Как скандальная девица очутилась в той развалюхе? «Очередное разбойничье логово», — презрительно отозвался о лесной хижине герцог. Значит, меня бандиты похитили? Или все-таки тот самый пресловутый Могир? Или наемники по его приказу? Ничего не понятно.

Даже личность загадочного Могира пока не удалось выяснить. Оказалось, это имя среди аристократов слишком распространено, чтобы подозревать кого-то конкретного. Как говорится, мало ли в Бразилии Педро? И не сосчитать!

Вопросы, вопросы... одни вопросы... И пока на них не найдутся ответы, участь моя останется незавидной.

Крестьянам, которые были в обители в утро венчания, подчистят память — после того как их найдут и допросят. Жрецы согласились молчать. О том, что я хэленни, больше не узнает никто, включая родителей Мэарин. Но где-то на свободе все еще разгуливает чертов Мофир, прячется его информатор и... Есть еще король, которому мой спаситель уже успел обо всем доложить...

— Его величество крайне обеспокоен случившимся, — как наяву услышала я холодный голос герцога, — ему не нужна смута. Нам не нужна. Поэтому вопрос о вашем ребенке — дело государственной важности. Вы поселитесь здесь, в Эрменлейве, и как только Трэй достаточно поправится для того, чтобы... немедленно консуммируете брак. Пока не родится наследник, ни один из вас не покинет имения. И поверьте, графиня, в ваших же интересах сделать так, чтобы это произошло поскорее. Так что... старайтесь, миледи.

Это его «старайтесь», сказанное язвительно-снисходительным тоном, вывело меня из себя, и я сорвалась.

— Может, вы и свечку подержите, чтобы у нас лучше получалось? — выпалила в сердцах и тут же поняла, что зря.

Взгляд Саллера окончательно заledenел, и он, в несколько шагов преодолев разделяющее нас расстояние, буквально навис над мной.

— Может, и подержу, — хрипло выдохнул, — а также покажу и научу, если потребуется.

Дернулась в сторону, но сбежать не успела. Сильные пальцы поймали мои запястья и крепко сжали.

— Примите добрый совет, миледи, — взрослейте быстрее. Потому что шутки закончились раз и навсегда в тот самый миг, когда свет Танбора возвестил о появлении в мире новой хэленни. И ваше детство тоже закончилось. У короля два сына, оба не женаты, а есть еще племянники. Как считаете, у него не возникло искушения ввести вас именно в свою семью? Юного Ольеса, конечно, жаль, но когда затронуты интересы страны и правящей династии... сами понимаете...

Я понимала, очень хорошо понимала.

— Его величеству известно, что Танбор благословил ваш брак,

поэтому он пока колеблется, но как долго это продолжится, не предскажу даже я. — Нервно сглотнула, а Саллер продолжал, больно стискивая мои руки и притягивая к себе: — Герцоги Фоарндские тоже не отказался бы от такого... подарка судьбы. С учетом моих способностей наш сын вырос бы величайшим магом даже не королевства — мира. — Теперь его губы находились буквально в нескольких сантиметрах от моих. — Я не задумываясь убил бы того несчастного, которому не посчастливилось стать вашим мужем, и вернул бы назад обещанную невесту. Тем более по законам королевства имею на это полное право. Но Трэй мой кузен, я не подниму руку на брата. И все же... — Он наклонился еще ниже, почти касаясь моего рта легким скользящим поцелуем. — Не искушайте меня, графиня. Ради собственной безопасности... не искушайте...

Кто кого искушает — еще вопрос. Я не Мири, которую от навязанного жениха отделяла спасительная стена из собственных страхов, стереотипов и детской инфантильности. На меня обаяние мужчины действовало просто убойно. И это сейчас совершенно некстати.

— Я...

Лицо горело, в горле пересохло. Скользнула языком по непослушным губам. Взгляд Саллера мгновенно потяжелел, глаза потемнели еще больше, завораживая своей бездонной чернотой, и я даже не поняла, почувствовала — сейчас меня поцелуют.

Ой, мамочки...

— Вы позволите... навестить мужа? — ляпнула первое, что взбрело в голову.

Герцог непонимающе нахмурился. Как-то туго он соображает.

— Трэй... мой супруг... Я хотела бы провести его, ваша светлость... Как он? Сильно ранен? Я так переживаю, скучаю и... Вы разрешите за ним ухаживать? Он там совсем один, а я здесь... одна... Ведь разрешите, да?

Что повлияло на Саллера — эта сбивчивая речь или упоминание о графе — не знаю, но он пришел в себя. На мгновение опустил ресницы, а потом освободил мои руки и медленно отстранился.

— Значит, одна, — повторил он мрачно. — Вот как... — Отступил на шаг и словно перенесся далеко-далеко, таким отчужденно-равнодушным стало его лицо. — Вас учили присматривать за ранеными? Похвально. Умеете менять повязки, следить за состоянием больного? Правильно использовать магию, чтобы дать лекарство, когда он находится без сознания?

Увы, ничего подобного я не умела. Особенно «правильно использовать магию».

— Нет, но...

— Довольно! — твердо оборвал мой лепет герцог. — О Трзе есть кому позаботиться. — Он не добавил — «более компетентному», но и без слов было понятно, что именно это имеется в виду. — Разумеется, вас проводят к нему, графиня, но чуть позже.

Мужчина отошел к столу, склонился над ним, перекладывая какие-то бумаги и расправляя свернутую трубочкой карту.

— А сейчас прошу простить, миледи, но у меня дела. — Коснулся лежавшей на краю круглой серебряной пластины и негромко позвал: — Талек.

Меня явно выпроваживали.

— Вы запретили нам покидать имение, пока не появится наследник, — выпалила торопливо, боясь, что не успею спросить. — А потом? Что потом? Меня ведь так же могут похитить... принудить... — Мой голос сорвался. — Пусть это будет не первый ребенок, но тоже достаточно одаренный маг... маги. Жениться на мне вовсе не обязательно. И Трза убивать тоже. Запрут где-нибудь и...

— У вас богатая фантазия, миледи, — не поднимая головы, бесстрастно прокомментировал Саллер. — Не беспокойтесь, хэленни способна иметь детей только от отца своего первенца. Такова особенность ее дара. После рождения наследника вы утратите свою... гм... ценность для всех, кроме супруга. А вот до этого момента вас непременно попытаются отнять у графа. И не просто отнять, а взять в жены, чтобы старший ребенок появился на свет законнорожденным и имел неоспоримое право в дальнейшем говорить от имени семьи и рода. Надеюсь, учителя вам объясняли, как строг в этом отношении закон?

Мне как раз никто ничего не объяснял, а вот Мири... Однако времени покопаться в ее воспоминаниях, к сожалению, пока не было.

На языке вертелось еще множество вопросов, но дверь открылась, на пороге возник чинный Талек, и герцог сухо попрощался:

— Всего доброго, миледи!

На меня он больше не взглянул.

Вот так меня практически выставили из кабинета...

Вспомнив об этом, еще стремительнее заметалась по комнате.

«Старайтесь... взрослейте... не искушайте... — передразнила яростно. — А главное — рожайте, во славу семьи и на благо королевства. Чем быстрее и чаще — тем лучше».

Да что он себе позволяет!

Нет, Мири, конечно, безропотно согласилась бы со всеми условиями.

Но я-то не Мэарин. Связать свою жизнь с человеком, которого в глаза никогда не видела и к которому ничего не испытываю, стать племенной производительницей элитных магов — да лучше смерть, чем подобное существование. По крайней мере мучиться не так долго придется.

В голове мелькнула предательская мысль — немедленно спуститься в кабинет и выложить Саллеру о себе всю правду. Мелькнула, потом всплыла еще раз и задержалась. А почему бы и нет? Эх, если бы знать, как здесь относятся к попаданцам. Жаль, я до сих пор не выяснила, почему герцог так напрягся, когда услышал об открытии межмирового портала. И память графини Ольес, как назло, молчит.

Все равно! Пойду и скажу! Резко развернувшись, придерживала взметнувшуюся веером юбку, побежала к двери и... остановилась.

Ладно, поверят, а дальше что? Отпустят? Маловероятно. Убьют? Не исключено. А если не поверят, сочтут ненормальной, начнут лечить и все равно заставят рожать? Сумасшедшие ведь тоже способны иметь детей.

Или поверят, но решат, что дар остался в крови, а не исчез с душой Мири, и примутся экспериментировать. Не получится с одним — отдадут второму, третьему, четвертому... Ни семья Ольес, ни семья Астон не вступится за непонятную иномирянку. И тут два варианта. Либо я все-таки окажусь хэленни — и меня опять-таки заставят производить на свет потомство, либо нет — и меня в лучшем случае уничтожат. Что произойдет в худшем, даже предполагать не берусь.

Зябко поежилась. Ни один из сценариев меня не устраивал.

Надеяться на милость и доброту герцога? С какой стати? Я не очень хорошо знакома с Саллером, но то, что успела понять, особо не утешает. Умный, волевой, расчетливый, занимает высокий пост и предан королю. Такой точно не станет скрывать важные новости от своего повелителя.

Да и с чего я взяла, что сумею хоть что-то ему рассказать?

Вспомнила нашу первую встречу в лесу и тщетную попытку возразить герцогу, назвавшему меня Мири. Тогда я списала свою неудачу на волнение, усталость, а неприятное чувство удушья — на плохое самочувствие после пожара. А если это не так?

Покосилась на закрытую дверь, набрала в грудь воздуха и негромко произнесла:

— Мое имя Мария Климова...

Вернее, попыталась произнести, потому что у меня ничего не получилось. Выговорила только: «Мое имя»... — и на этом все.

Дальше лишь хрип, кашель и мгновенное жуткое ощущение, будто из легких выкачали весь воздух без остатка. Я пробовала снова и снова, но так

и не выдавила из себя ни имени, ни названия города или планеты — ни одной, даже самой мелкой, подробности, раскрывающей мое происхождение.

Обвела взглядом комнату и бросилась к стоявшему в углу изящному секретеру. Лихорадочно захлопала ящиками и в одном из них обнаружила то, что искала — тоненькую стопку бумаги и некое подобие карандаша. Несколько минут хватило, чтобы убедиться — написать о себе тоже не выйдет.

Отбросила ставший ненужным карандаш и тяжело оперлась на бюро.

Меня забросили в чужой мир, хотели убить, заставляют спать непонятно с кем и рожать неизвестно кого. А теперь выясняется, что у меня не только отняли тело и прежнюю жизнь — забрали даже возможность сказать о себе правду. Подстраховались, гады. Эта новость стала последней каплей, переполнившей чашу моего отчаяния.

Всхлипнула, впилась ногтями в ладони, пытаюсь удержать рвущийся наружу крик — не помогло — и самым позорным образом разрыдалась. Горько и самозабвенно.

Глава 4

Он злился. На ситуацию, которая благодаря воле, а вернее, насмешке Танбора, в одночасье стала тупиковой. На девчонку Астон — нет, теперь уже Ольес, вид которой лишал его внутреннего равновесия и будил странные, противоречивые чувства. Но больше всего Саллер злился на самого себя.

А ведь все так хорошо начиналось. Мысль не препятствовать Трэю и позволить «отнять» у себя невесту пришла в голову сразу же, как только он сообразил, что затеял кузен. А догадаться о планах этого шалолая главе королевской службы безопасности труда не составило. Да и агенты не преминули донести, о чем граф Ольес болтает с доверенными друзьями.

Герцог не жаждал жениться ни сейчас, ни в обозримом будущем. Потом когда-нибудь — ради наследника... Пока же его вполне удовлетворяла собственная жизнь, свобода и необременительные связи с временными любовницами. Тем более что с ролью первой дамы семьи неплохо справлялась леди Дальмира, его мать, и уступать свое место никому не собиралась. Но дядя настаивал, а спорить с его величеством, когда он что-то вобьет себе в голову, бесполезно, и герцог сдался, согласившись изучить заботливо подсунутый список наиболее подходящих претенденток.

Кандидатура Мэарин Астон его полностью устроила. Девушка красива, хорошо воспитана, неопытна, а значит, из нее легко можно вылепить идеальную жену. Родит наследников, займется домом, нарядами, украшениями, сплетнями, как и полагается истинной леди, и не станет лишним раз мельтешить перед глазами. И что немаловажно, Мэарин — любимая дочь Гольвена Астона, главного королевского казначея. Умный, хваткий, жесткий, верный и в ненависти, и в дружбе, маркиз был влиятельной фигурой при дворе, и союз с ним сулил немалую политическую выгоду.

То, что идея выбрать малышку Мири оказалась неудачной, он осознал уже после первой беседы с невестой. Даже ее хрупкая прелесть не скрасила тягостного чувства. Да, мила, этого не отнять, но зрелое очарование баронессы Тивуд, его теперешней любовницы, возбуждало гораздо больше. А эта... Юная, наивная, глупенькая, она боялась его до одури, впрочем, как и ее подруги — такие же невинные и впечатлительные.

Он прекрасно знал, какое впечатление производит на неискuschenных

светских барышень, и это его никогда особо не волновало. Но одно дело — посторонние девицы, и совсем другое — жена. Перспектива связать свою судьбу с испуганно трепещущей тенью откровенно удручала. Поначалу то, как она от него шарахалась, даже забавляло, но очень скоро начало раздражать.

Он попытался приручить невесту — вел себя мягко, любезно, внимательно. Бесполезно. Что бы он ни предпринимал, ответ был один и тот же — робкий взгляд широко распахнутых глаз, дрожание пальцев, которое девушка безуспешно пыталась скрыть, и стремление отсесть от него как можно дальше. И он впал в отчаяние, понимая, что угодил в ловушку. Расторгнуть помолвку невозможно. Жениться на полумертвой от ужаса девчонке невыносимо. Найти выход нереально.

Внезапный взаимный интерес Мэарин и Трэя, о котором Саллер догадался, пожалуй, даже раньше самой сладкой парочки, откровенно обрадовал. Он старательно делал вид, что ему ничего не известно о тайных свиданиях на закате у дальней парковой калитки столичной усадьбы Астонов, о торопливых поцелуях в дворцовых нишах во время бала, о бесконечной переписке, полной пылких признаний. Время шло, кузен увлекался все сильнее, и, наконец, случилось неизбежное — он уговорил возлюбленную бежать.

В ту ночь герцог спокойно лег спать, а утром, дождавшись раннего визита растерянного, бледного как мел маркиза Астона, разыграл негодование, пустил по следу магических гончих и не спеша отправился за беглецами.

Когда гончие свернули к Древней обители, он удивился. Желание Трэя венчаться в часовне Танбора стало для него неожиданностью, но, поразмыслив, он решил, что так даже лучше. Брак не смогут аннулировать, а Ольесов и Астонов герцог со временем уговорит простить детей, поступивших так опрометчиво исключительно под влиянием сильного чувства. Как простил он сам. И все будут довольны, кроме разве что дядюшки. Его величество, безусловно, разозлится, но на какое-то время оставит племянника в покое и перестанет досаждать своими матримониальными планами.

Тщательно лелеемые надежды на то, что все устроилось как нельзя лучше, рухнули в обители, куда он доехал только к обеду.

Мэарин — хэленни!

Когда жрец сообщил об этом, герцог испытал самый настоящий шок, а затем на него обрушился шквал эмоций. Неверие, досада, что потерял такую выгодную невесту, беспокойство за нее и за своего непутевого

братца — чувства переплелись, смешались в жгучий коктейль, заставляя мчаться все быстрее и быстрее, понукать коня и подгонять спутников. Теперь он уже всерьез торопился скорее нагнать новобрачных, но все равно почти опоздал. Еще чуть-чуть, и брошенный на дороге Трэй истек бы кровью и умер, а запертая в пустом доме Мэарин сгорела заживо.

Мири...

Он нашел ее в этой лесной развалюхе и, заметив, что она в ужасе отпрянула от него, как Птарх от служителя Танбора, усмехнулся понимающе. Даже находясь в смертельной опасности, бывшая невеста искала спасения не у него, а от него, так и не сумев привыкнуть ни к нему, ни к его магии. Значит, правильно сделал, что не стал удерживать, отпустил к другому, с ним она вряд ли смогла бы ужиться.

А потом он положил девушку на расстеленный плащ, привел в чувство, наклонился, помогая напиться, вдохнул ее аромат, который чувствовался даже сквозь запах гари, поймал взгляд и... потерялся. Знакомые карие глаза, уставшие, болезненно блестящие... Вроде бы ничего особенного, но в этих самых глазах вдруг появилось нечто новое, удивительное, загадочное, то, что влекло окунуться в самую глубину, опуститься на дно, разгадать тайну... познать...

Познать — какое точное слово.

Накрыть своим телом, жадно целовать ключицы, тонкую беззащитную шею, и губами ловить стоны наслаждения, когда он...

Картина, возникшая в воображении, была такой неожиданной и ошеломляюще яркой, что герцог не сразу сообразил, о чем его просят.

Отпустить? Пожалуйста. Он не только с готовностью отстранился, но и наговорил каких-то непристойных гадостей, оскорбительных для всякой порядочной леди, тем самым сознательно увеличивая между ними дистанцию. Она запретила называть ее по имени? Что ж, прекрасно. Теперь это чужая жена. Разве он не этого добивался? Но пока вез ее вдоль границы Хауддана, внезапно поймал себя на том, что с удовольствием прижимает Мири к себе, причем гораздо теснее, чем того требовали обстоятельства и допускали приличия.

Приехав в Эрменлейв, Саллер передал девушку под опеку Дильфора, проведаль кузена и немедленно сбежал назад, к ждущему в лесу Вильму.

Дознание по поводу нападения на карету и покушения на супругов Ольес. Розыск всех, кто мог забрести во время венчания в часовню и догадаться, что новоиспеченная графиня — хэленни. А в довершение — как будто этих забот мало — безрезультатная пока попытка выяснить, кто, когда и как посмел открыть межмировой портал, да еще в

непосредственной близости от Запретных Земель. И все расследования — в строжайшей тайне.

Герцог задействовал несколько групп «истинных», спал по два часа в сутки, и если и вспоминал о Мэарин, то только для того, чтобы справиться у лекаря о ее состоянии. О своих мыслях и желаниях по отношению к девушке там, в лесу, постарался поскорее забыть. Стоит ли тратить время на подобную ерунду? И так проблем хватает. Потом ему доложили, что графиня пришла в себя, и он потребовал немедленной встречи. За те дни, пока она лежала без сознания, у следствия накопилось немало вопросов.

Талек постучал и объявил, что миледи ждет за дверью. Он отрывисто крикнул: «Войдите», продолжая изучать разложенную на столе карту. Послышались легкие шаги, и только тогда Саллер вскинул голову. Она замерла на пороге, озираясь по сторонам и с интересом рассматривая кабинет. А он вдруг понял, что не в силах оторвать от гостьи взгляда. Нужно было что-то сказать, приветствовать, пригласить, а он просто стоял и не сводил с нее глаз. Пока не вмешался Талек.

Графиня заняла самое дальнее кресло, и герцог чуть не расхохотался — малышка Мири не меняется. Обвенчалась с другим, получила статус замужней дамы, но по-прежнему до потери сознания боится своего теперь уже бывшего жениха. И почувствовал, что к его эмоциям по этому поводу впервые примешивается нотка горечи.

— Как себя чувствуете?..

— Благодарю... Уже лучше...

Обмен ничего не значащими фразами, и он приступил к допросу. Она отвечала — то медленно, будто припоминая, то торопливо, сбивчиво. А он внимательно слушал, всматривался в сидящую напротив девушку и невольно отмечал нежный абрис лица, мягкие губы, безупречную кожу, подсвеченную утренним солнцем, легкий пушок на предплечьях, изящные запястья.

Вдруг захотелось уколоть ее, стереть вежливую, отстраненную улыбку, и герцог, ничего не объясняя, бросил фразу о ребенке. Двусмысленную, на грани приличий. Ее совершенно закономерное «Да как вы смее!» неожиданно вывело его из себя.

Решила учить его манерам! Маленькая дрянь, предавшая слово зарока, данное его роду. Возмущение родило в нем вспышку ярости, требующей выхода. Всеми силами он пытался совладать с собой, но на месте усидеть не смог. Вскочил, молниеносно обогнул стол и выхватил ее из кресла.

В тот миг, когда она оказалась в его объятиях, Саллера окутал ее аромат. Странно, но никогда прежде он не ощущался так остро. Свежий,

дурманный, как воздух над полем разнотравья в солнечный день. Он расслаблял и будоражил одновременно, его хотелось пить и окунаться в него снова и снова. Мужчина прикрыл глаза, как пьяный, потянулся к девушке и лишь с большим трудом сумел отогнать наваждение.

Вернее, это она остановила его, напомнив о муже.

Птархов муж...

Герцог бросал ей что-то оскорбительное, она парировала, глядя прямо ему в лицо. Не отступала, не начинала, как обычно, быстро и мелко блеять: «Простите-простите-милорд-простите», а сопротивлялась, и в ее глазах помимо привычного ему страха плескалось негодование и яростное упрямство. Это приводило в замешательство и... завораживало. Да и внешне Мири как-то неуловимо изменилась — стала подтянутой, собранной, в ней чувствовалась скрытая сила. От прежней вялости, нечеткости и следа не осталось.

«Да она ли это? — вдруг мелькнуло в голове, и Саллер усмехнулся тому, какие глупости приходят на ум, если ты устал и спишь всего несколько часов в день. — Надо отдохнуть».

«Вы недостойны», — припечатал он, стараясь задеть, уязвить сильнее, и отошел к столу. Теперь мужчина уже сам стремился увеличить между ними расстояние. Однако новые ощущения никуда не делись, притупились, но не исчезли. И он снова сорвался, уже в конце разговора — позволил гневу овладеть собой, рванул к ней, схватил за руки. И ее запах снова накрыл его, моментально привязывая к этой женщине.

Она облизала губы, и внезапное острое желание окатило напряжением низ живота. Первый раз за все время знакомства он почувствовал, что отчаянно ее хочет. Здесь и сейчас. Ворваться в тело. Взять властно, почти грубо, как берут воины своих женщин после сражения или серьезной стычки — пока не угасло еще ожесточение боя и кровь с ревом бежит по жилам.

Он представил, как наклоняет ее вперед, раздвигает ноги... резко прижимает к бедрам ее ягодицы... чуть отталкивает от себя, чтобы задрать платье на спину...

И снова его вернул к реальности вопрос о Трэе. А еще собственная привычка к самоконтролю и дисциплине, которая схватила его за шиворот и как из воды вверх вытолкнула обратно в привычное состояние эмоциональной холодности.

«Если не ты управляешь своими желаниями, а желания управляют тобой, ты исполняешь чужую волю. Если исполняешь чужую волю, ты — раб, и тебе не пристало называться «истинным»...

Заповеди «Чистой Крови Истинных», которые внушали ему воспитатели с возраста «первых шагов», всегда помогали справляться со страхами, порочными желаниями, с гневом, затмевающим разум, со слабостями физическими и душевными. Помогли и сейчас. Он внутренне встряхнулся, как заклинание повторяя про себя на языке древних: «В моей воле весь мир», медленно выдохнул и отпустил чужую жену. А потом постарался сделать так, чтобы она скорее ушла...

— Рэм, — ожила на столе переговорная пластина. — Что там у тебя? Докладывай. Удалось наконец допросить дочь Гольвена?

Беседа с его величеством заняла не меньше получаса.

Дядя просто-таки жаждал отнять Мэарин у бедняги Трэя. Присвоить... В крайнем случае вернуть герцогу — такой вариант его тоже устраивал. Но оставить единственную в мире хэленни в руках этого малолетнего бездельника? Какие глупости...

Саллер подавил неожиданно возникшее малодушное стремление согласиться с предложением дяди и заверил, что все будет под его контролем — и беременность, и роды, и воспитание наследника. Он не спустит глаз с семейства Ольес. На том пока и порешили. Король сделал вид, что отступил... временно, попрощался и оборвал связь, а герцог отправился к Мири.

Она просила о встрече с мужем, беспокоилась, переживала, а он, раздосадованный, раздираемый непонятными чувствами, отказал ей и сейчас спешил исправить ошибку. Если она стремится к своему обожаемому Трэю, так тому и быть — он не станет препятствовать. Пусть сидит у постели, причитает над раненым, промокает белым кружевным платочком его лоб. Чем там еще занимаются в подобных случаях светские барышни?

Подошел к ее комнате и, ощутив непонятное внутреннее волнение, застыл на месте. Помедлил пару мгновений и только затем постучал.

— Войдите...

Она стояла в глубине комнаты. Высоко поднятая голова, прямая спина, сложенные за спиной руки и покрасневшие, припухшие от недавних слез веки. Такая маленькая, беззащитная, гордая и очень несчастная.

— Вы плакали, миледи? — вырвалось у него помимо воли.

* * *

Сердце щемило, в груди невыносимо пекло, и я ничего не могла с

собой поделать — слезы сами текли из глаз. Попыталась собраться и прекратить это безобразие. Не получилось... Уткнулась лицом в ладони, беспомощно всхлипывая, как испуганная девочка. Хотя почему «как»? В незнакомом мире, в роскошно обставленной спальне чужого поместья в теле графини Мэарин Ольес плакала испуганная девочка Маша Климова.

До сих пор со мной не случилось ничего экстраординарного. У меня и врагов-то серьезных не было. Так, несколько недоброжелателей и завистников. Впрочем, у кого их нет. Даже влюбиться по-настоящему пока не успела — сильно и безоглядно, чтобы искры из глаз и башню напрочь снесло. Все, как я надеялась, ждало впереди.

Жила, училась, работала, развлекалась. Заботилась о брате. Горевала и радовалась. Плакала и смеялась. Увлекалась и разочаровывалась, чтобы увлечься вновь.

И в любую минуту подсознательно чувствовала свою защищенность. Рядом со мной всегда находились Петька, друзья и близкие. Да и родители, пусть редко одаривали вниманием, но никогда не отказывали в помощи. В конце концов, даже «моя полиция» очень ненавязчиво, но тоже меня, законопослушную гражданку, берегла. Я воспринимала это как неизменную данность своей жизни. Что бы ни случилось — помогут, поддержат, выручат.

А сейчас внезапно очутилась один на один с непонятной, явно враждебной ко мне реальностью. Такая маленькая-маленькая я и такой огромный, пугающий мир. Чужой мир. Только я и он. И рядом со мной никого. Вообще никого. То есть абсолютно.

— Петька... — по-детски шмыгнула носом. — Где же ты, Петька? Ты так мне нужен сейчас, так нужен... А тебя нет...

Я редко позволяла себе раскисать. Так уж получилось, что из нас двоих я была самой рассудительной и обязательной и с детства привыкла отвечать не только за себя, но и за Петьку. Защищала перед родителями, прикрывала, оправдывала многочисленные проделки.

«Тебе положено, — насмешливо подмигивал он, — ты же старше».

Ну да, старше, с этим не поспоришь. Я действительно родилась на двадцать минут раньше брата, и он по праву — когда в шутку, а когда и всерьез — называл себя младшим. Впрочем, «младший» в любую секунду готов был встать каменной стеной между мною и любой опасностью.

Внешне невероятно похожие, как две половинки одного целого, мы не совпадали ни характером, ни темпераментом, ни интересами. Даже профессии выбрали разные. Петька поступил в Финансовый университет и сейчас гордился тем, что является без пяти минут дипломированным

страховщиком, а я заканчивала истфак МГУ по программе «История искусств». Но как бы мы ни отличались друг от друга, всегда, сколько себя помню, держались вместе.

Отец с матерью, формально обеспечив детей всем необходимым, нашими делами практически не интересовались. Скоротечный студенческий роман, неожиданная беременность и брак «по залету» — они никогда не любили друг друга, но и не ссорились, умудрившись как-то договориться. Дождались, когда мы вырастем, и после нашего восемнадцатилетия с облегчением разбежались по новым семьям.

Нас осчастливили квартирой и счетом в банке, на который, пока учимся, ежемесячно капала небольшая сумма. Ее хватало на еду и самое необходимое, дальше мы крутились и зарабатывали сами. Образование, слава богу, оплачивать не пришлось, мы занимали бюджетные места и даже умудрялись получать стипендию.

Вот так и жили — вдвоем нам все проблемы казались по плечу. А теперь я осталась в одиночестве.

Ладно... Пятиминутку, то есть двадцатиминутку жалости к себе пора заканчивать. Погоревала, поистерила, но неприятности, увы, со слезами не испарятся.

Всхлипнула в последний раз и снова попыталась взять себя в руки — получалось не очень хорошо, потому что эти самые руки сейчас мелко дрожали. Сердито вытерла рукавом глаза и повернулась к зеркалу. Итак, что мы имеем? Губы искусаны, лицо красное, веки опухли... Мда, лучше не смотреть.

Сходила в туалетную комнату, тщательно умылась холодной водой и снова начала кружить по спальне, размышляя, что же все-таки делать.

Посетить часовню Танбора. Обязательно. Кто знает, вдруг жрецы неведомого мне бога сумеют помочь. Подтвердят, что я не хэлени. Аннулируют брак, ведь венчаются в первую очередь не тела, а души, а моя душа с графом себя не связывала и связывать не собиралась. Отправят домой. Или... или хотя бы ответят на вопросы. В общем, надо ехать в Древнюю обитель. Это единственная на данный момент ниточка.

Но без мужа меня никто никуда не выпустит. И с мужем-то не факт, что отпустят, а без него и подавно. Значит, ждем, когда Трэй выздоровеет и встанет на ноги, ведем себя с ним приветливо, заботливо, а вот с конsummацией брака не спешим. Бедный Ольес будет так слаб после болезни, какое уж тут исполнение супружеского долга. И пусть герцог только попробует меня хоть в чем-то упрекнуть. Молодая жена беспокоится о здоровье любимого, вот и уговаривает немного подождать — и никак

иначе.

Почему-то казалось, что юному графу удастся легко заморочить голову. А вот от его кузена стоит держаться подальше, с Саллером такие фокусы не пройдут. Да и слишком сильное впечатление производит он на меня вблизи, просто убойное. Ни к чему это сейчас. Совсем ни к чему.

Решено. Налаживаю отношения с Трэем, при первой же возможности стараюсь попасть в обитель и... правильно — ищу библиотеку. Как же приличной попаданке без этого? А главное, обхожу десятой дорогой Саллера, то есть десятым коридором в моем случае.

Негромкий, уверенный стук в дверь заставил резко остановиться.

Повернулась ко входу, распрямила плечи, спрятала за спиной руки — пальцы все еще немного подрагивали.

— Войдите.

А вот и герцог. Легок на помине.

— Вы плакали, миледи? — нахмурился.

Вот что ему опять не нравится? Я должна все время улыбаться и лучиться от счастья в его присутствии? Да, я плакала. Даже не просто плакала — рыдала, редела, как последняя дура. Но, черт возьми, я не собираюсь в этом признаваться. Совершенно точно — нет!

Вскинула подбородок еще выше.

— Не обращайтесь внимания, ваша светлость. Что-то в глаз попало.

Угу, десять тысяч соринков... и сразу в оба, для симметрии...

Саллер недоверчиво прищурился. Изумление во взгляде сменилось пониманием, смешанным с не совсем понятным мне чувством. Уважение? От этого невыносимого гордеца? Нет, точно показалось.

— Помнится, вы настаивали на визите к мужу, графиня. Не передумали? — осведомился он, никак не прокомментировав мое сомнительное утверждение. Неужели поверил? — Тогда идите. Кстати, заодно попросите Дильфора проверить, что же случилось с вашими глазами. На всякий случай. — А вот теперь в его тоне явственно мелькнула насмешка.

Стало обидно. Мне нравился этот мужчина, и подсознательно — глубоко-глубоко в душе — я, как всякая женщина, мечтала, что меня немедленно бросятся утешать. Спросят о причине слез, поддержат, посочувствуют, по крайней мере, а потом бережно прижмут к себе, закрывая от враждебного мира. И я вцеплюсь в его рубашку, уткнувшись носом в грудь, зажмурюсь и забуду обо всем. Пусть хотя бы на пару минут — в моем положении уже достаточно.

Но герцога мои воздушные замки мало интересовали. Его светлость в

очередной раз вознамерился поиздеваться. Значит, правильно я решила впредь избегать общения и лишний раз с ним не сталкиваться. Так будет лучше для всех.

— Не передумала, — произнесла сухо и, обойдя гостя, первой направилась к выходу.

Идти пришлось долго. Мы спускались, сворачивали из одного коридора в другой, опять поднимались, и мое удивление с каждой минутой росло все больше и больше.

— Почему нас с мужем поселили так далеко друг от друга? — наконец не выдержала я, покосившись на молчаливого провожатого.

— Дильфор разместил вашего супруга в лекарском крыле, — Саллер ответил не сразу, словно его оторвали от каких-то важных размышлений. — Я не возражал. Не беспокойтесь, графиня, — добавил он холодно, — после того как кризис минует и граф пойдет на поправку, вам выделяют совместные покои. Как и полагается.

Голос герцога звучал отрывисто и раздраженно, он явно не жаждал общаться. Впрочем, мне тоже стало не до разговоров.

Совместные покои... Еще одна напасть. А ведь можно было предположить.

Трэй, миленький, я ничего против тебя не имею и даже искренне соболезную, но оставайся, пожалуйста, пока в этой своей больнице, ладно? Хотя если Ольес не встанет на ноги, как без него попасть в Древнюю обитель? Куда ни кинь, всюду... сплошная засада. Ладно, без паники. Сначала разберемся, что из себя представляет навязанный непонятно кем муж, а потом прикинем по обстоятельствам.

В лекарском крыле мы почти сразу наткнулись на Дильфора.

— Мэссер, миледи...

Рыжеволосый мастер вежливо поздоровался и повернулся к Саллеру, вопросительно вскинув брови.

— Графиня выразила желание навестить супруга, — пояснил герцог, и брови лекаря поползли еще выше. Видимо, светским дамам не часто приходили в голову такие сумасбродные идеи.

Взгляды мужчин встретились. Секунда, другая — эти двое явно понимали друг друга без слов — и лекарь едва заметно пожал плечами.

— Я провожу... — начал он.

— Нет, — отрезал герцог. — Проводит кто-нибудь другой, а ты останешься, расскажешь, в каком состоянии сейчас граф. Есть изменения?

Дильфор кивнул и окликнул пробегающего мимо смутно знакомого паренька:

— Леом, отведи миледи к его сиятельству и... — Он замялся, и мне показалось, сейчас добавит: «Проследи, чтобы ничего не разбила и не испортила». Но, разумеется, мастер так не сказал. — И никуда не уходи, вдруг графине что-то понадобится.

В общем, присматривай там за этой взбалмошной девицей. Мало ли что ей на ум взбредет.

В комнате, куда меня доставил подмастерье, было просторно, светло и пахло, вопреки опасениям, не лекарствами, микстурами, болезнью или смертью, а свежестью и цветами. Обвела помещение взглядом — действительно цветы. Пушистый розово-белый букет, источавший тонкий, чуть горьковатый аромат. Любопытно, как он сюда попал? Кто его принес, поставил в высокую изящную вазу и аккуратно пристроил на подоконник? Вряд ли Дильфор или Леом. Скорее всего, вон та милая русоволосая особа, что занимала кресле около кровати и при нашем приближении поспешно вскочила на ноги.

— Ниава, можешь отдохнуть, — строго распорядился мой спутник. И девушка с певучим именем Ниава, послушно склонившись, тенью скользнула за дверь.

Хм... Сиделка? Похоже на то. Решила порадовать пациента, если тот очнется, цветами, пожалела страдальца. А кто бы такого не пожалел?

Опустилась в кресло, всматриваясь в лицо лежащего на кровати человека.

Высокий лоб с прилипшими к нему прядями, чуть заострившиеся, но по-прежнему совершенные черты, ровный излом бровей, тени от длинных ресниц на чистой полупрозрачной коже, горестно изогнутый чувственный рот. Лицо в обрамлении спутанных золотистых волос поражало красотой.

Трэй Ольес был невероятно хорош собой, и болезнь не обезобразила его, напротив, странным образом сделала еще привлекательнее. Хотелось обнять его... и плакать. От сострадания к несчастной жертве чужих коварных планов. Других эмоций юный граф, несмотря на все свое очарование, у меня, увы, не вызывал.

Я «помнила», что испытывала Мири по отношению к мужу — восторг, трепет, истому, смутное желание чего-то большего, чем просто поцелуи. Помнила, но чувств ее не разделяла.

Не скрою, сегодня у меня не раз проскальзывала предательская мысль, что если мы с Трэем друг другу понравимся, кто знает... вдруг у нас что-то получится. И вот сейчас, глядя на него, я твердо поняла — нет, не получится. Ничего у нас не выйдет: ни семьи, ни детей, ни общего будущего. И в постель с ним я никогда не лягу. Просто не смогу.

Глубоко вздохнула, протянула руку, ласково погладила густые мягкие волосы.

Хороший ты мужик, Трэй Ольес, но не орел! В смысле, не мой орел.

Я уже собиралась убрать ладонь, как вдруг запекшиеся губы юноши искривились, веки затрепетали, медленно поднялись, и на меня уставились небесно-голубые, мутные от боли глаза. Охнула от неожиданности, а потом наши взгляды встретились — сердце, тяжело бухнув в груди, замерло, и я сама словно окаменела, не в силах ни моргнуть, ни пошевелиться.

— А-а-а... Ваше сиятельство, слава Танбору, мы так ждали... наконец-то... ваше сиятельство...

Возбужденно-сбивчивая скороговорка Леома выдернула меня из оцепенения. Встрепенулась, возвращаясь к реальности, хотела отстраниться, но ледяная, чуть подрагивающая рука перехватила мои пальцы и неожиданно крепко сдавила.

За спиной послышался топот, хлопнула дверь, и за стеной восторженно завопили:

— Мастер Дильфор, мастер... Ниава, найди мастера, скажи, милорд пришел в сознание. Да-да, вот только что... конечно, уверен. Ну что же ты реवेशь? Беги скорее! А, ладно, я сам...

Быстрые шаги стихли вдаль, а Трэй, по-прежнему не отводя от меня взгляда, прижал мою ладонь к своей щеке, удовлетворенно-счастливо, как-то очень беззащитно улыбнулся, опустил ресницы и затих.

Такими нас и увидели ворвавшиеся в комнату Дильфор с Саллером — неподвижный Ольес, с блаженной улыбкой вцепившийся в мою руку, и я, с тревогой всматривающаяся в его лицо. Скульптурная композиция «Жена беззаветной любовью исцеляет дорогого супруга».

Герцогу положение, в котором они нас застали, почему-то не понравилось. Губы сомкнулись в жесткую линию, глаза полыхнули яростью, и он, стиснув кулаки, отвернулся к окну.

Ну что опять не так?

А вот Дильфор буквально засыпал меня вопросами.

— Когда граф очнулся? Как это произошло? Подробнее, пожалуйста... Что сделала? Погладила? Просто погладила, а он открыл глаза? И все? Хм...

Меня аккуратно освободили, бесцеремонно отодвинули в сторону и продолжили расспрашивать, одновременно тщательно осматривая пациента, который, судя по всему, снова впал в беспамятство.

— Вы магиня, миледи? — Нет? Странно... — А способности есть? — Ага, значит, все-таки есть. Наверное, к целительству. — Что? Очень

слабые? Хм...

— Оставь ее, Дильф, — неожиданно резко приказал Саллер, когда мастер пошел по второму кругу и начал повторяться, а я совсем уже выдохлась.

Все это время герцог так и простоял у окна — неподвижный, прямой, как палка, со скрещенными за спиной руками.

— Графиня права, она действительно обладает некоторыми магическими способностями, но очень небольшими, на бытовом уровне. Искра Танбора в ее крови едва тлеет, исцелять тяжело больных миледи точно не умеет. Поверь, никто лучше меня не осведомлен о талантах собственной невесты. — Мужчина запнулся, а затем добавил: — Бывшей.

В бесстрастном голосе скользнула ирония.

Угу, я не магиня и не лекарь. Я хэленни. Но вот вопрос: кто-нибудь ответит, как дар хэленни влияет на ее мужа? Вдруг там куча дополнительных бонусов, помогающих одобренному Танбором избраннику? Та же ускоренная регенерация, например.

Дильфор ничего не знал о моем уникальном статусе, но связь между визитом и улучшением состояния Ольеса уловил сразу. По его настоятельной просьбе Саллер дал согласие на то, чтобы я в обязательном порядке ежедневно навещала Ольеса и проводила у его постели хотя бы несколько часов.

Я не возражала.

Глава 5

Граф так и не пришел в сознание — ни в этот день, ни в последующие. Лежал бледный, недвижимый, безучастный ко всему, что творилось вокруг него и из-за него. Дильфор, однако, утверждал, что кризис миновал и Трей идет на поправку. Состояние его улучшается, энергетические потоки выравниваются — и все это началось именно после моего первого посещения.

Мастеру, безусловно, виднее. Я не спорила, просто каждое утро после завтрака приходила в комнату «мужа» и терпеливо просиживала до обеда. Затем возвращалась в свою комнату, где уже ждал накрытый стол, не спеша ела, а дальше...

А вот дальше, к сожалению, делать было нечего, если, конечно, не считать регулярных встреч с портнихой. Но вряд ли их можно счесть полезным занятием для угодившей в чужой мир землянки. Вляпалась в непонятную историю, получила уникальный дар, мужа и кучу проблем в придачу, но вместо того, чтобы начать распутывать весь этот клубок, примеряю наряды. Очень своевременное развлечение.

Поначалу я с удовольствием крутилась перед зеркалом, любовалась обновками, обсуждала фасоны и ткани с госпожой Бешо, спокойной миловидной женщиной лет сорока. Меня не смущали даже «воспоминания» Мэарин, из которых следовало, что все предлагаемое мне — жалкая дешевка, недостойная столичной модницы. И швейной магии эта провинциальная «платьевщица» почти не имеет. Так, ничтожные крупички... Не то что госпожа Титри, вот кто настоящий мастер и профессиональным даром владеет на высшем уровне. Ах, какое карту она недавно сшила для Мири, сказочное чудо из настоящего лисского шелка. Жаль, так и не успела надеть...

Перед мысленным взором мелькало нечто воздушное, переливающееся — я с досадой отгоняла волшебное видение. Меня и без этого все устраивало и интересовало... первые два дня. Даже, пожалуй, три. Потом стало скучно, и я, заказав необходимый минимум, с невольным облегчением попрощалась с портнихой.

После отъезда госпожи Бешо с помощницами я снова оказалась предоставлена сама себе.

Попробовала разговорить Дору — пока безрезультатно. Девушка постепенно привыкала ко мне и с каждым днем все охотнее откликалась на

вопросы, но по-прежнему держалась немного настороженно, и долгих бесед у нас не получалось.

Саллера после того памятного дня, когда мы вместе навещали Трэя, я больше не видела. Может, он сознательно избегал меня, а может, что вероятнее всего, занимался чем-то очень важным и срочным. Дора однажды обмолвилась, что его светлость почти все время отсутствует, если и появляется в Эрменлейве, то всегда за полночь, и ранним утром снова исчезает.

Так что шанс неожиданно наткнуться в каком-нибудь темном углу на хозяина был минимальным, но рисковать, шатаясь по дому, не хотелось. А вот парк — другое дело. Вряд ли всемогущий мэссер пожелает тратить драгоценные часы и даже минуты на такую бессмыслицу, как блуждание по аллеям, дорожкам и мостикам, созерцание клумб и отдых в беседках. И я в сопровождении неизменной Доры стала выходить на прогулки.

Саллер действительно ни разу не заглянул в парк, и, как выяснилось, совершенно правильно — мне тоже очень быстро там надоело. Хотя в этом мы с кузеном «мужа» оказались схожи.

Мозг разрывался от вопросов. Они все множились и множились, а я вместо того чтобы искать ответы — или хотя бы попытаться их найти — сидела возле кровати несчастного Трэя, болтала с камеристкой, дышала свежим воздухом, выполняя рекомендацию Дильфора, нюхала уже ставшие ненавистными цветочки и маялась от безделья. Да сколько можно?! Так и по герцогу недолго соскучиться. Или... я уже?.. Ой, мамочки...

Разозлившись, сделала наконец то, что давно планировала — отправилась на поиски библиотеки.

Фразой «Как пройти в библиотеку?» я, после некоторого колебания, решила озадачить Леома, который во время моих визитов к Ольесу обычно дежурил неподалеку. Бдил, так сказать. Во избежание. Земных фильмов местный подмастерье лекаря не смотрел и подвоха не заподозрил. Тем более дорогу я спрашивала днем, а не в три часа ночи.

Правда, он не удержался и все-таки окинул меня долгим задумчивым взглядом, значение которого я расшифровала без труда. Не знаю, как в других королевствах Риоса, а в Намарре понятия «библиотека» и «светская леди» являлись несовместимыми. Они, как две параллельные, никогда не пересекались. Нет, аристократки, безусловно, читали... что-то свое, очень-очень свое, но это «что-то» хранилось на изящных книжных полочках будуаров и классных комнат. Ни о каких библиотеках и речи не шло.

Так что причины недоумения Леома были понятны. Но он, разумеется, не посмел ничего уточнять, а я не собиралась объяснять. Пусть думает, что

это очередная блажь скучающей избалованной дамочки. Мало ли что ей от безделья в голову пришло.

Ах, я вся такая внезапная, такая противоречивая вся.

Мда...

В итоге мне не только подробно описали, где герцог хранит свои книжные богатства, но и вызвались показать. Я поблагодарила, запомнила маршрут и после обеда, сказав Доре, что устала и намерена отдохнуть, отпустила ее до ужина. Подождала полчаса, а затем тихонько выскользнула в коридор.

Не то чтобы я боялась — Саллер как всегда где-то пропадал, а больше никто не дерзнул бы ни остановить меня, ни задавать вопросы, но удивленных взглядов, буравящих спину, и лишних пересудов тоже стоило избегать. Ладно, подмастерье Дильфора — он с мэссером не общается, да у юного лекаря и своих дел полно. А вот слуги... Еще донесут господину, бог знает, как тот прореагирует. Все-таки это его личная библиотека, вдруг положено просить персональное разрешение. Нет, я бы, конечно, попросила, но Саллер не Леом, он непременно заинтересуется, отчего у его бывшей невесты так неожиданно проснулась непреодолимая тяга к знаниям. И что тогда отвечать?

К счастью, до цели я добралась незамеченной. Скорее всего, потому, что нужная комната находилась в хозяйском крыле, и в отсутствие герцога туда, как правило, никто без лишней надобности не забредал. Бесшумно закрыла за собой тяжелые двустворчатые двери, быстро осмотрелась, облегченно выдохнула и прислонилась к стене, испытывая настоящее блаженство.

Фух... И здесь пусто. Сегодня мне определенно везет.

И почему в этот момент я не вспомнила правильную, проверенную веками народную мудрость — «Никогда не радуйся раньше времени»? А ведь стоило.

В просторном овальном зале, полностью заставленном по стенам двухъярусными шкафами, царили тишина, покой и легкий приятный полумрак. Широкие окна были затенены полупрозрачными занавесями, видимо для того, чтобы на книги не падали прямые лучи света. Высокий лепной потолок, массивная мебель, обилие светильников, картины, несколько зеркал в резных рамах и лестница из темного дерева, спиралью поднимающаяся ко второму уровню, — строгое, мрачноватое величие.

Медленно обошла помещение по кругу, внимательно изучая все, что стояло и лежало на полках. Объемные фолианты с золочеными переплетами, старинные манускрипты в скромных кожаных обложках,

потертые рукописи, тубы со свитками... Растерянно скользнула ладонью по тисненным корешкам. То, что я умею читать, поняла сразу — по крайней мере, заголовки и названия разбирала без труда. А вот с чего начать?..

С этой тонкой, простой на вид книжечки с загадочным названием «Краденые тени» или с увесистых «Хроник Великой войны»? «Биографию короля Ильмиара» тоже не отказалась бы полистать. О, «Дневник лорда Ниешта»... любопытно, кто он такой? А может, сразу взять «Магический вестник»? Чего мелочиться? Хм... Или все-таки не выпендриваться и остановиться на трехтомнике «Народы Риоса в нравах и обычаях» и каком-нибудь географическом атласе?

Несмотря на то, что будущая графиня Ольес, по ее словам, регулярно посещала школу, представления Мэарин об окружающем мире, его устройстве и обитателях оставляли желать лучшего. Не исключено, конечно, что леди Вивил собрала в своем заведении самых неопытных преподавателей столицы, но, думается, все гораздо проще — в голове девицы Астон то, что наставники туда вкладывали, просто долго не задерживалось.

Зачем заучивать «глупости», которые тебе неинтересны и никогда не понадобятся? Вот о том, как правильно одеться, поддержать легкую светскую беседу, блеснуть в обществе, я «помнила» прекрасно. Стоило произнести слово «бал» — и перед глазами тут же мелькали платья, фасоны, ткани, кружева, драгоценности, прически, танцевальные па и многое, многое другое. Все это в ярких картинках и мельчайших деталях.

Зато на слово «Риос» память отзывалась очень вяло, выдавая самую общую информацию, чаще всего путаную и невнятную. Пару-тройку исторических фактов, да и то непонятно, реальных или почерпнутых из нянюшкиных сказок. Немного о географии, природе, обществе.

Больше всего Мэарин могла рассказать о Намарре, о соседних государствах — почти ничего. Разве что о правящих династиях, особенно о неженатых принцах, подыскивающих себе невесту. Или Мири действительно ничего больше не знала, или, что не исключено, «по наследству» мне достались только самые значимые для девушки воспоминания.

Значит, решено, беру что-то попроще.

Еще раз огляделась. Внимание привлек узкий шкаф с книгами в красочных обложках, он стоял чуть поодаль от остальных, в простенке, поэтому я его раньше не заметила. Торопливо подошла к заинтересовавшему меня стеллажу. Детские книги? Саллер собирает библиотеку для наследника? В любом случае это то, что нужно. Так,

атлас... «История королевства Намарра от древности до наших дней»... «Древние легенды и сказания в изложении магистра Халлгерда»... Ух ты!

Потянула к себе большой том в красивом сафьяновом переплете с узорными обрезами, и искусствовед во мне взвыл от восхищения. Редко доводилось видеть такие изумительные, роскошные иллюстрации. Благоговейно погладила страницу и зависла, жадно изучая детали.

Я настолько увлеклась, что забыла обо всем. Где-то далеко-далеко, в другой реальности, раздался легкий шорох открываемой двери, слышались быстрые мягкие шаги — сейчас все это не имело значения. Из состояния восторженной созерцательности меня вырвал удивленный возглас, прозвучавший, казалось, возле самого уха:

— Графиня? Что вы здесь делаете?

От неожиданности чуть не подскочила на месте. Стремительно обернулась, зацепилась ногой за ковер, покачнувшись и тут же почувствовала, как горячие пальцы схватили за локоть, поддерживая. Медленно подняла взгляд от ворота светлой рубашки к сердитому лицу и недовольно прищуренным глазам.

И чего он так злится? Хотя если бы я вернулась домой после тяжелого дня, предвкушая отдых в одиночестве с книгой и чашкой чая, и застала на любимом диване незваного гостя — тоже, наверное, озверела бы.

— Так что вы все-таки делаете в моей библиотеке, миледи? — повторил Саллер, сделав ударение на слове «моей», и вместо того чтобы убрать ладонь, еще сильнее сжал мою руку.

Почувствовала себя мелким воришкой, застигнутым на месте преступления злым полицейским. Нервно прижала к груди обретенное сокровище — моя прелесть, не отдам — и скромно призналась:

— Картинки смотрю...

Совершенно честно, между прочим, сказала.

Все-таки недаром в детстве учат, что нужно говорить правду. По крайней мере на герцога мое чистосердечное признание произвело ошеломляющее впечатление. Пальцы, удерживающие локоть, тут же разжались, и мужчина, недоуменно нахмурившись, переспросил:

— Картинки?

— Ну да. — Осторожно отступила, увеличивая между нами расстояние. Так спокойнее. — Знаете, у вас в имении совершенно нечем заняться. Трэй болеет, подруги остались в столице, мама тоже... Даже любимой камеристки, и той нет рядом. Дора — прекрасная служанка, но она не моя Биса, с ней не поболтаешь. Вы не думайте, я не жалуясь, но... — чуть подалась вперед и доверительно прошептала, — в Эрменлейве

так одиноко.

Саллер едва заметно скривился, и я торопливо продолжила:

— Я всего лишь хотела почитать. Мои книги остались в родительском доме, вот я и подумала: возможно, в вашей библиотеке найду что-нибудь интересное.

— Интересное? В моей библиотеке? — повторил мужчина с непередаваемой интонацией, в которой смешались изумление, неверие и откровенная ирония.

— Но у вас здесь столько всего собрано. Даже детские книги, — указала на облюбованную мной полку, — вот я и надеялась, что сочинения Трисофа Ластона тоже есть.

— Никогда не слышал об этом... Ластоне.

— Неужели? — Я недоверчиво округлила глаза. — «Прыгнуть в пропасть» самый популярный роман сезона. Лиара, бедная, но гордая аристократка, спасая от нищеты родителей и семерых сестер... — Саллер издал какой-то невнятный звук, и я на секунду замялась. Что, переборщила с количеством горемычных родственников? Ну извините. Зато подвиг «бедной, но гордой» величественней кажется. — Так вот, она пожертвовала собой и вышла замуж за военачальника — баловня судьбы и любимца короля.

— Баловня и любимца? Да, вы правы, жертва поистине огромна, — пробормотал герцог, но я сделала вид, что не поняла его язвительного комментария.

— Мерзкий барон Андлио, намереваясь опозорить бедняжку в глазах мужа, подбросил ей свой платок... Представляете, какой негодяй?

Боже, что я несу?

— И зачем же «мерзкому барону» это понадобилось? — неожиданно заинтересовался собеседник.

— О, тут все просто. Он завидовал военачальнику и собирался разрушить счастье молодоженов, ведь Лиара уже успела привязаться к супругу. Это сначала он был ей неприятен, а потом она оценила его... хм... мужественность, силу, беззаветную преданность трону. А потом его ранили и... В общем, она его за муки полюбила, а он ее — за сострадание к ним. — Саллер скептически хмыкнул, а я, словно не замечая его реакции, вдохновенно закатила глаза. — Так трогательно! Я не успела дочитать дома, а так хочется узнать, чем все закончилось. Удалось ли Андлио осуществить свой коварный замысел? Вот и решила поискать...

— Вы ошиблись, графиня, — сухо перебил герцог. — В моей библиотеке нет ни одного женского романа.

Кто бы сомневался?

— Я уже и сама это поняла. — Передернула плечами. — Жаль, конечно, но зато я нашла кое-что другое.

Перевела взгляд на «Легенды и сказания» и, бережно придерживая их одной рукой, очертила пальцем контуры рисунка.

— Красиво! — выдохнула почти беззвучно. Но мужчина все-таки услышал.

— Да... Я очень любил эту книгу в детстве. — Голос его смягчился. — Смотрите.

Чужая ладонь неожиданно накрыла мою и потянула вверх, приподнимая. Несколько слов на незнакомом языке, легкий перезвон колокольчиков, золотистый отблеск, пробежавший по странице, — и я охнула, едва не выронив тяжелый том. Иллюстрация ожила — обрела объем, дрогнула, задышала...

В лучах заходящего солнца сияла холодная гладь реки, и в ней мелькали серебряные спины рыб. Качались деревья — казалось, еще чуть-чуть, и я уловлю шепот гуляющего в их кронах ветра. Вот с ветки сорвался узорный лист и, медленно кружась, опустился на землю... Высоко-высоко средь облаков на фоне закатного неба четко вырисовывался силуэт стремительно удаляющегося к горизонту огромного черного дракона. А на холме у реки стоял высокий мужчина в длинном плаще и, сжимая золотую рукоять висевшего на поясе кинжала, внимательно следил за полетом ящера.

— Потрясающе!

С трудом оторвалась от чудесного зрелища, чтобы посмотреть на Саллера. Он улыбался.

— Наставник часто «оживлял» для меня книгу, когда я был совсем маленьким.

— А потом?

— Потом я научился делать это сам. — Мою ладонь выпустили, и изображение вновь застыло. — Магистр Халлгерд создал «Легенды и сказания» для магически одаренных мальчиков, чтобы они с ранних лет могли развивать свои способности. Без принуждения, с удовольствием.

— Значит, Трэй тоже так умеет?

Вот зачем я об этом сказала? Настроение собеседника мгновенно переменялось. Взгляд заledenел, в уголках губ застыла мрачная полуусмешка.

— Нет, искра кузена слишком слаба.

— А...

— Не беспокойтесь, миледи, у вашего ребенка все получится. Я научу его, обещаю. — В ровном холодном голосе не было больше и намека на улыбку.

Вообще-то я совсем о другом хотела спросить, но продолжить мне не дали.

— Можете «смотреть картинки», если вам нравится, — бросил герцог небрежно и, отвернувшись, шагнул вглубь библиотеки. Туда, где стояло широкое кресло, а на низеньком круглом столике возле него лежал толстый фолиант в темном переплете.

Некоторое время мы молчали. Хозяин Эрменлейва читал или делал вид, что читает, а я так уж точно притворялась, что люблю иллюстрациями. Крепко стиснув ни в чем не повинные «Легенды», украдкой рассматривала профиль склонившегося над рукописью мужчины — забыть о его присутствии никак не получалось. Какое уж тут наслаждение.

Наконец, промаявшись минут пятнадцать, попросила:

— Вы позволите забрать книгу с собой? Обещаю обращаться с ней очень аккуратно.

— Да, конечно, — тут же последовало равнодушное.

— Спасибо, — выпалила обрадованно. — А еще эту и вон ту. — Наглеть — так уж по полной. — Там тоже очень красивые... большие картинки.

Саллер едва заметно кивнул, даже не посмотрев, на что я указала. Вот и замечательно. Схватила с полки географический атлас, «Историю королевства Намарра» и быстро направилась к двери.

— До свидания, ваша светлость.

— Хорошего дня, миледи.

Герцог так и не поднял головы. Не пошевелился.

В полной тишине пересекла зал, взялась за ручку двери, и вот черт дернул меня оглянуться напоследок. Мужчина смотрел прямо на меня, прожигая взглядом. В буквальном смысле этого слова. Черные глаза и шрам на щеке отчетливо выделялись в полумраке гостиной, они будто горели изнутри, подсвеченные рвущимся наружу яростным пламенем.

Как ошпаренная выскочила в коридор и обессиленно привалилась к закрывшейся двери.

Это что сейчас было?

Позади меня, в библиотеке, раздавался грохот, словно на пол роняли что-то тяжелое.

И еще раз...

И еще...

Оставшееся до ужина время я провела за чтением. «Легенды и сказания» магистра Халлгерда с сожалением отложила на будущее — начинать все-таки стоило с истории и географии. А затем до самого рассвета мне снились войны, смуты, дворцовые перевороты и древние короли с героями, упорно выяснявшие, кто из них круче, и делившие между собой захваченные территории, поэтому утром я чувствовала себя немного странно. Но так было даже лучше. По крайней мере этой ночью мне не грезился Петька, не жаловался, как ему без меня плохо и одиноко, не звал к себе, и я не просыпалась в чужой темной комнате от того, что плачу.

После завтрака в моем расписании значилось посещение Трэя, но, честно говоря, мне уже порядком надоело бессмысленно сидеть у кровати несчастного графа, до рези в глазах вглядываться в изможденное лицо и невольно вспоминать брата, по которому отчаянно тосковала. Поэтому я поддалась внезапному порыву, захватив с собой «Историю Намарры» — все веселее. Действительно, часы за чтением промелькнули очень быстро — я и не заметила, как настала пора уходить. И время с пользой провела, и «супружеский долг» выполнила. На следующий день я снова принесла книгу.

Так и повелось. Завтрак — чтение у постели Трэя — обед — чтение в своей комнате — короткая прогулка — сон.

Я быстро закончила первую «Историю» и, предварительно выяснив у Доры, когда герцога не будет дома, совершила еще один набег на хозяйскую библиотеку. За новым учебником. В конце концов, Саллер не посмотрел тогда, что я беру, значит, ему совершенно все равно, какими плюшками, то есть картинками в данный момент балуется его гостья.

За книгами о королевстве Намарра последовали «Жизнь и деяния Ильмиара Великого», затем «Рассказы о природе и истории Риоса». Учебники чередовались, неизменным оставалось одно — каждый вечер перед сном я доставала «Легенды и сказания» Халлгерда. Вновь чувствовала тепло чужой руки, сжимающей мою ладонь, вспоминала негромкий голос, уверенно чеканивший заклинание, и мне казалось, что еще чуть-чуть, и иллюстрации оживут даже без магии мэссера.

Однажды во время визита к Трэю я встретила Дильфора. Мастер посетовал, что граф выздоравливает медленнее, чем хотелось бы, попросил иногда заглядывать к его сиятельству после обеда и посоветовал... с ним разговаривать. Вид у мужчины был озабоченный и мрачный. Мне показалось, он боялся, что я сочту его предложение глупым и с

негодованием откажусь. Но я прекрасно помнила, что пациенты, находящиеся в коме, лучше поправляются, если с ними общаются родные и близкие, поэтому восприняла слова лекаря совершенно нормально.

Сначала просто сообщала графу, как прошел предыдущий день. Но рассказ быстро подходил к концу, общие воспоминания нас не связывали, трепетных чувств, в которых можно признаться, Ольес у меня не вызывал, и я начала читать вслух.

Мне нравился мой безмолвный собеседник. С Трэем я не испытывала постоянного напряжения и не следила за каждым вздохом, как с Саллером. Он не язвил, не иронизировал, не злился, а мои риторические вопросы: «Интересно, правда?» — «Как считаешь, это реальный факт?» — «А ты знал, что?..» воспринимал с явным одобрением. Я замечала тень улыбки на его губах в эти минуты.

Постепенно я стала задерживаться у постели графа все дольше и дольше — делала перерыв на обед, потом возвращалась и уходила к себе лишь перед ужином. Дильфор был счастлив, Трэй, судя по всему, тоже, лишь Ниава выглядела понурой, расстроенной и откровенно тосковала по тем временам, когда красавец-граф «принадлежал» лишь ей одной.

Прошла неделя наших, если так можно выразиться, совместных чтений. Я как раз заканчивала «Описание природы и истории Риоса», и у меня накопилось много вопросов, большинство из которых касалось загадочного Хауддана.

— Как думаешь, Трэй, почему о нем так мало написано? Что это за государство в государстве такое?

— Государство в государстве... Какое любопытное определение. И очень точное.

Резко обернулась на звук чужого голоса, лихорадочно соображая, как давно меня подслушивают и не успела ли я брякнуть чего-нибудь лишнего.

Дильфор.

Когда он успел зайти, причем так, что я даже не заметила? Ладно, не герцог — и то хорошо. Расслабилась я, привыкла, что во время моих визитов сюда никто не приходит. Даже Леом, и тот, уверившись, что я не собираюсь мешать лечению и не рвусь совершать ничего предосудительного, с недавних пор дежурил в соседней комнате.

— Миледи... — Мужчина шагнул в комнату, склонил голову в вежливом приветствии и спокойно продолжил: — Я слышал, вы окончили школу леди Вивил. Разве наставницы не рассказывали вам о Хауддане?

— Рассказывали, — подтвердила, наблюдая, как длинные пальцы мастера ловко перебирают склянки со снадобьями на прикроватном

столике. Быстро «пробежалась» по воспоминаниям Мири и уверенно добавила: — Но очень мало.

— И что же вас интересует? — вскинул брови Дильфор.

Он закончил изучать лекарства и теперь внимательно смотрел на меня.

А, была не была. Надеюсь, ничего крамольного я не скажу.

— Хауддан называют Запретными Землями, но они неподвластны короне, хотя почти полностью находятся на территории Намарры. Что это такое? И кто там обитает? В книге написано — «нелюди», и учителя говорили о том же. Но... хотелось бы знать подробности. Откуда они взялись, и не с ними ли воевал когда-то король Ильмиар?

— А вы как считаете?

— Наверное, все же не с ними, — протянула задумчиво, — иначе Хауддан просто уничтожили бы. Скорее всего, это какие-то родственные племена.

Умолкла, выжидательно глядя на мужчину, а он вдруг улыбнулся.

— Вы очень догадливы для... — запнулся на мгновение и закончил: — юной леди.

Уверена, на языке у него вертелось «для светской пустышки», но мастер, конечно, не стал озвучивать свои мысли.

— В Эрменлейве все дни похожи один на другой — ни занятий, ни развлечений, и Трэй пока не пришел в себя. Я начала читать и... неожиданно увлеклась.

Потупилась, смущенно и чуть виновато. Мол, вот такая я неправильная «юная леди», сама себе удивляюсь.

Дильфор не был знаком с Мэарин до нашего с графом появления в имении. Он не представляет, на что Мири способна, откровенно глупа или все-таки не совсем безнадежна, поэтому не должен слишком уж удивляться моей неожиданно проснувшейся любознательности. От скуки и не такое случается. А мне, признаться, до отвращения надоело изображать из себя дурочку. Может, хоть с мастером поговорить удастся? Осторожно, не выходя из образа слишком далеко и надолго.

Я рискнула и не прогадала — Дильфор оказался замечательным собеседником. Правда, он так и не рассказал мне о Хауддане, ловко обойдя эту тему, но зато сообщил много интересного о мире вообще и о Намарре в частности. Появлялся лекарь обычно к концу дня, осматривал Трэя, давал указания Леому и Ниаве, а потом мы болтали.

Подтянутого широкоплечего мужчину с копной вьющихся темно-рыжих волос никто не назвал бы красавцем, но он оказался чертовски обаятелен. И очень много знал. С мастером было легко, приятно, порой

весело и всегда очень интересно. С ним я забывала о своем двусмысленном положении, даже изматывающая тоска по дому, по Петьке в его присутствии пусть ненадолго, но отпускала.

* * *

— О чем сегодня читали, ваше сиятельство?

Дильфор последний раз провел рукой над телом Трэя, на несколько секунд задержал ладонь у сердца, а потом, удовлетворенно кивнув каким-то своим мыслям, развернулся ко мне.

— О войне между Сигиллой и Онижем.

— Первый раз встречаю леди, которую интересуют сражения. — Мне досталась мягкая улыбка.

— Не сражения, а их причины, — рассеянно уточнила я, косясь в книгу.

Жаль, главу не успела закончить.

— Неужели? — снисходительно качнул головой мастер. Казалось, его забавляло и даже умиляло то упорство, с каким я взялась изучать историю с географией. Чем бы дитя ни тешилось, как говорится. — Что же, по-вашему, не поделили правители Сигиллы и Онижа? Земли? Ресурсы? Или им просто вздумалось пополнить казну?

Если бы...

— Хэленни.

— Что?

— Они боролись за руку хэленни.

— Там так и написано? — искренне изумился Дильфор. — Эти страны давние союзники, и о причинах древней распри и единственной войны сразу же постарались забыть. В учебниках, тем более детских, обычно упоминаются лишь личные разногласия правителей. Почему вы решили, что здесь замешана хэленни?

— Это ясно из текста. Сами смотрите...

Мастер поколебался пару мгновений, а потом решительно поднялся, обошел кресло и, остановившись за моей спиной, склонился над книгой.

— Вот... — Мой палец заскользил по странице. — Здесь говорится, что король Сигиллы Гисбрен был магом Земли. Сильным, но не выдающимся. Потом война с Онижем... Победа... Новых территорий Сигилла не получила, достаточно взглянуть на карту, чтобы это понять. Золотые рудники тоже остались у проигравших. Зато старший сын

Гисбрена Янурес Великолепный, — ну и имечко, почти неприличное, — родился с даром мага-универсала и стал даже не мастером — повелителем стихий. Братья от него ненамного отставали. Уверена, это наследство их матери-хэленни.

— Пожалуй, вы правы, — признал Дильфор и неожиданно негромко рассмеялся. — Ваша способность читать между строк восхищает, миледи.

Доброе слово и кошке приятно, особенно если кошка давно ничего подобного в свой адрес не слышала.

Вскинула голову, улыбкой отвечая на улыбку. Греясь в теплом сиянии глаз медового цвета...

— Как трогательно!

Два слова, произнесенные низким насмешливым голосом, вдребезги разбили царившую вокруг тишину, заставили нас, вздрогнув, инстинктивно отпрянуть друг от друга и одновременно повернуться ко входу. На пороге комнаты стоял гостеприимный хозяин Эрменлейва — его светлость герцог Роэм Саллер и подчеркнуто внимательно изучал нас с Дильфором.

— Лекарь и верная жена дежурят у постели тяжелобольного, — мужчина прислонился к дверному косяку и скрестил на груди руки. — Рвение, достойное похвалы...

Разумеется, достойное. И я не понимаю, зачем язвить по этому поводу. Мы не делали ничего дурного или непозволительного. Даже дверь никогда не закрывали, любой мог заглянуть и любопытствовать, чем мы занимаемся. Но Саллер... такой Саллер. Он всегда появляется не вовремя, и рядом с ним постоянно чувствуешь себя в чем-то виноватой.

— Кхм... — неловко откашлялся мастер. — Миледи очень ответственно отнеслась к моей просьбе проводить как можно больше времени рядом с мужем.

— Успел заметить, — глухо откликнулся герцог.

Холодный взгляд, бесстрастное выражение лица... Почему же мне кажется, что он с трудом сдерживает полыхающее внутри бешенство?

— Мэссер, — предпринял новую попытку лекарь, — с тех пор, как ее сиятельство...

— Позже! — Короткий приказ поставил точку в откровениях Дильфора. — Потом доложишь, Дильф. Сейчас нам с графиней нужно поговорить. Просто-таки жизненно необходимо. Прошу, миледи.

Саллер сделал приглашающий жест и отступил на шаг, позволяя мне пройти.

В полном молчании мы добрались до кабинета, вошли, и в следующий момент я оказалась прижатой к стене твердым горячим мужским телом.

— А вы оказались еще глупее, чем я думал, графиня, — презрительно бросили мне в лицо.

Замечательное начало разговора. Честно признаться, я подозревала, что меня позвали не для того, чтобы засыпать любезностями — от этого человека их точно не дождешься, но и откровенных оскорблений вот так, с ходу, тоже не ожидала. Фраза неожиданно сильно задела, неприятно слышать подобное от мужчины, который тебе нравится. А потом нахлынула обида, вытесняя благоразумие и осторожность.

— Что вы себе позволяете?

Резко дернулась в сторону, пытаясь освободиться. Бесполезно. Саллер не только не отпустил — даже не шелохнулся.

— Желаете преподать мне урок манер, миледи? — хмыкнул он. — Забавно.

— Ничего забавного, — упрямо вздернула подбородок, — наоборот, печально... Печально, что в детстве вы даже не потрудились открыть «Тонкости этикета для благородных юношей».

Надо же, и название учебника так кстати «вспомнилось».

— Ну что вы, миледи, это моя любимая настольная книга... была. Так что если настаиваете... — Мэссер изобразил нечто вроде церемонно-ироничного кивка и почти пропел: — Добрый вечер, миледи. Как вы сегодня спали? Хорошо ли себя чувствуете? Прекрасная погода, не правда ли? — Сделал неуловимо короткую паузу и проронил тем же тоном: — Ах да, позвольте заметить, ваше сиятельство, вы удивительная... дура.

А вот последнее он зря сказал — обида моментально утихла, растворившись в холодной злости.

— Да, я такая, — подтвердила спокойно, хотя бог знает, как тяжело это спокойствие мне далось, — а еще вздорная, легкомысленная и вообще не достойна вашего высочайшего внимания. Вы пригласили меня только за тем, чтобы поведать все это? Не стоило. Как видите, я и так прекрасно помню комплименты, которыми вы меня одаривали.

— Комплименты помните, а предостережение нет?

Герцог прекратил ломать комедию и теперь говорил тихо, жестко. И от этого внезапно стало жутко.

— К-какое предостережение? — Мой голос невольно дрогнул.

Саллер не ответил. Искривил рот в неприятной, двусмысленной ухмылке и перевел взгляд на мои губы.

— Я ничего не делала, — выпалила возмущенно. — Ничего, за что нужно оправдываться. Да, я брала книги из вашей библиотеки, но вы сами разрешили. И я... я читала их вслух мужу. Можете смеяться, но я чувствую,

ему это нравится.

— При чем здесь книги? — Дернул он уголком рта.

— Что же еще? В чем вы меня обвиняете? Я все дни провожу возле Трэя. Разговариваю с ним, читаю... делаю все, чтобы он быстрее поправился. Как вы и настаивали.

— С Дильфором вы тоже заигрываете ради мужа? Хихикаете... кокетничаете...

— Что? Я не собиралась ни с кем кокетничать.

— Позволяете к вам прижиматься... — продолжал хозяин кабинета, не обращая внимания на мои слова.

— Он не прижимался. Всего лишь стоял за моей спиной и смотрел...

— Очаровываете... — Он действительно будто оглох. Или не желал меня слышать. — Вы хэленни, миледи. Забыли? — Забудешь такое, как же. — За вами охотятся. Кроме того, никто не знает, как ваш дар влияет на окружающих. Вам нужно вести себя предельно осторожно, скромно, ни с кем не общаться, всех опасаться и молить Танбора о скорейшем выздоровлении мужа. А вы что творите?

В чем-то он, несомненно, прав. Остерегаться, никого не подпускать близко, шарахаться от собственной тени в моем положении, конечно, разумно, но ведь так недолго и с ума сойти. Сидеть, трястись, не пытаясь выяснить хоть что-то о себе, о мире, о том, что вокруг творится, а потом покорно рожать детей тому, на кого укажут? Нет уж. Кроме того, я ведь не бегаю по окрестностям, не бросаюсь с радостными воплями на шею первому встречному. Спальня — библиотека — комната Трэя — снова спальня — изредка парк. Куда уж скромнее?

Но Саллера я тоже понимала... ровно одну минуту. Следующие слова заставили меня буквально задохнуться от негодования.

— Следовало запереть вас в вашей комнате до тех пор, пока Трэй не придет в себя. Пожалел... Не учел, что если вы не задумываясь нарушили данное мне обещание, то с такой же легкостью преступите и брачные обязательства. При первом удобном случае.

Мне словно под дых врезали. Он что, считает меня не только пустышкой, но и дешевкой? Хотелось крикнуть в ответ что-то такое же колкое, но слова застряли в горле, вырвавшись наружу лишь придушенным хрипом. В отчаянии ударила герцога в грудь, надеясь оттолкнуть... убежать... оказаться как можно дальше.

— Куда же вы, миледи?

Казалось, мой порыв только раззадорил его. Твердые пальцы впились в плечи, почти оторвав от пола, не давая двинуться с места. Подняла голову и

столкнулась с совершенно невменяемым взглядом.

— Вам обязательно нужно находиться в центре внимания? Купаться в мужском восхищении? Ласках? По-другому не получается? — яростно прошипел он. — Так я могу помочь, Мири... по-родственному, — выдохнул возбужденно, вжимаясь в меня бедрами, грубо дернул к себе и потянулся к губам.

Настойчивый жадный поцелуй, не имеющий ничего общего ни с нежностью, ни с лаской... Он жег огнем, клеймил, наказывал и не вызывал никаких чувств, кроме горечи и опустошения. А ведь совсем недавно я грезила об этом человеке. Вот уж действительно дура. Крепкие объятия не давали сдвинуться даже на миллиметр, но, когда Саллер отстранился, тяжело дыша, и провел подрагивающей ладонью по моей щеке, я рванулась изо всех сил и выскользнула из ослабевших рук.

— Мы с Дильфором просто беседовали. Только беседовали, понимаете? Он объяснял... отвечал на вопросы. Всего лишь... Мастер отнесся ко мне с участием, вниманием, — говорить по-прежнему было трудно, — а вы... Вы мне противны.

— Противен? — переспросил герцог глухо.

— Да! И ваши прикосновения тоже, — на секунду приложила пальцы к опухшим горящим губам. — Вы последний мужчина в этом мире, к которому мне придет в голову обратиться за подобной «помощью».

Его глаза потемнели. В глубине черных расширившихся зрачков замерцали знакомые огоньки, при виде которых мне вдруг стало зябко. Саллер несколько раз стиснул и разжал кулаки, но ничего не ответил. А я повернулась и вышла.

Знаю, преувеличила, и очень сильно. Но в тот момент я именно так и чувствовала.

Глава 6

Дверь захлопнулась, отрезая его от ушедшей Мэарин, и Саллер как привязанный дернулся следом. Странная готовность немедленно броситься за девушкой привела в замешательство, и это немного отрезвило. Он застонал, запрокинул лицо к потолку, закрыл глаза и, глубоко втянув воздух, на несколько мгновений задержал дыхание.

Ярость, только что клокотавшая внутри, постепенно затихала. Медленно выдохнув, мужчина пошел к столу. Когда до него оставалось три-четыре шага, герцог уже мог себя полностью контролировать, хотя и оставался еще на взводе.

Что происходит? Что, Птарх возьми, с ним происходит?

Недоумение от того, что он сейчас сделал, окончательно выветрило из тела остатки агрессивного напряжения. Почему в присутствии этой девчонки ему так трудно сдерживаться? Куда исчезают отточенная годами тренировок выдержка и привычное хладнокровие?

А ведь он сознательно избегал встреч с нею. Занимался делами, допросами свидетелей, поисками неуловимого Могира и его любовницы.

Магический огонь, в котором чуть не сгорела Мири, уничтожил не только дом, но и все возможные улики. Гончие больше так и не сумели взять след. Герцог, конечно, быстро вышел на наемников, напавших на карету, — даже не наемников, наспех собранный разношерстный отряд, — но слишком поздно. Все оказались мертвы. Лунная соль — очень редкий и дорогой ингредиент, без вкуса и запаха. Достаточно пары крупинок, чтобы отравить целую толпу. Особенно если растворить их в редком меронгском самогоне, выставленном на стол в честь успешного завершения дела. Маг, решивший заполучить хэленни, не стал ни скупиться, ни церемониться и мгновенно избавился от ненужных свидетелей.

Еще одна неудача.

Герцог нашел всех крестьян, которые ночевали в обители, но они или не заметили, или не поняли, что случилось. В любом случае посторонним ничего не рассказывали. Один из них вспомнил, что подвозил незнакомца. Тот вроде как только на рассвете собирался отправиться дальше, но утром попутчика никто уже не видел. Как его зовут, откуда он, выяснить не удалось. И здесь не повезло.

Саллер тяжело оперся руками о столешницу.

Могир... Кто же ты такой? Слишком много подозреваемых...

слишком...

Он исключил тех, кто жил далеко, Потом тех, кто находился в столице, был постоянно на виду и не мог отлучиться. Осталось четверо. Их и стали проверять в первую очередь. Тщательно, незаметно, чтобы ни в коем случае не спугнуть и сохранить расследование в тайне. На этом дядя особенно настаивал.

А еще этот портал между мирами...

Дневная суeta поглощала с головой, не оставляя места непрошенным мыслям о той, что гостила сейчас в Эрменлейве. А вот сны... Короткий ночной отдых не приносил покоя, тревожа нежеланными воспоминаниями о девочке, ставшей чужой женой. И самое неприятное — воспоминания эти порождали сомнения, правильно ли он поступил, оставив Мэарин Трэю.

Ему часто грезилась их случайная встреча в библиотеке.

Мири стояла спиной, поглощенная «книжкой с картинками». Легкое шелковое платье мягко обрисовывало изгибы тела, тонкие руки, хрупкую линию плеч... Он не мог отвести взгляд от ее бедер и ягодиц, заманчиво проступивших под тканью, когда она наклонилась к окну, чтобы лучше что-то рассмотреть.

Ее удивление, дрожание длинных ресниц... Атласная гладкость кожи... Все тот же невероятный запах, который заставлял ликовать сердце и пробуждал мучительную жажду. Его разрывало от противоречивых желаний — овладеть этой женщиной и обожать ее, замирая от восхищения.

Нелепо, необъяснимо...

Ее искренний восторг по поводу иллюстраций Халлгерда... Узкая ладонь, бережно скользившая по книге, будто девушка пыталась ощупать лес, реку, горы, изображенные на картинке. Вдруг захотелось взять эту ладонь в свою и больше не отпускать. И он поддался детскому порыву, оживив для нее картинку, а потом едва не сорвался, когда Мэарин заговорила о муже. Практически выгнал из библиотеки, но все-таки не удержал магию и, кажется, снова напугал свою гостью.

Он постоянно ее пугал. Во время первого разговора в кабинете, в библиотеке и сегодня тоже. А ведь герцог зашел в лекарское крыло лишь за тем, чтобы расспросить Дильфа о состоянии кузена.

Терпение его величества подходило к концу. Он сердился, настаивал, требовал результата — Трэй до сих пор так и не пришел в себя, и двусмысленная ситуация с хэленни не давала правителю Намарры покоя. Пока благословение Танбора сдерживало короля, но Саллер чувствовал, это ненадолго, государственные интересы скоро перевесят все сомнения. И сегодня утром дядя наконец предъявил ему ультиматум.

— Понимаю Рэм, ты привык опекать и защищать Ольеса, но я в первую очередь должен думать об интересах страны и династии. Тебе дорог твой бестолковый братец? Так замени его. — Дядя говорил уверенно и четко, он уже принял решение и менять его не собирался. — Если граф в ближайшее время не консуммирует брак, сделаешь это сам.

— Что? — Ему показалось, что он ослышался.

— Ты все правильно понял. — В спокойном голосе Его величества мелькнула насмешка. — Если Ольес все-таки скончается, женишься на его вдове, пока никто не узнал, что она беременна. Твоя кандидатура в качестве мужа хэленни меня вполне устраивает. Ты сильнейший маг королевства, твой сын станет величайшим из одаренных и принесет славу нашей семье и Намарре. Если Трэй все-таки выживет, так тому и быть, пусть наслаждается своей очаровательной женой. А ты возьмешь на воспитание «племянника» и остальных ваших с Мэарин детей тоже. Всех, которые еще родятся. Уверен, кузен поймет тебя, даже будет благодарен за спасение своей жизни. Не скрипи зубами, я согласен пока ждать выздоровления Ольеса, но не долго. Даю тебе срок...

Срок...

Он ударил кулаком по столешнице.

Дядя не шутил. Герцог помчался в Эрменлейв, чтобы еще раз обсудить с лекарем состояние Трэя. Вошел и увидел, как они улыбаются друг другу — его верный соратник и эта ветреная, легкомысленная девица. Вместо того чтобы забиться в угол, плача о своей судьбе, она спокойно кокетничала с Дильфором и, судя по всему, совершенно не вспоминала ни о муже, ни о бывшем женихе, в то время, как он сам...

Саллер так крепко сжал зубы, что, казалось, еще чуть-чуть — и они начнут крошиться. Выпрямился, подошел к окну.

Он пригласил ее в кабинет, чуть сдвинулся в сторону, мрачно ожидая, когда девушка выйдет в коридор. Она словно не замечала возникшего между ними напряжения, спокойно подходила, глядя прямо ему в глаза. А вот он опять не сдержался. В нем жило сейчас два человека. Один сходил с ума от чувств и желаний. Другой с изумлением и раздражением наблюдал за первым, пытаясь его контролировать. Жаль, не всегда успешно.

Запереть...

Он действительно мечтал ее запереть. Подальше от Дильфа, от Трэя, ото всех, чтобы ни один другой мужчина не смел касаться, целовать...

При воспоминании о ее губах мгновенно бросило в жар. Упрямые, зовущие, сладкие и освежающе прохладные, как яблоки поздней осенью, — искушение, которому невозможно сопротивляться. Он раньше

уже целовал Мэарин — в день помолвки и позже, несколько раз. Было приятно касаться ее рта, чуть припухшего, мягкого, покорного. Он даже с облегчением подумал тогда, что супружеский долг, несмотря ни на что, исполнит с удовольствием. Но те прикосновения не заставляли его вспыхивать, не вызывали нестерпимого желания обладать — безраздельно, всецело. И целовать... целовать до одури, до бесконечности.

Герцог прижался разгоряченным лбом к холодному стеклу, наблюдая, как порывы ветра выбивают рой мелких сверкающих брызг из расположенного под окнами фонтана.

Это ведь Мэарин. Беззаботная глупышка Мири, которая вечно его раздражала, и от которой он еще совсем недавно сам мечтал избавиться. Что же изменилось? Как девчонке удалось заставить его все это переживать?

Первое, что приходило в голову, — без приворотной магии здесь точно не обошлось. Но он понимал, что это ерунда. Мири обожала Трэя, стремилась выйти за него замуж и всегда мечтала избавиться от навязанного родителями жениха. У нее нет причин прибегать к запретному колдовству. Кроме того, Саллер давно и надежно защитил себя от подобного рода чар.

И способности хэленни тоже ни при чем.

«Никто не знает, как ваш дар влияет на окружающих», — сказал он девчонке. Специально сказал, чтобы она испугалась и перестала соблазнительно улыбаться всем мужчинам подряд. Птарх их побери. Но это с Мэарин можно лукавить, намекая на некие таинственные обстоятельства и требуя осторожности, а с самим собою он обязан оставаться честным.

Сохранилось немало книг, посвященных хэленни, и их авторы с уверенностью утверждали: до свадьбы эти женщины ничем не отличались от остальных, а потом, если кого и очаровывали, то только собственного мужа. Хотя и это сомнительно. Один из его предков был женат на хэленни — в личных дневниках, подробно описывающих каждый день его долгой жизни, нет ни единого намека на нечто подобное.

За окном сгущались сумерки. А он все стоял в полумраке комнаты, вцепившись пальцами в подоконник, и пытался найти хоть какое-то рациональное объяснение тем чувствам, которые им овладели. Мысль о том, чтобы обратиться за помощью к учителю, пришла позже, когда в парке зажглись фонари и на стекле задрожали слабые золотистые блики.

Неожиданно вспомнился летний лагерь на равнине в предгорьях Шанского хребта, оранжевые отсветы костра, отряд греющихся у огня юных истинных, спокойный голос наставника: «Глупой рыбе враг —

наживка, а не рыбак. Помните об этом и всегда ищите того, кому выгодно».

А что если Мэарин лишь приманка в чьей-то тонкой игре? Наживка на удочке?

Он резко развернулся, шагнул к столу и не глядя надавил на серебряную пластину.

— Вильма ко мне. Немедленно.

Рассвет Саллер встретил уже в пути. Лето заканчивалось, и стоило поторопиться, если он хотел застать школу в Степном лагере. Скоро мастера с учениками вернутся в Ледяную крепость, закроют перевал, тогда добраться до них станет практически невозможно.

Он успел. К концу третьего дня пути на темнеющем горизонте засверкали слабыми искрами вечерние костры. И тут же на них как из-под земли выскочил конный дозор. Шесть всадников, не доезжая до его маленького отряда, рассыпались в стороны и окружили по всем правилам скрадывания.

Прямо перед ним оказался старший. Истинный лет шестнадцати, судя по нашивкам, ученик предпоследнего цикла. Он наверняка узнал герцога — не мог не узнать, но ничем этого не выдал. Мальчик исполнял свой долг, сейчас для него все были равны. Медленно поклонившись, он твердо произнес:

— Здравствуйте, добрые путники. Проезд через эту территорию закрыт указом Его величества. Возьмите влево и через час окажетесь на южной дороге. Если желаете, в сопровождение выделю двух юнитов.

«В сопровождение... Двух шпионов ты мне дашь, чтобы они проследили за незваными гостями до южной дороги», — усмехнулся про себя Саллер и откинул дорожный плащ.

На груди брызнул золотом знак выпускника школы.

— Я имел честь обучаться в Шанно-Лансине. — Он мельком взглянул на родовой шеврон старшего. Перспективный юноша, следует, пожалуй, запомнить. — Приветствую братьев и прошу проводить в лагерь. Мне необходимо встретиться с мэссером.

Дозорный внимательно изучил знак, считывая данные, потом отсалютовал, отдал команду, и один из юнитов тут же растворился во мгле подступающей ночи, спеша сообщить новости.

У ворот обнесенного частоколом лагеря их уже ждал мастер Ливазис, личный секретарь мэссера. Коротко поздоровался и повел герцога к большому шатру, разбитому сразу за строевым плацем.

— Рад тебя видеть, Рэм.

Крепкий мужчина с коротко стриженной седой шевелюрой и ясными

умными глазами отложил в сторону бумаги, быстро поднимаясь из-за стола навстречу гостю.

— Учитель. — Саллер почтительно склонил голову.

Сколько лет они не виделись? А он все тот же, совершенно не изменился. Наставник Камм, вернее, мэссер Каммго Шанский — бессменный глава Шанно-Лансина, школы для юных истинных.

Несколько мгновений хозяин не спеша рассматривал гостя, словно вспоминая его прежнего и оценивая нынешнего. Легко улыбнулся тому, что увидел. Тихо предложил:

— Вишневую? — Редко кого Камм удостаивал подобной чести — выпить с ним наливки, которую он сам готовил.

Дождлся согласного кивка, подошел к походному шкафчику, достал оттуда кувшин, две чашки и поставил все это на стол. Плеснув густой ароматной жидкости, произнес первый положенный тост:

— За истину и истинных.

Выпили. Помолчали...

Камм не торопил, зная, что придет время, и ученик сам заговорит о цели приезда. Так и получилось. Он рассказал наставнику все. Почти все. О том, что Мэарин — хэленни, без позволения короля герцог не имел права сообщать даже главе Шанно-Лансина.

— В присутствии этой женщины я утрачиваю контроль над собой. — Даже сейчас, вспоминая, он невольно сжимал кулаки. — Знаю, так быть не должно, но все способы противодействия постороннему влиянию с ней не работают. Я лишаюсь равновесия, теряю самого себя... Я болен ею. Чувствую себя так, будто нахожусь под любовным заклятием. Хотя это абсурдно. Прошу, помоги разобраться, наставник.

Камм прищурился, взгляд его стал острым и цепким.

— Точек подсадки заклинаний я на тебе не вижу, — заговорил он вполголоса. — Эфирная магия?.. Тоже нет. Аура чистая... Ты здоров, полон энергии... Никакой зависимости, тем более в школе ты получил все нужные прививки. Но привкус посторонней магии я все-таки ощущаю. Что-то экзотическое? Из-за южных рубежей? Хотя и там и здесь магические основы одни и те же, а здесь нечто иное, не человеческое...

Учитель запнулся. Потом протянул руку, перехватил запястье Саллера и, резко сдавив, приказал:

— Расслабься!

Он подчинился. Закрыв глаза, привычно отсекая все мысли. Ни один сознательный импульс с его стороны не должен помешать наставнику отделить истинное от ложного в теле и духе ученика.

Минута... другая... третья...

— Магия действительно не человеческая, — выдохнул наконец наставник и убрал ладонь. — Даже не магия, отголосок. Это не приворот, не заклинание зависимости, не чары обольщения. Я не знаю, что это, и вряд ли кто-то из людей знает. — налил полную чашку вишневой, залпом выпил. — Есть единственное место, откуда это могло прийти, где тебе дадут ответ. Если захотят.

— Хауддан, — Саллер не спрашивал, утверждал.

— Хауддан, — подтвердил учитель.

— Но нелюди никогда не вмешивались в наши дела...

— И межмировых порталов давненько не создавали, — в тон ему продолжил Камм.

— Такой портал способен построить и сильный стихийник. — Герцог возражал, но уже понимал, что и в этом наставник прав.

— Способен. Но наши маги действуют грубо, всегда оставляя после себя четкий энергетический след. Если ты до сих пор ничего не нашел — это точно не человек.

И Саллер опустил ресницы, соглашаясь.

Повисла пауза.

— Что мы знаем о магии, жизни и целях нелюдей? — пожал плечами глава Шанно-Лансина. — Только то, что они не против нам показать и сообщить. То есть ничего. Я помогу тебе, усилив личную защиту, но это временная мера. Тебе нужно в Запретные Земли. И чем скорее, тем лучше.

* * *

Первое время после столкновения с Саллером я с опаской выходила из комнаты. Казалось, сейчас из-за угла вывернет разгневанный хозяин Эрменлейва, схватит, потащит куда-то и опять примется обвинять. И неважно, что я ни в чем не виновата, судя по всему, ему особых поводов не требуется. Сам придумал — сам поверил, разозлился и вынес приговор, причем без права на обжалование.

Встретаться с мужчиной после того, что произошло в кабинете, не было ни малейшего желания. Негодование утихло, едкая горечь от его слов уже не ощущалась так остро, но на душе оставался неприятный осадок. Не хотелось ни видеть его, ни слышать, и уж тем более общаться.

Но герцог так и не появился ни на следующий день, ни через несколько суток. Осторожно расспросила Дору, узнала, что господин в

сопровождении Вильма отбыл по какому-то важному делу, даже ночью не возвращается, и успокоилась. Мэссер, конечно, мой «спаситель и могучий избавитель» — спасибо ему огромное, лавровый венок на макушку и медаль на шею, но лучше я продолжу выражать свою благодарность на расстоянии. Он кузен моего «мужа» — не меньше, но и не больше. А все остальные мысли, чувства и желания на его счет нужно поскорее забыть, как дурной сон. Они в моем положении непозволительная роскошь.

Искренне расстроило то, что Дильфор перестал со мной разговаривать так, как раньше. А ведь я уже привыкла к нашим ежедневным беседам — теплым, непринужденным, порой неспешным, а иногда очень оживленным. Мастер по-прежнему приходил к концу дня, осматривал Ольеса, но, обсудив его состояние с помощником, сиделкой и сделав необходимые распоряжения, почти сразу же исчезал. Не задерживался, не улыбался тепло и чуть снисходительно. Не спрашивал, блестя глазами: «О чем сегодня читали, ваше сиятельство?» Глупо, но я почему-то чувствовала себя преданной.

На третий день не стала ждать его вечернего визита, чтобы лишний раз не расстраиваться. За час до ужина закрыла книгу, традиционно пообещала графу, что обязательно приду завтра, попрощалась с Леомом, радостно встрепенувшейся Ниавой и направилась в свою комнату. Ничего, поброжу в парке, в библиотеку наведаюсь или... В общем, найду чем заняться, не пропаду.

День выдался хмурый, прохладный и ветреный — не лучшая погода для прогулки, хорошо хоть дождь, немного покрапав, прекратился так же внезапно, как и начался. Но я упрямо кружила по аллеям, не обращая внимания на ежившуюся за спиной камеристку.

— Добрый вечер, миледи.

Дильфор нагнал меня, когда я повернула на узкую боковую дорожку, затканную с обеих сторон красивыми вьющимися растениями. Поклонился и пошел рядом, подстраиваясь под мой шаг.

— Здравствуйте, мастер. — Скользнула по нему взглядом и снова отвернулась. Вон тот цветочек слева такой интересный. — Что-то с Трэем?

— Нет-нет, почему вы так подумали?

— А для чего еще вам меня искать? — отозвалась ровно. — Только затем, чтобы сообщить о здоровье мужа.

— Вы сегодня ушли раньше. — Лекарь неловко кашлянул. — У вас все в порядке, ваше сиятельство?

Небрежно пожала плечами.

— Сами же убеждали меня почаще дышать свежим воздухом. Вот и

решила последовать вашему совету.

Угу... и вымокнуть, если «повезет».

Мужчина молчал, пытливо всматриваясь в мое лицо.

— Не беспокойтесь, мастер, если вам запретили со мной общаться...

— Никто мне ничего не запрещал, — перебил он неожиданно сердито. — Но я видел глаза Саллера, когда он застал нас вдвоем. И не хочу, чтобы подобное повторилось.

— Понимаю... — Я, как и прежде, старательно таращилась в сторону. Вот тот кустик чуть поодаль тоже очень милый. — Кто угодно на вашем месте испугался бы.

— Ничего вы не понимаете. — Дильфор устало вздохнул. Поколебался, словно не зная, с чего начать, и внезапно спросил: — Что вам известно об истинных?

Что нам с Мэарин о них известно? Пробежалась по воспоминаниям бывшей хозяйки тела. Да собственно, почти ничего. Так и ответила.

— Сильнейшие носители древней крови. Боевые маги. Находятся на государственной службе и подчиняются непосредственно его величеству.

Покосилась на лекаря, тот утвердительно кивнул головой.

— А еще все они обязательно обучаются в Шанно-Лансине. С восьми и до двадцати четырех лет. — Ого! Школа и институт в одном флаконе. — Веками туда принимали только отпрысков знатных семей, и лишь несколько десятилетий назад король подписал указ, открывающий двери Шанн-Лана перед самыми способными мальчиками из других сословий.

Вполне объяснимая мера, если вспомнить, что в последнее время у аристократов регулярно рождаются дети со слабым даром.

— Я попал в школу робким домашним ребенком, — продолжил Дильфор, запнулся и коротко пояснил: — Пришлось выживать.

— Высокородные наследники замучили? — хмыкнула сочувственно.

— Нет. В Шанно-Лансине не существует кастовых различий, имеют значение лишь те привилегии и награды, которые ты получил за личные заслуги. Это правило неукоснительно соблюдается всеми — и наставниками, и юнитами. Но, скажем так, к ученикам из простого сословия присматриваются внимательней. И испытывают их жестче. Мне повезло, что рядом оказался Рэм. Мы подружились почти сразу. Он поддерживал меня во всем, помогая поверить в себя, когда я сам уже готов был отчаяться. А потом ему, как сильнейшему, дали право собрать собственное крыло, и мы стали первыми, кого он назвал. Я и Вильм... Теперь понимаете, миледи?

Да, теперь я понимала.

— Не знаю, что между вами происходит, — продолжал мастер, — и знать не хочу. Мне все равно. Что бы ни случилось, я всегда и во всем поддержу Саллера.

Резюмирую: вы, графиня, конечно, женщина, приятная во всех отношениях, но «бескорыстная дружба мужская» намного дороже...

— Не волнуйтесь, — улыбнулась сдержанно, — если нужно, я постараюсь уходить еще раньше.

Лекарь сокрушенно махнул рукой.

— Не стоит, ваше сиятельство.

Ну, не стоит, так не стоит.

На следующий день я спокойно дождалась Дильфора. Захочет побеседовать — не откажусь, уйдет — расстраиваться больше не стану.

Но узнать, как поведет себя мастер, так и не удалось. Не успел он приступить к осмотру Трэя, как дверь с шумом распахнулась, и в комнату ворвались новые проблемы. Вместе с шелестом дорогого дорожного платья, тонким запахом духов и отчаянным воплем:

— Мой бедный Пипи, что они с тобой сделали?!

Просторное помещение тут же стало тесным, его полностью заполнила собой невысокая привлекательная женщина лет сорока. Облегающий бледно-лиловый наряд, затейливая, тщательно уложенная прическа, в ушах и на шее украшения из прозрачных камней с розовато-фиолетовым отливом — такая... самая что ни на есть мадам. Другого слова не подберешь.

За моей спиной тихо охнула Ниава, сдавленно закашлялся Леом, но посетительница не удостоила их даже взглядом, как, впрочем, и меня с мастером. Я вообще не уверена, что она нас рассмотрела: вихрем влетела в комнату и тут же прямой наводкой понеслась к кровати, чуть не сбив по пути опешившего Дильфора. Хорошо, что я до этого успела подняться с кресла и отойти, меня бы вышибли с насиженного места, даже не заметив.

Гостья на несколько секунд замерла, жадно изучая неподвижного бледного графа, потом всхлипнула, прошелестела прерывисто:

— Сокровище мое, мой несчастный мальчик... Я умру вместе с тобой.

Театрально заломила руки, закрыла глаза и упала в кресло. Все-таки замечательно, что я вовремя встала.

Поднялась суматоха. Леом суетливо бросился к шкафу в углу и начал перебирать какие-то склянки. Ниава заметалась по комнате, с каждым оборотом расширяя круги и хватаясь то за одну вещь, то за другую, пока, наконец, не врезалась в прикроватный столик. Тут она немного опомнилась, плеснула в бокал воды из кувшина и начала тыкать им в

ладони женщины. Дильфор, буркнув что-то нечленораздельное, устало потер пальцами виски и нехотя побрел к собравшейся немедленно почтить даме. А я, предусмотрительно отступив к окну и прикрывшись занавеской — сомнительная защита, но лучше, чем ничего, мрачно смотрела на всю эту кутерьму, а в голове билась только одна мысль:

«Я замужем за Пипи».

Интересно, Мэарин знала о такой подставе? Судя по моим воспоминаниям — нет. Вот так живешь, влюбляешься в неотразимого красавца с мужественным именем Трэй, бросаешь ради него перспективного жениха, рискуешь будущим и репутацией, тайно выходишь замуж... А супруг оказывается не Трэем, а Пипи. Хорошо хоть не Пипи. Впрочем, в этом случае хрен редьки лишь не намного слаще.

Невольно покосилась на Ольеса, и мне показалось, что лицо его еще больше побледнело, вытянулось и приобрело какое-то трагическое выражение. Бедолага... Я на его месте если б и собиралась приходить в себя, то в этот момент точно передумала.

— Ваше сиятельство...

Дильфор наконец добрался до кресла, отнял у Ниавы воду, а у топтавшегося рядом Леома — флакон, отсчитал десять капель, размешал и протянул микстуру «умирающей».

— Выпейте, — попросил настойчиво.

Ответом ему был слабый стон. Я бы сказала, томный, но, учитывая обстоятельства, назовем его «скорбным» и даже «предсмертным».

Лекарь вздохнул, тоскливо покосился на дверь и предпринял новую попытку.

— Миледи, жизни графа ничего не угрожает. Его сиятельство идет на поправку и скоро очнется, поверьте.

Эта фраза возымела поистине волшебное действие. Дама распахнула ресницы, и в ее руках мелькнул неизвестно откуда взявшийся кружевной платок. Она осторожно прижала надушенный кусочек ткани к правому глазу... к левому, а потом с достоинством выпрямилась. Щеки ее пылали — румянец ярко выделялся на фоне светлого платья, но голос звучал собранно и деловито.

— Скоро? А точнее? Как это не знаете? Я так и предполагала, что Рэм выделит своему измученному, страдающему кузену самого захудалого лекаря. Мстить умирающему... — Она запнулась, видимо сообразив, что Трэй в мир иной отбывать пока не собирается, и быстро исправилась: — Мстить тяжелому больному — это так мелко, недостойно истинного аристократа. Но ничего, малыш, теперь я здесь и не дам тебе погибнуть.

Немедленно распорядитесь послать за мастером Юрмэ, скажите, я велела. Он лучший маг-лекарь во всем Тагрифе и непременно поможет. Поставит на ноги в кратчайшие сроки.

— Миледи, в этом нет необходимости, — попробовал достучаться до гостьи Дильфор. — Ваш сын ни в чем не нуждается.

Ага, значит, все-таки свекровь. Судя по ее репликам, что-то в этом роде я и подозревала, а сейчас просто получила подтверждение собственным предположениям. Прищурившись, еще раз оглядела нежданную гостью. Мда... Так свезло мне, так свезло, просто неописуемо свезло. Что уж говорить... Я бы от нее тоже удрала. Куда угодно, даже в другой мир, лишь бы подальше.

— Не нуждается?! — яростно звенела мадам. — А чем вы его кормите? Он такой бледненький. Учтите, мальчик очень разборчив в еде, у него нежный, деликатный желудок.

— Ничем не кормим, — растерянно проронил Дильфор. — Он пока...

— Морите голодом? — неподдельно ужаснулась «свекровь» и, схватив руку Ольеса, порывисто прижала ее к груди. — Мой бедный, бедный Пипи...

Уголок губ «бедного Пипи» нервно дернулся, лицо стало еще тоскливее, и мое сердце вдруг преисполнилось острой жалости к горемыке. Он ведь не виноват, в конце концов, что ему досталась такая заполошная родительница.

У нас по соседству жила похожая семья. Ольга Павловна развелась, когда сыну было три года, и больше так и не вышла замуж, полностью посвятив себя воспитанию родной кровиночки. Сашка невероятно завидовал нам с братом — образу жизни, самостоятельности, независимости. Нет, мама его не просто любила — обожала, но ее забота и тотальный контроль порой душили хуже пеньковой веревки.

Ольга Павловна зорко следила, с кем ее Кисик дружит. Да-да, именно так, почти по-воробьяниновски, она его во всеуслышанье и называла — в пять лет, в пятнадцать, в двадцать. Неустанно бдила, на каких девушек сын обращает внимание, а главное, что ест. Только самое свежее, парное, диетическое, а то, не дай бог, что стряется. Гастрит ведь не дремлет. По-своему она, разумеется, была права, но в юности так хочется иногда чего-нибудь вредного, неправильного, но такого вкусного.

Помню, как поспешно она увлакивала Саньку из нашей квартиры, где мы втроем собирались перекусить только что принесенной пиццей.

На робкое «Мам... один раз» последовало категоричное: «Нет. Эту гадость ты закажешь только на мои похороны. Да и то на третий день. На

первые два я точно успею наготовить».

Припомнив все это, я окончательно прониклась бедственным положением своего «благоверного», покинула удобный, относительно безопасный наблюдательный пункт за занавеской и шагнула вперед.

— Дильфор — не просто один из лучших лекарей королевства, он истинный. — Надеюсь, мой аргумент прозвучал достаточно веско. — Его светлость доверяет мастеру, и я тоже.

Услышав «Он истинный», мадам закусила губу, на миг потупилась — все-таки безупречная репутация выпускников Шанно-Лансина возникла не на пустом месте, но тут же снова приосанилась и пошла в атаку.

— Почему в комнате моего сына посторонние? — спросила она, преисполнившись справедливого материнского негодования.

— Здесь нет посторонних, миледи, — ответ Дильфора звучал вежливо и очень... просто-таки невероятно сдержанно. — Мой подмастерье, сиделка...

Он по очереди указал на Леома и Ниаву и уже открыл рот, собираясь что-то добавить, но женщина его опередила.

— А это что за особа? — Она гневным взглядом полыхнула в мою сторону.

— Это, Аниаш, тем более не посторонняя, — неожиданно возразили ей насмешливо.

Все как по команде повернулись к дверям, молча наблюдая, как в комнату входит еще одна гостья. Ее родство с матерью Трэя сразу же бросалось в глаза — те же черты лица, светло-русые волосы, серые глаза. Но на фоне этой дамы графиня, ухоженная, со вкусом одетая, вдруг показалась провинциальной простушкой.

Очаровательная женщина — элегантная, как тонкий фарфор, и опасная, как королевская кобра — неторопливо прошествовала к креслу, смахнула невидимую соринку со своего безукоризненного золотисто-коричневого одеяния и опустила ладонь на плечо леди Ольес.

— Это, дорогая сестра, — произнесла она все так же негромко и чуть иронично, — Мэарин Ольес, в девичестве Астон. Невеста моего сына... Бывшая... Теперь жена твоего. Не так ли, милочка?

«Людочка, а не Милочка», — захотелось почему-то брякнуть, но я взглянула в холодно сверкнувшие миндалевидные глаза и прикусила язык.

Ее светлость любила сына ничуть не меньше, чем сестра своего Пипи, хоть и не демонстрировала это так навязчиво. И она явно не собиралась прощать «сопливой девчонке» ни предательства, ни побега, ни того, что она предпочла другого мужчину.

В один день познакомиться с бывшей будущей и с нынешней свекровью... Интересно, в кого я такая везучая?

Глава 7

Странная все-таки штука жизнь. Вот так спешишь вперед, накручиваешь год за годом, заботишься о близких, строишь грандиозные планы, ни на что особо не жалуешься и вдруг... попадаешь в чужой мир.

Приобретаешь кучу проблем и красавца мужа, при виде которого почему-то срабатывает лишь один-единственный инстинкт — сестринско-материнский. В придачу к супругу получаешь его кузена с тяжелым характером и целым полчищем откормленных тараканов. Вот он-то как раз и вызывает у тебя самые противоречивые, но очень сильные чувства — восхищение, влечение, негодование, злость. А еще досаду... Досаду и сожаление о том, что глупышка Мири выбрала не того мужчину. Не торопилась бы она отказываться от жениха... Хотя что теперь локти кусать. Если бы не побег, может, Мэарин осталась бы на Риосе, а я — на Земле. Кто знает?

А потом, словно насмешнице-судьбе этого кажется мало, на твою голову сваливаются гости. Демонстративно обожающая тебя свекровь номер один, от которой хочется удрать подальше. Откровенно недолюбливающая беглянку несостоявшаяся свекровь номер два, к которой ты, сама того не ожидая, начинаешь испытывать некоторую симпатию. Дополнением к этой парочке, так сказать, в комплекте, идет спутница герцогини — славная девушка с безупречными манерами, которая будит в тебе дикие, первобытные желания, и с этим ничего нельзя поделать. Как только подумаешь, зачем ее сюда привезли, собственноручно на ленточки порвать хочется. Красивые такие, ровные, тоненькие ленточки...

— Мэарин, ты так и не доела омлет, — затараторила графиня, оторвав меня от размышлений, и горестно всплеснула руками. — И грисский паштет почти весь на тарелке остался.

Крепко стиснула вилку и досчитала про себя до трех.

— Спасибо, миледи, не хочется.

— Тогда попробуй пирожные... вот эти, со взбитыми сливками. Даже на мой строгий вкус, сегодня они повару удались.

Господи, когда она от меня уже отстанет?

— Благодарю за заботу, но я сыта.

— Детка, тебе нужно лучше питаться, — собеседница укоризненно поджала губы, — посмотри на себя — худая, бледная, круги под глазами... Краше в склеп кладут.

Спасибо на добром слове, дорогая свекровь.

— Этот лекарь, как его... Дильфор... Недаром он сразу же вызвал у меня подозрение. Не проследил, не дал рекомендаций... Ничего, не беспокойся, теперь я обо всем позабочусь, — продолжала вдохновенно вещать женщина, а мне стало совсем страшно. Это что же получается, она еще и не начинала «заботиться»? — Дальмира, будь любезна, распорядись, чтобы в Эрменлейв доставили устриц из Дуау. Самых крупных, отборных. Они очень полезны для... сами знаете для чего. — Мадам захлопала ресницами и порозовела. — Мне нужны здоровые, сильные внуки. И маркизу Астону, уверена, тоже. Кстати, Мэарин, ты еще не написала отцу? Нет? Ну, мы об этом позже поговорим. Мастер Юрмэ готовит чудесное оздоровительное снадобье. Вот, примешь сегодня перед сном две ложки, а завтра утром...

— А завтра утром, — негромко перебила сестру герцогиня и аккуратно отставила пустую чашку, — еще две... если проснетесь. Истель, дорогая, вы закончили? — Она повернулась к сидящей рядом прелестной юной особе. — Идемте, покажу вам оранжерею. Полюбуемся на цветущие беламканды, пока Ани откармливает свое внезапно привалившее счастье.

— Да-да, — закивала девушка, безуспешно пытаясь скрыть легкую улыбку.

Мне самой спокойные, ироничные комментарии леди Саллер нравились гораздо больше, чем навязчивая опека графини. С удовольствием похихикала бы вместе с Исти, даже несмотря на то, что все шутки ее светлости так или иначе рикошетили в мою сторону, если бы девица так меня не раздражала.

— Не завидуй, Дальма. — Матушка Трэя нахохлилась. — Я понимаю, дети поступили не очень красиво, но ведь они так любят друг друга. — Мадам манерно закатила глаза. — Пипи всегда был добрым мальчиком. Вечно кошек бездомных откуда-то приводил, собак. Теперь вот... гм... не сумел пройти мимо обожающей его девочки, пожалел бедняжку. Простим им. Твой Роэм еще найдет свое счастье.

— Даже не сомневаюсь, — сухо кивнула герцогиня и покосилась на потупившуюся Истель, — теперь-то он точно станет выбирать осмотрительнее, а не возьмет первое, что подвернулось под руку.

— Дальмира, ты... — возмущенно вскинулась свекровь номер один...

Дальше я уже не слушала. За день весь этот цирк успел изрядно надоесть.

После первого совместного ужина, на котором мне представили третью участницу Марлезонского балета — маркизу Истель Тонтен, я

сбежала в свою комнату в надежде отсидеться там до возвращения Саллера. Или до отъезда «уважаемых» гостей. В том, что они оказались не только незванными, но и неожиданными, сомневаться не приходилось, герцог никогда не пригласил бы в имение, где находилась хэленни, никого из посторонних. Даже близких родственников. Как Дальмира узнала, что сына нет в Эрменлейве, остается только догадываться — может, просто удачное стечение обстоятельств. Так или иначе, остановить мать господина и невестку его величества никто не посмел, и теперь мэссера дома подстерегал сюрприз.

Отсидеться не удалось. Наутро Дора доложила, что герцогиня, в отсутствие милорда взявшая на себя обязанности хозяйки, ждет меня к завтраку... К обеду и ужину тоже.

Вздыхнула, напомнила себе, что это ненадолго — заполошный кузен Трэя непременно скоро явится, — и отправилась на свидание к захватившему власть триумвирату.

Я морально готовилась к неприязни Дальмиры и ее сестрицы, но совершенно не ожидала той удушающей заботы, которую обрушила на меня Аниаш. Впрочем, прислушавшись, собрав воедино воспоминания Мири, сопоставила факты и быстро нашла причину. Если для племянника его величества герцога Саллера девица Астон была просто подходящей партией, то для Трэя женитьба на дочери главного королевского казначея оказалась невероятной удачей. Гольвен никогда бы не отдал руку Мири небогатому и не слишком родовитому Ольесу. Граф выиграл свой джекпот, а значит, и его родительница тоже.

Она наверняка уже мысленно примеряла самые модные наряды, покупала особняк в столице, собственный роскошный выезд, предвкушала, сколько перспективных связей и знакомств в высшем свете появится у нее благодаря новым родственникам. А то, что Мэарин нарушила родительскую волю и данное другому слово, не беда. Сестра поможет, племянник заступится, а маркиз Астон обязательно смирится, когда увидит внука... или внуков.

После завтрака я еле вырвалась из рук Аниаш, которая ни на минуту не хотела расстаться «со своей милой девочкой», но далеко сбежать не успела. Столкнулась в коридоре с Истель. Маркиза Тонтен напомнила мне о нашем знакомстве по школе леди Вивил — девушка окончила ее на год раньше, заверила в самых теплых чувствах и выразила надежду, что мы когда-нибудь станем сестрами, если милорд, разумеется, окажет ей честь и... Она не договорила, смутилась и очаровательно порозовела.

Я смотрела на правильные черты лица, чистую фарфоровую кожу,

колечки пушистых светлых кудряшек, вдыхала нежный запах фиалковой воды, и душу наполняла горечь. Герцогиня подобрала поистине великолепный «утешительный приз» для своего оскорбленного в лучших чувствах сына. Малышка скоро вытеснит из сердца и души брошенного жениха образ коварной изменницы. А там, глядишь, и до следующей помолвки недалеко.

Я очень хорошо понимала герцогиню. Всех понимала.

Дальмиру, которая поспешила привезти сыну очередную кандидатку в жены, чтобы утешить, вернуть уверенность и помочь избежать сплетен и пересудов. Обманутый мужчина, что ни говори, жалок. А вот если он вернется в столицу, обручившись с новой красавицей-невестой, ситуация предстанет в другом свете. То ли от него ушли, то ли он сам мечтал избавиться... Непонятно, но заставляет задуматься.

Я понимала Истель, которая мечтала стать герцогиней Саллер. Это была очень выгодная партия. А может, девушке в отличие от Мири нравилось не только положение мужчины, но и он сам.

Я понимала Аниаш, которая в своих грезах успела не только выстроить прекрасные воздушные замки, но въехать в них и основательно обжить.

А вот меня, к сожалению, не понимал никто.

Завтрак — совместная прогулка — обед — посещение Трэя — ужин — перерыв на сон, показавшийся таким коротким — снова общий завтрак. Когда же все это закончится?

— Мэарин?.. Да ты меня совсем не слушаешь, — снова пробился сквозь невеселые мысли требовательный зов. — Мэарин!

— Да, миледи. — Перевела взгляд на свекровь номер один.

— Ну зачем же так официально? Мы теперь одна семья. Называй меня маменькой. А Дальмиру...

— Тетенькой? — заинтересовалась свекровь номер два. Вскинула ровные дуги бровей и окинула меня таким взглядом, что я поняла — перед тем, как к ней так обратиться, стоит со всеми попрощаться и написать подробное завещание.

— Но, Дальма... — снова завела Аниаш, но тут дверь в столовую с шумом распахнулась.

Если бы мне еще несколько дней назад сказали, что я буду безумно рада возвращению герцога, ни за что не поверила бы.

— Доброе утро, дамы.

Саллер остановился, рассматривая нашу пеструю компанию. На несколько долгих мгновений его взгляд задержался на моем лице, словно

что-то выискивая, а потом двинулся дальше. Секунда... другая... Наконец мэссер отмер и, шагнув вперед, склонился над ладонью Дальмиры.

— Миледи, чем обязан удовольствию видеть вас в Эрменлейве?

Холодный голос мужчины смягчился, на губах мелькнул ответ улыбки.

— Здравствуй, Роэм. — Глаза женщины засияли, она ласково скользнула пальцами по рукаву темной куртки. Судя по всему, эти двое очень тепло относились друг к другу. — Разве матери нужен повод, чтобы приехать к сыну? В последнее время ты так редко посещаешь нас. Я соскучилась, — произнесла она с легкой укоризной, указала на место возле себя и жестом подозвала стоявшего неподалеку слугу. — Завтрак его светлости.

Но герцог не дал сбить себя с толку.

— Позже, — распорядился он не терпящим возражений тоном, сел и повернулся к Дальмире. — Я был в Фоарнде на прошлой неделе, — терпеливо напомнил, — сомневаюсь, что за это время вы успели так сильно «соскучиться». В любом случае, стоило лишь связаться, и я обязательно навел бы вас. Сегодня... Или завтра...

— Я подумала и решила совместить приятное с полезным, — невозмутимо призналась ее светлость. Аккуратно отщипнула от лежавшей на блюде грозди прозрачно-розовую виноградину, положила в рот и нежно улыбнулась собеседнику. — Сына повидать и помочь ему соблюсти необходимые правила приличия.

— На что вы намекаете, миледи? — Моментально насторожился Саллер.

— На сущую мелочь, — благодушно заверила свекровь номер два. — Уверена, ты и сам помнишь, что оставаться в имении наедине с замужней дамой недопустимо. Это позорит леди, пятнает ее честь и имя.

Саллер быстро посмотрел на меня, хмыкнул.

— Если вы имеете в виду графиню Ольес, то она гостит в Эрменлейве вместе со своим мужем, и...

— Супруг Мэарин так и не пришел в сознание, — прекратив играть на публику, неожиданно жестко парировала герцогиня. — Он не в состоянии сопровождать жену, присутствовать при ваших встречах, контролировать ситуацию... вообще что бы то ни было делать. До тех пор пока он не очнется, графиня не имеет права находиться в доме одинокого мужчины без сопровождения леди ее круга. Если, конечно, она не собирается нанести непоправимый вред своей репутации.

Интересно, о каком вреде для репутации идет речь? После

скандального побега и тайного замужества...

Дальмира будто услышала мои мысли.

— Еще больший вред, — уточнила она многозначительно. — Ты ведь не захочешь компрометировать жену кузена, Рэм? — Она покосилась на необычно молчаливую Аниаш. — В любом случае я не могу этого позволить. Тебе придется терпеть мое присутствие или нанять графине достойную ее положения компаньонку.

Вот это подстава...

Даже я, имея в запасе лишь разрозненные воспоминания Мири и сведения, что успела выудить из книг, понимала — герцогиня права. Искренне посочувствовала Саллеру. Смириться с тем, что родительница останется, или пустить в имение незнакомую «достойную» тетку, рискуя тайной хэленни... Выбор очевиден.

Губы герцога чуть заметно сжались, но лицо оставалось непроницаемым, и я невольно восхитилась его выдержкой.

— Всегда рад вам, миледи, — произнес он вкрадчиво, делая ударение на словах «вам» и «миледи».

Более чем прозрачный намек для других гостей.

Но тут наконец отмерла маменька Трэя.

— Неужели ты выгонишь родную тетю? — неприятно удивилась она, и в ее руках, как по мановению волшебной палочки, возник все тот же спасительный платок. — Будешь равнодушно наблюдать, как я скитаюсь у ворот Эрменлейва, оплакивая судьбу сына? О, Пипи, мой бедный Пипи, как он мучается, — пылко воскликнула мадам и закрыла лицо кружевным лоскутиком.

Дальмира досадливо поморщилась, а я отвернулась, пытаюсь скрыть неуместную сейчас улыбку.

— Позволь несчастной матери остаться у постели умирающего ребенка и поддержать по мере сил его молодую жену.

Вот меня как раз совсем не нужно поддерживать. Тем более так рьяно, как это делала новоявленная свекровь.

— Твой ужасный лекарь очень пренебрежительно относится к своим обязанностям, — воспользовавшись случаем, наябедничала Аниаш. — А Мэарин совсем не кормят, посмотри, какая она бледненькая.

Герцог оценивающе уставился на меня, лицо его приобрело задумчивое выражение.

— Конечно, по отношению к тебе мальчик поступил... не слишком хорошо, — продолжила окрыленная успехом женщина. — Но он твой кузен, прости ему. Тем более брак заключен в часовне Танбора, и ничего

изменить уже нельзя.

Вот это она зря добавила.

— Нельзя изменить? — Саллер прищурился. — Ну почему же? Я могу жениться на вдове Трэя... в крайнем случае.

— Роэм! — Два коротких возгласа слились в один. В своем возмущении сестры оказались единодушны.

— Ты не посмеешь... — Тревожный писк Аниаш.

— Ради Танбора, прекрати дразнить ее, Рэм. — Усталый выдох Дальмиры.

— Значит так, дамы... — Саллер стремительно поднялся, и все как по команде затихли. — Миледи, — вежливая улыбка матери, — буду счастлив, если вы решите ненадолго задержаться в Эрменлейве. Графиня, — взгляд в сторону мгновенно подобравшейся свекрови, — Дильфор — один из лучших врачей Намарры, так что ваш сын в надежных руках. Спокойно возвращайтесь домой. Обещаю немедленно сообщать о малейших изменениях в состоянии Трэя. Леди, — легкий поклон зардевшейся девушке, — прошу простить мое негостеприимство, но сейчас не самое лучшее время для визитов. Я выделю вам полагающееся статусу сопровождение.

— Боюсь, это невозможно, Рэм, — перебила сына Дальмира. — Истель моя воспитанница и по заключенному с ее отцом соглашению обязана жить в моем доме, а также везде и всегда сопровождать.

Подстава номер два.

А герцогиня хорошо подготовилась к встрече с сыном. И кажется, всерьез вознамерилась его женить. Живым, то есть непомолвленным, Саллеру из ее цепких рук не вырваться.

— Не подскажите, миледи, почему маркиз Тонтен так неожиданно отдал вам в воспитанницы свою единственную дочь?

В голосе мэссера звенел лед, но его матушка лишь небрежно повела плечами. Мол, откуда мне знать, какие мысли бродили в голове этого странного человека.

— Когда?

— Десять дней назад. Роэм, дорогой, я...

Договорить Дальмира не успела. Второй раз за утро дверь широко распахнулась, и в комнату ворвался взъерошенный Леом.

— Ваша светлость, — метнулся он к Саллеру, — там... там...

«Там» был Трэй. Мой муж все-таки очнулся, причем в самый подходящий момент, и теперь Дильфор через помощника уведомлял об этом герцога. Сам лекарь не рискнул даже на несколько минут отойти от

пациента.

Когда подмастерье, захлебываясь словами и от возбуждения пританцовывая на месте, выпалил потрясающую новость, первой отреагировала Аниаш. Подхватила и бросилась к дверям с таким видом, что, встань перед ней сам Танбор смела бы с пути. Впрочем, графине никто и не пытался помешать.

Саллер, ни слова не говоря, быстро двинулся следом, хотя настичь рвущуюся к цели мать оказалось нереально. Мы с герцогиней поспешили вдогонку. За нами, немного поколебавшись, последовала Истель. Вряд ли девушку так уж интересовало здоровье Ольеса, скорее всего, она просто не захотела оставаться в столовой одна.

В комнате графа собрались, кажется, все маги лекарского крыла. Дильфор сидел возле Трэя и сосредоточенно водил ладонями над его телом. За действиями мастера, не отрываясь, следил стоявший неподалеку Адальтей. Рядом со старшим помощником громко сопел Леом. Из-за его спины выглядывал второй подмастерье — Ирем, к которому жалась комкавшая на груди ткань платья Ниава.

— Пипи, родной! — Взволнованная Аниаш устремилась к постели сына.

Обогнула Ниаву, резко оттолкнула Леома. Адальтей сам благоразумно шарахнулся в сторону. Хорошо, что Дильфор успел закончить и уже поднимался.

В глазах свекрови блестели слезы, на щеках горел лихорадочный румянец, всегда безукоризненно уложенные волосы растрепались, но ей явно было все равно, как она выглядит и что скажут посторонние. Сейчас для этой женщины в целом мире существовал только ее ребенок.

— Счастье мое... — Она почти упала на кровать и склонилась над растерянно хлопающим ресницами сыном. — Ты вернулся... вернулся ко мне.

Трэй еще шире распахнул прекрасные ярко-голубые глаза, хорошо знакомые мне по воспоминаниям Мири, с ужасом вжался в подушки, даже попытался отползти, и выдавил срывающимся, сиплым после долгого молчания голосом:

— Кто... вы?..

На лице Аниаш отразилось непонимание, сменившееся удивлением, а затем настоящим ужасом. Она ахнула, прижала к губам ладонь и беспомощно оглянулась на сестру, у которой привыкла искать поддержку. А Ольес, не обращая больше на мать никакого внимания, чуть наклонился в сторону, чтобы видеть всех присутствующих, и недоуменно спросил:

— Где... моя... жена?..

Его взгляд обеспокоенно перебегал с одного ошарашенного лица на другое, пока не остановился на мне. Только тогда мужчина заметно расслабился и, облегченно улыбнувшись, позвал:

— Мири...

Его рука дрогнула, потянулась в мою сторону, но тут же бессильно упала на одеяло.

Подмастерья попятились и расступились, пропуская меня вперед, а я все медлила. На краю постели застыла полумертвая от шока Аниаш — не хотелось беспокоить несчастную мать, тем более просить ее подняться.

— Мири?.. — повторил «муж» уже более тревожно. Высокий лоб прорезала хмурая складка.

— Ступай к нему, девочка. — Неожиданно перейдя на «ты», легонько подтолкнула меня в спину Дальмира и сама первая шагнула к кровати.

— Ани... иди ко мне, сестренка, — мягко потянула она за руку впавшую в протрацию родственницу.

Та словно только этого и ждала. Встрепенулась, вскочила на ноги, прильнула к герцогине и залилась слезами.

— Бедная моя, бедная... все уладится... обязательно... — Старшая сестра нежно обняла младшую и, нашептывая ей на ухо что-то утешительное, увела к креслу в углу, а я заняла освободившееся место.

«Муж», как и в первую нашу встречу, тут же сцапал мою руку, удовлетворенно вздохнул, опустил веки и, судя по всему, опять собрался отключиться.

— Ваше сиятельство, ни в коем случае не давайте ему лишиться чувств, — настойчиво вмешался Дильфор и начал выделять какие-то замысловатые пассы над головой Ольеса. — Держите... во что бы то ни стало держите. Мне осталось совсем немного, но все это время ваш супруг не должен терять сознания.

Легко сказать — «держите»... А как?

— Трэй, — позвала негромко. — Ты меня слышишь, Трэй?

Он ничего не ответил. Но губы чуть заметно дрогнули, а прохладные пальцы слегка сжали запястье. Уже что-то...

— Не уходи, — попросила торопливо. — Мне без тебя, знаешь, как плохо?..

Я бормотала первое, что приходило на ум. Лишь бы не молчать, не останавливаться — пока ладонь, удерживающая руку, еще подрагивает, Ольес здесь, со мной. Говорила, а перед глазами стоял Петька. И слова мои предназначались не этому иномирному красавцу, а брату, который был мне

отчаянно нужен, но находился сейчас где-то очень-очень далеко.

— Целыми днями одна да одна, даже побеседовать не с кем... Поделиться... рассказать, что на душе накопело... книги обсудить...

— Книги?.. — Граф все-таки приоткрыл ресницы, и я перевела дыхание. — Помню... ты читала...

— И обязательно еще почитаю. — Осторожно погладила его по плечу. — Я ждала тебя... Не исчезай больше, ладно?

— Не исчезну, — пообещал он очень серьезно.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, а потом рассмеялись. Я радостно, сбрасывая накопившееся напряжение, а он — коротко и почти беззвучно, чтобы тут же закашляться.

Обернулась к Аниаш — надеюсь, хоть это свекровь немного приободрит — и увидела Саллера.

Герцог стоял у окна чуть поодаль от остальных. Прямая спина, каменное, ничего не выражающее лицо, спокойный взгляд и бездна... Бесконечная бездна — яростная, голодная, что на краткий миг распахнулась передо мной в глубине его темных глаз.

* * *

— «...Все изменилось с появлением величайшего из людей, Ильмиара, который получил от Танбора бесценный дар — искру магии. Уговорами и силой правитель Намарры собрал все королевства Риоса под своей рукой и постепенно начал теснить врага...»

Я перевернула страницу и, подняв голову, посмотрела на Трэя. На маленькой поляне возле увитой плющом беседки, где мы расположились, царила сонная тишина. Зелень деревьев, умиротворяющее стрекотание кузнечиков, пестрые бабочки над клумбой диких лиловых цветов. Красота...

— Мири, — Ольес нетерпеливо наклонился вперед, — ну же, читай!

После того как граф окончательно пришел в себя, выяснилось, что радоваться рано. Тяжелое ранение, травма головы, нарушение каких-то там энергетических потоков, долгая магическая кома — все это привело к тому, что его сиятельство почти полностью потерял память.

«Почти», потому что меня он все-таки узнал и даже поведал некоторые подробности наших свиданий, побега, венчания. А вот сообщить, что случилось после того, как на карету напали наемники, и тем самым помочь герцогу в расследовании, так и не смог. Мэссер даже не стал пока

рассказывать Трэю, какая неожиданная радость в моем лице ему привалила. Бедняга до сих пор пребывал в счастливом неведении, что его жена хэленни.

Кстати, самого Саллера он с трудом, но все-таки припомнил, а вот мать... Мда... Аниаш рвалась к сыну, она была уверена — немного усилий, и Пипи ее тоже непременно узнает. Но после нескольких безрезультатных встреч Дильфор объявил, что больному тесное родственное общение только вредит, ему становится хуже, и попросил пока не давить и не настаивать.

— У милорда остались сейчас самые яркие, важные для него воспоминания, и все они связаны с супругой. Здоровье придет в норму, магический баланс восстановится, и все вернется, — утешал он обессиленную от слез свекровь. — Надо лишь чуть-чуть подождать.

Вот так и получилось, что большую часть времени мы с Трэем проводили вдвоем. Ночью у его постели по-прежнему дежурила Ниава, днем по несколько раз навещали мастер и его помощники, а дальше мы были предоставлены сами себе. Гуляли — правда, недолго, «муж» быстро уставал и выбивался из сил, сидели в парковых беседках и очень много читали.

Не знаю, как Ольес вел себя раньше, но у меня сложилось впечатление, что возлюбленный Мэарин никогда особо не стремился к знаниям, да и книги совсем не жаловал, предпочитая им более приятные и необременительные развлечения. А сейчас... Он поглощал том за томом, упорно стараясь таким образом восстановить пробелы в памяти. К сожалению, и тут ему требовалась помощь — читать самостоятельно он тоже разучился.

— Мири, — настойчиво напомнил о себе граф, — пожалуйста, дальше.

Улыбнулась его жадному интересу, согласно кивнула. Дальше, так дальше.

— «Оставалась последняя решающая битва. К северу от Бесплодных Земель, в ущелье Черного Пламени войска союзных королевств под командованием Ильмиара Великого встретились с полчищами нелюдей. Три раза поднялось и закатилось светило, прежде чем сражение закончилось. Несмотря на ужасные потери, армия людей одержала победу, и владычеству темных колдунов пришел конец. И хотя нелюди все еще таились в самых дальних глухих уголках мира, они перестали угрожать будущему человечества...»

Из-за поворота аллеи донеслись неясные голоса, и я, оторвавшись от

книги, невольно прислушалась. Различив до боли знакомый глубокий, слегка хрипловатый баритон и вторящий ему кокетливый девичий смех, вздрогнула и опустила ресницы. Только этого мне сейчас не хватало. Пожалуйста... ну, пожалуйста, пусть они свернут на соседнюю дорожку. Но моим молитвам никто не внял.

Оживленные голоса звучали все громче, ближе, и наконец раздалось неизбежное:

— Граф, графиня, какая нечаянная встреча.

Угу... просто вот совершенно неожиданная и непредвиденная. Более того, абсолютно непредсказуемая. И милорд, разумеется, даже не догадывался, что это любимая беседка Ольеса и мы проводим здесь большую часть времени.

Стиснула зубы, досчитала до пяти — до трех показалось мало — и медленно открыла глаза.

— Доброе утро, ваша светлость, — произнесла спокойно. Скользнула взглядом по ладони Истель, лежащей на сгибе локтя Саллера и, чуть склонив голову, поприветствовала: — Здравствуйте, маркиза.

— Лорд Ольес, леди, — нежно пропела девушка, — сегодня чудесная погода, не правда ли? Как хорошо, что у его светлости нашлось время пригласить меня на прогулку...

Два дня отсутствовал, только приехал, даже к кузену не зашел, а ее уже успел пригласить. Ну-ну...

— Я так рада, — продолжало щебетать небесное создание. — Просто преступление в такой день сидеть взаперти...

Так и не сидела бы. Бери служанку, если герцогиня выходить не хочет, и вперед. Кто мешает?

Тем временем Истель, посчитав, что правила вежливости соблюдены и больше можно не расшаркиваться, осторожно потянула своего спутника за руку, предлагая идти дальше. Саллер накрыл ее кисть своей, слегка сжал, удерживая на месте, и улыбнулся — мягко, доброжелательно. Так, как, черт возьми, никогда не улыбался мне.

Да... порвать на ленточки... На аккуратные, очень длинные ленточки. Обоих...

Подушечки пальцев закололо от предвкушения, и я, испугавшись собственных эмоций, крепче вцепилась в книгу.

После «пробуждения» Ольеса поведение мэссера разительно изменилось. Он больше не набрасывался с обвинениями, не прожигал странными взглядами, не требовал объяснений — он меня вообще перестал замечать. Подчеркнуто официально здоровался при редких встречах,

одаривал мимолетным взглядом и быстро уходил. Даже графа старался навещать в мое отсутствие. Иногда казалось, что меня намеренно и очень упорно избегают.

Зато к юной маркизе, которая продолжала вместе с герцогиней и ее сестрой гостить в имении, он проявлял просто-таки повышенное внимание. Истель частенько, победно сверкая глазами, делилась тем, как они с милордом гуляли... посетили... любовались... А еще он — вы только представьте! — обещал показать...

Они с Дальмирой выразительно переглядывались. Я злилась. И только Аниаш, погруженная в размышления о Трэе, никак не реагировала на этот восторженный лепет. Ее не интересовали разговоры, которые не крутились вокруг ее драгоценного Пипи. Зато о сыне она готова была болтать бесконечно. Вспоминать, поучать, делиться опытом. И — кто бы сомневался — ее любимым собеседником неизменно оказывалась именно я.

— Мири, запомни, мой Пипи... ой, прости, дорогая... наш Пипи... привык на ночь пить теплое молочко... Да-да... я всегда лично спускалась на кухню за стаканом молока и медовым пряником...

— Наш Пипи так похудел... так похудел... а ты до сих пор не заказала устриц. Что за безответственность?..

— Рэм сказал, что вам скоро выделяют общие покои. Это правда? Я рада, что наш Пипи выздоравливает. Мэарин, имей в виду, он так сладко спит всегда, так крепко, не забывай время от времени расправлять простынку. А то мальчику будет неудобно...

Надеюсь, она не явится проверять, а то получится как в старом анекдоте: «Мама, перестаньте приходить каждую ночь и укрывать меня одеялом. Вы раскрываете мою жену».

Об отъезде дамы не заговаривали, хотя «муж» уже встал на ноги и надобность в компаньонке отпала. Видимо, герцог передумал их отсылать, вовсю наслаждаясь обществом новой кандидатки в невесты. Рассмотрел и, так сказать, проницая.

Саллер мазнул по мне ничего не значащим взглядом и тут же сосредоточился на кузене.

— Как себя чувствуешь? — Он повернулся к Ольесу.

А я разозлилась.

Хватит думать о мужчине, который все равно никогда не будет моим. Его прельщает эта сладкоголосая овечка? Совет да любовь — плодитесь и размножайтесь во славу Намарры. Моя задача — поскорее выпутаться из всей этой истории и вернуться домой, к Петьке. А для начала, пожалуй,

стоит убедить графа и его старшего брата, что нам совершенно необходимо навестить Древнюю обитель. И как можно скорее.

— Так как ты, Трэй? — продолжал настойчиво допытываться мэссер.

— Лучше... уже лучше, — с запинкой откликнулся мой сосед и, поколебавшись, неуверенно добавил: — Рэм...

Ольес вообще как-то странно реагировал на герцога. Те несколько раз, когда я видела их вместе, мне показалось, что граф очень неудобно чувствует себя в присутствии родственника. Насколько расслабленно и спокойно он держался со мной, настолько напряженно и собранно — при Саллере. Замыкался, говорил коротко и неохотно, старался отойти подальше, поскорее закончить беседу и распрощаться, словно неосознанно стремился быстрее сбежать. Создавалось впечатление, что ему неловко находиться в обществе кузена, которого почти не помнил, но у которого, тем не менее, совсем недавно увел невесту, а теперь вынужден гостить, благодаря за спасение.

Трэй можно понять. Очнулся — вокруг не разберешь, что творится, толпятся незнакомые или смутно знакомые личности, и, плюс ко всему, выясняется, что тебя планировали убить. В такой ситуации от собственной тени начнешь шарахаться, не то что от людей. Мири бедняга помнил лучше остальных — то ли потому, что действительно сильно любил, то ли оттого, что последние недели именно я проводила с ним больше всего времени, вот он и сторонился сейчас всех, кроме меня.

— Хорошо. — Герцог кивнул, принимая ответ Ольеса. — Дильфор сказал, что ты идешь на поправку, и полное выздоровление — дело нескольких недель...

В воздухе повисла тяжелая пауза.

Она все длилась и длилась, и я забеспокоилась. Какой еще сюрприз готовит наш любезный хозяин? Что бы это ни было, сомневаюсь, что мне понравится. Судя по тому, как нервно заерзал в кресле «супруг», он полностью разделял эти опасения.

Истель, которая сначала стояла, кротко потупившись, принялась нетерпеливо коситься на дорожку и даже несколько раз тихо, но очень выразительно вздохнула. Но Саллер не замечал ее намеков. Отрешенно смотрел поверх наших голов и молчал, явно принимая решение.

— Нам нужно поговорить, — наконец обронил он бесстрастно, по-прежнему глядя куда-то в пустоту. — Сейчас.

— Но, ваша светлость, — все-таки не выдержала маркиза Тонтен, — а как же наша прогулка? Мы хотели сходить к озеру. И... и вы обещали показать водопады, — протянула она обиженно и чуть капризно, вмиг

растеряв показное смирение.

— Что?..

Герцог недоуменно вскинул брови и уставился на свою юную спутницу с таким видом, точно совершенно забыл о ее существовании. Впрочем, через мгновение взгляд его смягчился, и он поднес к губам тонкие пальчики, касаясь их быстрым, извиняющимся поцелуем.

— Если обещал, обязательно покажу. Но не сегодня. Как ни приятно мне ваше общество, миледи, но неотложные дела... Сами понимаете... Прошу простить.

Он легко улыбнулся, и девушка вмиг растаяла.

— Да-да, конечно, — пробормотала она, зардевшись.

— Трэй, я провожу маркизу и через полчаса жду тебя в своем кабинете, — закончил Саллер уже совсем другим, деловым тоном.

Граф порывисто обернулся ко мне, ища поддержки, и мэссер, поморщившись, поставил точку в своем приглашении.

— С супругой.

Глава 8

В кабинет герцога я входила не без опаски, слишком много волнений и неприятных эмоций оказалось с ним связано. Впрочем, с пробуждением Трэя внезапные яростные порывы Саллера, судя по всему, остались в прошлом. Сейчас супруги Ольес и их проблемы были для племянника короля всего лишь «неотложными делами», и не самыми приятными. Удовольствия его ждут позже — на озере и у водопадов.

— Войдите, — короткое распоряжение прозвучало раньше, чем сопровождающий успел открыть двери, чтобы доложить о приходе гостей, и мы с Ольесом дружно шагнули к письменному столу, у которого, заложив руки за спину, стоял хозяин.

Взгляд Саллера прошелся по лицу кузена, моему... опустился ниже... Несколько секунд он с каменным выражением «любовался» нашими сомкнутыми ладонями, потом, дернув уголок губ, открыл верхний ящик и достал оттуда знакомый ярко-красный кристалл.

— Трэй, — позвал он требовательно.

Граф вздрогнул, но не сдвинулся с места, колеблясь, не желая отпускать меня.

— Помнишь, что такое «Руот-тан»? — спросила тихо.

Ольес отрицательно качнул головой.

— Магическая клятва о неразглашении, — пояснила также вполголоса. — Его светлость собирается сообщить... кое-что важное, поэтому тебе придется пройти ритуал, обязывающий хранить в тайне государственные секреты. — Трэй судорожно сглотнул, и я быстро погладила его пальцы. — Немного больно, неприятно, но, в принципе, ничего страшного. Я уже через это прошла. Идем, подскажу, что говорить.

Ладонь Ольеса, накрывшая руку кузена...

Резкое пожатие, и судорога боли, на миг исказившая лицо «мужа»...

Слова клятвы, которые граф бормотал, неуверенно вторя моему шепоту...

И, наконец, энергичное «Подтверждаю» от герцога.

Когда все закончилось и Трэй перестал с изумлением изучать свою неповрежденную конечность, Саллер указал нам на кресла. Дождлся, пока мы разместимся в двух соседних, сам устроился напротив и начал рассказывать, полностью сосредоточившись на графе и старательно обходя меня даже случайным взглядом.

По мере озвучивания известных мне фактов лицо несчастного Ольеса все больше бледнело и вытягивалось, а проступившее на нем удивление постепенно сменилось ужасом. Думаю, он чувствовал себя хуже, чем я во время первого разговора с мэссером.

Да, меня занесло далеко от дома, но вместе с телом достались воспоминания его прежней хозяйки, и я могла хоть немного ориентироваться в ситуации. Трэй же очнулся в имении брата, среди родных и близких, но при этом совершенно незнакомых людей. Я потеряла свой мир, он утратил память... В какой-то степени оба мы оказались здесь чужими. Наверное, именно это и помогло нам так быстро и неожиданно сблизиться. Мы нуждались друг в друге.

Герцог замолчал, резко поднялся, подошел к окну и замер там, отвернувшись от нас. Идеально прямая спина, гордо расправленные плечи — как всегда уверенный в себе и в своих действиях.

— Дильфор считает, что тебе незачем больше находиться в лекарском крыле, Трэй. Достаточно следовать его назначениям и принимать необходимые снадобья. Мастер и его помощники будут навещать тебя несколько раз в день. — Голос Саллера, до этого звучавший ровно, неожиданно охрип. — К вечеру вам подготовят покои. Сегодня я разговаривал с его величеством. Чем быстрее вы консуммируете брак, тем лучше.

Я многое бы отдала, чтобы заглянуть сейчас в глаза герцога. Увы, он стоял спиной. Зато я очень хорошо видела лицо Трэя, на котором совершенно явственно проступила паника.

В принципе, я отреагировала так же. Тревога, смятение, даже ужас — среди моих эмоций не наблюдалось ни одной положительной. Но это я — попаданка, которую совершенно неожиданно пинком выкинули в это болото, предоставив разбираться и выгребать самостоятельно. Или утонуть, если силы закончатся либо не хватит смелости выплыть. А вот почему граф так перепугался — вопрос, и очень важный. Найду ответ — смогу играть на этом и тянуть время. Ничего консуммировать с этим золотоволосым страдальцем я категорически не собиралась.

Да, я симпатизировала Ольесу, и с каждым днем все больше. Открытый, искренний, порывистый — он чем-то напоминал мне потерянного брата и невольно заменил его. Думаю, они с Петькой понравились бы друг другу. О Трэе хотелось заботиться, опекать его, но при мысли, что придется лечь с ним в постель, накатывала тошнота.

Странное чувство, если задуматься. Мой новоявленный «муж» был молод, потрясающе красив, покладист, легок в общении и вообще очень

мил. Просто ожившая девичья мечта. Не то что Саллер, для которого существовало единственно правильное мнение — его собственное, причем без вариантов. С графом я сумела бы договориться, как-то притереться, на худой конец попытаться наладить семейную жизнь, если не удастся вернуться в свой мир или сбежать из этого дома. Я все это великолепно понимала, но... вопреки логике, здравому смыслу и объективной оценке его внешности не испытывала к Ольесу ни малейшего влечения. Не желала я его, и все тут.

То ли дело герцог. Хотя... В данное время его мрачная светлость мне тоже как-то резко разонравилась. Не нужен мне ни он, ни его во всех отношениях симпатичный кузен, пусть разбираются между собой и сами друг с другом все консуммируют. Я не против. А мне не терпится оказаться отсюда как можно дальше. Если не на Земле, то хотя бы в другой стране.

Интересно, если вывалиться из окна и сломать ногу... или руку... а лучше и ногу, и руку сразу, меня ведь освободят от сексуальной повинности? Временно, пока не вылечат? А там на лестнице оступиться можно... Съесть что-то несвежее... Хотя нет, отравление не подойдет, моей искры хватит, чтобы быстро себя исцелить. А вот лестница — это вариант.

Вообразила, как я, вся в бинтах, постоянно откуда-то падаю, обо что-то бьюсь, и грустно усмехнулась. Перехватила недоуменный взгляд Трэя, послала ему нервную улыбку и неожиданно получила в ответ такую же. Нет, «супруг» точно чего-то опасается. Только вот чего? Почему паникует мужчина, которому объявили, что пора переспать с юной, красивой, желанной женщиной, собственной, между прочим, женой?..

От внезапно возникшего предположения перехватило дыхание. Неужели у бедолаги ко всем его проблемам добавились и чисто мужские? После тяжелого ранения это очень даже возможно. Мы ведь давно уже общаемся — сидим рядом, касаемся друг друга, я даже обнимала его несколько раз, и если Ольес при этом не ощутил никакого возбуждения, готовности, так сказать, консуммировать... Мама дорогая... Представляю, как ему обидно, стыдно, тяжело признаться. И смех и грех, конечно, и от всей души жаль парня, если это так, но... для меня, пожалуй, выгодно.

— Кхм...

Легкое покашливание вернуло меня назад, в реальность, в комнату, где мы втроем сейчас находились. Вдруг осознала, что мы с Ольесом, застыв, обмениваемся глупыми улыбками, а Саллер с мрачным видом любуется всем этим безобразием. И когда только успел повернуться?

— Какие-то проблемы?

Судя по тому, как тускло, почти безжизненно звучал голос мэссера,

проблемы имелись не только у нас, но и у гостеприимного хозяина Эрменлейва.

— Да, — вырвалось у меня.

— Нет, — в ту же секунду выдал Ольес.

Ишь какой уверенный! Есть у тебя проблемы, дорогой «супруг», есть, и немалые. О некоторых из них ты еще даже не догадываешься.

— Слушаю вас, миледи, — с холодной учтивостью процедил герцог.

Надо же, сегодня это первый раз, когда он обратился непосредственно ко мне. И даже посмотреть соизволил.

На одно короткое мгновение наши взгляды встретились, и мир вокруг словно исчез, бесшумно растворился, унося с собой все свои сложности, заморочки и неразгаданные тайны. Впрочем, уже через мгновение мэссер отвел глаза и с внезапно проснувшимся интересом стал изучать... мою сережку.

— М-м-м... скажите, как продвигается расследование? — выпалила первое, что пришло в голову. — Удалось узнать хоть что-нибудь о Могире или об этой его девице?

Я не сомневалась, Саллер откажется отвечать или отговорится несколькими ничего не значащими фразами. Но, как ни странно, оказалась не права. Нас, пусть коротко, но все-таки ввели в курс дела. Правда, радости это не принесло.

Наемников, нанятых похитителем, вычислили, но они были уже мертвы, когда их нашли. Под подозрение попала парочка не внушающих доверия Могиров — за ними внимательно следили, но те пока вели себя примерно и ничем предосудительным не занимались. Так жаждавшая моей смерти магичка как сквозь землю провалилась.

— А портал? — неожиданно подал голос Трэй. — Есть какие-нибудь следы?

Но запас откровений Саллера на этом, к сожалению, иссяк.

— Ищем, — буркнул он, нахмурившись, и добавил, меняя тему: — Еще вопросы?

— Нет, — вздохнула я.

— Да, — будто решившись на что-то, отчеканил Трэй.

Ну вот, теперь мы с ним поменялись ролями.

— Мы можем поговорить наедине, Рэм? — настойчиво продолжил граф.

— Разумеется. — Если герцог и был удивлен, то внешне это никак не проявилось. Все тот же спокойный ровный тон. — Надеюсь, вы простите нас, миледи? — обратился он к... моей сережке.

Простим — и я, и ваша бриллиантовая дама тоже. Куда мы денемся?

— Вас проводят...

Герцог потянулся к переговорной пластине.

— Спасибо, не стоит беспокоиться, я прекрасно дойду сама.

Игнорируя недоумение хозяина, резво вскочила на ноги, быстро преодолела расстояние до выхода, скользнула в коридор и закрыла за собой тяжелую дверь. Неплотно, оставив крохотную, практически незаметную щелочку. Надеюсь, воспитание не позволит герцогу заподозрить, что аристократка, маркиза и просто хорошо воспитанная светская барышня сделала это специально и сейчас банально, как самая последняя простолюдинка, собирается подслушивать?

Выждала немного, воровато огляделась и, убедившись, что в коридоре по-прежнему пусто, приложила ухо к щели. Лишь бы никому не пришло в голову внезапно выйти. Некрасиво получится. И больно.

Уверенные шаги... приглушенный звон бокалов... звук откупориваемой бутылки, плеск жидкости и... молчание. Снова бульканье, и опять тишина...

Они что там, собрались тупо напиться? Нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Одно слово — мужчины, женщины уж точно бы сейчас, захлебываясь эмоциями и перебивая друг друга, стремительно подходили к пику выяснения отношений.

Очередное звяканье стекла.

— Итак, кузен... — Ну слава богу! Наконец-то решили перейти от выпивки к делу. — О чем же ты хотел сообщить? Или спросить?

Голос Саллера звучал устало и глухо, точно с моим уходом у герцога отпала необходимость изображать стойкого оловянного солдата, и он позволил себе расслабиться.

Томительная пауза...

— Я... — с заметным трудом выдавил Ольес, — я... не... — И опять замолк.

Да что же он так мямлит?

— Понимаю... — неожиданно мягко и как-то сочувственно произнес мэссер, словно догадавшись, о чем пытался сказать собеседник. — Ты только что очнулся после долгой болезни и, наверное, не совсем готов к... более тесному общению с женой.

Он остановился, ожидая ответа.

— И это тоже, — подтвердил данный мне Танбором «муж». Поспешно и подозрительно радостно. Хотя чему тут радоваться, хоть убейте, не соображу. — Мэарин... она замечательная. Самая лучшая, красивая,

добрая, неж...

— В общем, подарок судьбы, — бесцеремонно пресек его откровения Саллер. — Сокровище, мимо которого просто невозможно пройти. И я глупец, что не оценил... не разглядел этого. Так?

В тоне мэссера звучала плохо скрытая ирония со странным оттенком горечи.

— Да... Нет... Я не об этом. — Граф на миг растерялся, но тут же взял себя в руки. — Мири чудесная, я счастлив, что у меня такая жена, не представляю, что бы без нее делал, но... Столько всего произошло и... даже не знаю, как сказать... В общем, ты прав, я действительно не готов... пока. Время... Мне нужно время.

Последнее предложение вырвалось будто против воли Ольеса и было наполнено невероятной щемящей тоской.

— Трэй, я не настаиваю на сегодняшней ночи, но...

— Не дави на меня, — горячо перебил «супруг», — да и на нее тоже, дай нам хоть видимость нормальной семейной жизни. Ложиться в постель для того, чтобы поскорее зачать наследника во славу Намарры и короля... Это, конечно, великая цель, не спорю, но, знаешь, совсем не способствует ни любви, ни страсти.

— Значит, придется обойтись без них, — сухо парировал герцог.

— Придется, обязаны, должны... Такое впечатление, что мы рабы, а ты наш надсмотрщик. Следишь, контролируешь... Может, и ночью придешь проверить? — сердито огрызнулся Ольес и получил в ответ язвительный смех без малейшего намека на веселье.

— А вы с графиней действительно идеально подходите друг другу. Даже мысли сходятся. Ты предложил прийти проверить, она — свечку подержать. Скажу то же, что и ей. — Пауза, почти бесшумные шаги и полные ярости слова: — И проверю, и подержу, и помогу, если не справишься. И совет дам такой же. Взрослей, Трэй. Птарх тебя побери, если хочешь выжить и сохранить брак, — взрослей. И прими ответственность за собственные поступки и за ту, с которой ты так беспечно и бездумно поспешил связать себя нерасторжимыми узами. Я не смогу вечно стоять между тобой и желанием короля завладеть новой хэленни.

— Не понимаю...

— Не понимаешь?.. — Саллер пренебрежительно хмыкнул. — Ладно... Я не стал говорить при Мэарин, но ты имеешь право знать. Если в ближайшее время графиня не забеременеет, ты умрешь, а Мири отдадут другому. Тому, кого выберет его величество. Это первый вариант.

— А... гхм... второй есть?

— Как не быть, — только глухой не услышал бы в голосе Саллера издевки, — государь милостиво оставляет тебе жизнь, а я становлюсь отцом ваших детей и воспитываю их, как своих племянников. И мы живем долго и счастливо большой дружной семьей. Этот выход больше устраивает?

Что? Я похолодела от ужаса. Сердце болезненно заныло, а по спине пробежала противная дрожь.

— Что?! — Послышался грохот падающего кресла. Судя по всему, Ольес не выдержал и вскочил с места. — Ты не посмеешь с ней так поступить... не заставишь... Я не позволю. Никогда! Слышишь?

— Защищаеш-ш-шь? — бешено прошипел мэссер. — Это хорошо. Кулаки-то разожми. Не тебе со мной тягаться, мальчишка, тем более сейчас, когда твоя магия еще толком не восстановилась. Я вам не враг и все еще помню, что ты мой брат, иначе давно бы отнял у тебя эту женщину.

— Для короля? — вскинулся Трэй.

— Для себя... дурак.

Для себя... Я горько усмехнулась. Герцога не интересует Мири, а уж Маруся и подавно — ему нужна хэленни. Все его внезапно проснувшееся влечение ко мне на этом начинается и заканчивается. Да только мне подобного счастья и даром не нужно. Знать, что мужчина живет с тобой лишь потому, что у тебя кровь какая-то особая, — никому не пожелаю, а уж себе тем более.

— Пожалуй, даже неплохо, что ты потерял память, — продолжал между тем Саллер. — Тот Ольес, с которым я был знаком раньше, — легкомысленный, безответственный юнец, если эти качества к тебе не вернуться, жалеть не стану. А если пожелаешь измениться — помогу. Мне доложили, ты теперь много читаешь. Это так не похоже на прежнего Трэя, и, знаешь, я рад. Пытаешься понять, что произошло? Удалось что-то вспомнить?

— Пока нет, — неохотно протянул граф, — но если бы мы могли съездить в Древнюю обитель...

— В обитель? — удивленно переспросил герцог. — Зачем? Жрецы никогда не вмешиваются в дела людей и, хотя их возможности велики, вряд ли вернут тебе память.

— Моя жена хэленни, — напомнил Ольес, — наш брак благословил сам Танбор. Вдруг на этот раз его служители согласятся помочь?

Я затаила дыхание. Наши с «мужем» желания полностью совпадали, вот только что ответит герцог?

— Если удастся обеспечить вашу безопасность... — начал Саллер, и я плотнее прижалась к двери, целиком и полностью превратившись в слух.

— Простите... — раздалось за спиной в самый ответственный момент. От неожиданности я дернулась, больно ударилась о косяк, выругалась про себя и быстро обернулась.

Талек... Ну вот зачем так подкрадываться?

— Миледи не может найти свою комнату? — невозмутимо спросил личный камердинер его светлости.

Угу... И именно поэтому миледи заглядывает в замочные скважины. Вдруг там окажется именно ее комната.

— Позвольте проводить, ваше сиятельство?

Выпрямилась, расправила плечи, надменно кивнула и величаво поплыла вперед.

Не дали дослушать — это минус.

Узнала кое-что новое — это плюс.

У Трэя, судя по всему, чисто мужские трудности, связанные со стрессом или ранением, и он не хочет никакой консуммации, по крайней мере пока. В этом наши цели сходятся, чему я, безусловно, рада — не нужно в ближайшие дни ломать руки-ноги и прочие части тела.

Проблему решать все равно придется, иначе через некоторое время не оприходованный инкубатор передадут другому. Саллеру или одному из принцев — неважно, одинаково мерзко.

Трэй после болезни изменился, стал серьезнее и тоже отчаянно ищет выход из создавшейся ситуации.

А самое главное — Саллер, кажется, почти согласился отвезти нас в Древнюю обитель.

Так... и что вся эта информация дает?..

— Ваше сиятельство... — остановил меня негромкий почтительный окрик.

Камердинер герцога замер у арки, ведущей в широкий светлый коридор. Заметив, что я наконец-то обратила на него внимание, поклонился и приглашающе повел рукой.

— Пожалуйста сюда...

Никогда не ходила этой дорогой. Насколько помню, моя комната расположена в противоположном крыле дома и точно на другом этаже. Здесь же находятся апартаменты хозяина Эрменлейва. Недоуменно огляделась.

— Талек, куда мы идем?

— По распоряжению его светлости графу Ольесу и сопровождающей

его супруге выделены общие покои. — «Сопровождающей его супруге» — сильно сказано. Прямо ощутила себя членом правительственной делегации. — Ваша камеристка уже перенесла вещи. — Мужчина снова поклонился. — Прошу, миледи.

Быстро, однако, они подсустились.

«Общие покои» состояли из гостиной, спальни, ванной комнаты с огромным бассейном и двух светлых просторных гардеробных, в которые можно было попасть из спальни и из ванной. Не знаю, как у Трэя, а в моей помимо шкафов, полочек, ящичков, манекенов для платья и нескольких зеркал от пола до потолка обнаружилась пара удобных кресел, резной овальный столик и изящный трельяж у высокого окна, полуприкрытого плотными кремовыми портьерами. Чем не будуар?

Талек удалился, осчастливив меня очередным — на сей раз прощальным — поклоном. Дора хлопотала в гардеробной, раскладывая, расставляя, развешивая. А я еще раз обошла свое новое жилище. Полюбовалась на бассейн с маленьким водопадом в углу. Восхитилась вызолоченным орнаментом потолка и причудливым рисунком глянцевого паркета гостиной. Постояла у незажженного пока камина, разглядывая его малахитовую отделку, перешла в спальню и застыла перед кроватью.

Роскошное — даже не двух-, а как минимум пятиместное — супружеское ложе смущало меня больше всего. В первую очередь своими размерами, явно намекавшими, что о сне его создатели думали в последнюю очередь, а еще тем, что спальное место здесь было только одно. Удобные, но явно не раскладные кресла и неширокий диванчик не в счет. Мда... О предстоящей ночи вспоминать совершенно не хотелось...

— Миледи, — камеристка жизнерадостной серенькой птичкой впорхнула в комнату, — вас не устраивает постельное белье? Предпочитаете фотейский шелк мерерскому? Только прикажите, немедленно поменяю.

— Что?.. — Проследила за взглядом девушки и поняла, что она неправильно истолковала мой интерес. — Нет-нет, не надо.

Шелк, хлопок, бамбук... Какая разница, на каких простынях отказывать мужчине? Жаль, что служанка с такой же легкостью не может заменить эту монстроподобную кровать на две узкие односпальные модели типа «враг не пройдет», то есть не поместится. А наволочки с пододеяльниками — последнее, что меня в данной ситуации заботит.

— Тогда, — Дора переступила с ноги на ногу, — осмелюсь напомнить, что вы приглашены к обеду.

Да, теперь, когда Трэй выздоровел, избежать совместных трапез с

семейством Саллер и гостями не удастся. А жаль...

— Мой супруг еще не вернулся.

— Гаст, временный камердинер лорда Ольеса, передал, что хозяин спустится вместе с его светлостью.

Кто б сомневался. Они там пьют, а я здесь места себе не нахожу.

Общаться с дамами наедине не хотелось, но, слава богу, с хозяином имения и его кузеном мы столкнулись уже в дверях столовой. Трэй, от которого пахло хорошим вином и почему-то морем, тут же подхватил меня под руку и, ни слова не говоря, повел вперед.

За столом нас с «мужем» усадили напротив Саллера и его новой пассии. Не знаю, случайно это получилось или намеренно, хотя склоняюсь ко второму варианту — у Дальмиры ничего не происходит просто так, но было очень некомфортно. Аниаш бросала на сына такие многозначительные взгляды, что у меня кусок застревал в горле. У Ольеса, судя по всему, тоже. Истель о чем-то чирикала, усердно кокетничала и ни на минуту не закрывала рта, умудряясь при этом еще есть, пить и делать все это очаровательно и изящно. Да, суровую школу проходят светские барышни.

Меня поведение юной маркизы выводило из равновесия и ужасно нервировало. А еще больше — просто-таки невероятно — раздражало то, как подчеркнуто предупредительно и заботливо обращался с ней герцог. Как только я это поняла, тут же начала злиться — уже на себя.

Что мне за дело, кого девица Тонтен пытается поймать в свои брачные сети? И не все ли равно, что мэссер с удовольствием и наслаждением как раз туда сейчас и плывет? Почему я вообще так странно реагирую на этого мужчину? С самого первого дня, с первой встречи, первого мгновения? Да, привлекательный, не спору. Но поведение, характер... Мне же высокомерные, самоуверенные хозяева жизни никогда не нравились.

«Я предпочту умного, симпатичного, терпеливого, легкого в общении, без вредных привычек и завышенной самооценки. Брутальный, суровый и властный — мужчина не моей мечты», — сама ведь не так давно все это говорила. Что же изменилось? Не понимаю...

Да вообще — не время и не место. Надо думать о спасении, а не терять голову от собственного тюремщика и потенциального принудительно навязанного отца моих будущих детей. Никогда не причисляла себя к глупым мечтательницам, а сейчас... Наваждение какое-то.

Наваждение...

От внезапной догадки я даже покачнулась на стуле, а потом застыла соляным столпом, не донеся до рта очередной кусок.

А вдруг меня и правда околдовали, зачаровали, приворожили к мэссеру с туманными, но явно самыми коварными намерениями? Как теперь узнать? Черт бы побрал этот непонятный, чуждый земному разуму магический мир.

— Мири, — сдавленно шепнули мне на ухо, — что случилось?

Обернулась к обеспокоенному Ольесу.

— У тебя все в порядке? — Граф не сводил с меня пытливого взгляда.

Кивнула, ободряюще сжала его руку — все-таки, что ни говори, а из Трэя получился бы замечательный друг.

— Все хорошо. Ты-то как? — Всмотрелась в осунувшееся, все еще бледное после болезни лицо. — Выглядишь утомленным. Устал?

— Немного. — Он смущенно усмехнулся. — Почитаем после обеда?

— Конечно. Старую книгу или новую?

Мы шептались, как два заговорщика, низко наклонившись, держась за руки и улыбаясь друг другу.

— Давай легенды отложим на потом. Хочется что-нибудь о магии. Ты не против?

Кто? Я?

— Конечно, нет.

Так, надо взять талмуд побольше... Нет, пожалуй, два или даже три... Чтобы там обязательно было о магических привязках, привороте, ну и межмировых порталах заодно.

Довольная собой, подняла голову, и улыбка медленно сползла с губ — за нами наблюдали все, кто присутствовал за обеденным столом. Аниаш с материнской гордостью — мол, вот он каков, мой орел. Истель обиженно. Саллер бесстрастно и холодно. Но больше всего поразила Дальмира. Она переводила напряженный взгляд с меня на сына, и удивление на ее лице постепенно сменялось растерянностью и тревогой.

Вот что я опять не так сделала?

Поскорее бы закончилась эта бесконечная трапеза. Что там у нас, уже десерт? Прекрасно. Быстро разобраться с восхитительным воздушным пирожным, проглотить охлажденный фруктовый мусс, допить сок и сбежать с Трэем и книгой далеко-далеко ото всех. В нашу любимую беседку, а лучше — в самый глухой угол парка, за озеро. И там затаиться до вечера.

Увы, моим мечтам так и не суждено было сбыться...

Обед завершился в гробовой тишине.

Свекровь почти ничего не ела, занятая невероятно важным делом — зорко отслеживала, что кладут ее «мальчику» и провожала взглядом

каждую крошку, которую он отправлял в рот. Ее светлость, аккуратно отделяя ложкой маленькие кусочки пирожного, что-то увлеченно обдумывала. Мэссер точно невидимой стеной ото всех отгородился, хмурился и смотрел только в свою тарелку. Даже Истель, потеряв надежду снова разговорить Саллера, наконец-то перестала трещать без умолку и сосредоточилась на сладком.

У меня аппетит пропал окончательно. Слегка поковыряла десерт, не стала давиться муссом и, сделав несколько глотков сока, покосилась на соседа. Готов? Он будто только этого и ждал. Подмигнул и уже открыл рот, чтобы извиниться и озвучить наше общее горячее желание выйти из-за стола и удалиться, но Дальмира его опередила.

— Трэй, дорогой, хорошо, что тебе уже лучше, и вы с Мэарин наконец-то сможете поселиться вместе. Для молодоженов это так важно.

— Спасибо... тетя, — с запинкой пробормотал Ольес, но герцогиня уже не слушала.

Мазнув по племяннику взглядом, она перенесла все свое внимание на меня.

— Вас устраивают новые комнаты, графиня?

Леди Саллер упорно продолжала обращаться ко мне на «вы», подчеркивая дистанцию и не желая сближаться. Она до сих пор так и не простила беглую невесту сына.

Мне не понравилось выражение ее глаз, ставшая напряженной поза, и я ответила максимально сдержанно:

— Да, ваша светлость.

— Рада, что угодила. — Заметив мое удивление, она откинулась на спинку кресла и с внезапно прорезавшимся ехидством пояснила: — Это покои новобрачных, милочка. Я готовила их для вас и моего...

— Мама! — резкий окрик Саллера прервал ее на полуслове. — Пожалуйста, прекрати.

— Но, Рэм, я всего лишь хотела, чтобы жена твоего кузена чувствовала себя как дома. — Невинная улыбка, легкое пожатие плеч. — Ведь все это, собственно, для нее и предназначалось. Гостиная... Спальня... Кстати, как вам спальня, Мэарин? А кровать? Я лично выбирала.

Неожиданно ярко увидела огромную постель, смятые шелковые простыни, себя, удовлетворенную, счастливую, а рядом темноволосого мужчину — красивого, сильного, разгоряченного... и лицо опалило жаром.

— Миледи... — Мэссер уже не кричал, но в коротком тихом восклицании предостережения было больше, чем в оглушительном реве.

— Как скажешь, дорогой, — пропела несостоявшаяся свекровь. Она выглядела странно довольной, словно только что провела удачный эксперимент, результаты которого полностью совпали с ожиданиями. — Какая замечательная сегодня погода, — добавила она вдруг. — Идеальное время для послеобеденной прогулки в парке, не правда ли, Ани? — Графиня неопределенно скривилась, но Дальмира восприняла эту гримасу, как знак согласия. — Трэй, Мэарин, — произнесла она с воодушевлением, — надеюсь, вы не откажетесь нас сопровождать?

Мы переглянулись, «муж» замялся, но, заметив умоляющее выражение лица встрепешнейшей Аниаш, нехотя кивнул.

— Чудесно. — Герцогиня решительно поднялась и протянула руку Саллеру. — Идемте...

— Ваша светлость, — торопливо вмешалась Истель, — милорд обещал сводить меня к дальним водопадам... — Она затрепетала ресницами и многозначительно умолкла.

Явно ожидала, что покровительница поддержит, отпустит, благословив, и уведет всех в другой конец парка, чтобы воспитанница могла беспрепятственно очаровывать избранную жертву. Но Дальмира удивила. Впрочем, не только маркизу, но и меня.

— Водопады? — переспросила она. — Прекрасная идея, дорогая. Туда и отправимся. Сын?..

У меня оставалась надежда, что мэссер откажется — сошлется на срочные дела, на обстоятельства и сбежит из Эрменлейва, как делал это раньше. Тогда мы с Трэем, немного пообщавшись с дамами, отговоримся усталостью и быстренько отползем в библиотеку. Но Саллер посмотрел на мать, на Трэя, на меня, неопределенно хмыкнул и... согласился.

Так мы всей честной компанией оказались в парке.

Сначала шли вместе. Минут через пятнадцать Трэй, которому, видимо, надоело ловить на себе хищные взоры Аниаш, тяжело вздохнул и шагнул к матери. Свекровь просияла, взяла его под руку, и они отстали, что-то обсуждая вполголоса. Еще через некоторое время Дальмира вспомнила, что собиралась показать Истель нечто очень важное, и, пообещав, что они непременно нас догонят, увела помрачневшую, но не смеющую возражать воспитанницу на боковую дорожку.

Мы с мэссером остались вдвоем — насупившись и старательно отворачиваясь друг от друга. А потом... потом герцог подал мне руку, чтобы помочь спуститься по небольшой каменной лестнице, ведущей в нижнюю часть парка. Еле дотрагиваясь до его рукава подушечками пальцев, поспешно сбежала вниз и тут же убрала ладонь. За спину.

— Мири... Мэарин, вы меня боитесь?

Вопрос, заданный мрачным тоном, и в ответ такая же мрачная тишина. Ну не говорить же, в самом деле, что я боюсь не его, а себя. Вернее, своей странной, ненормальной реакции на этого мужчину. Пусть лучше считает, что я трусиха.

— Не стоит, графиня. — Так и не дождавшись ни слова и больше не пытаясь меня поддержать, Саллер медленно пошел рядом. — Вам точно не стоит.

— Разве нет причин? — не выдержав, прошипела я.

— Вас испугал наш разговор с Трэем...

Меня не спрашивали. Просто констатировали факт.

Опять промолчала, не опровергая, но и не подтверждая. Как выяснилось, подтверждения и не требовалось.

— Талек доложил, что встретил вас возле моей двери в...гм... интересной позе. Как много вы слышали?

Пожала плечами.

— Достаточно, чтобы начать опасаться вас еще больше. — И так как герцог не спешил прерывать, продолжила: — Если хотите сказать, что это неприлично и недостойно светской леди, не трудитесь — я и так знаю, что вела себя неподобающе. Если желаете пристыдить, то тоже не стоит — речь идет о моем будущем... о моей жизни, наконец. Так что нет, мне не стыдно.

Я ожидала чего угодно, но не смеха. Заразительного, искреннего.

— Забавно, — отсмеявшись, протянул герцог, — как иногда меняются люди. И осторожный боязливый котенок вдруг превращается в маленькую, но очень грозную тигрицу... — Маленькая, но грозная... Это он сейчас издевается, да? — После похищения вы очень изменились, — посерьезнел мужчина, — перестали бледнеть, трястись в моем присутствии и изображать полубморочное состояние. И знаете, такой вы мне нравитесь больше. От этой Мэарин я ни за что не отказался бы добровольно.

— Так вы и не отказывались, — заметила резонно, — я сама от вас сбежала.

Но герцог в ответ лишь загадочно усмехнулся. Шагнул наперерез, заставив остановиться. Заглянул в глаза — внимательно, пристально, словно пытаясь увидеть что-то очень важное.

— Я не враг вам, Мири. Многим в этом мире — да, Трэю — возможно, но не вам. Как бы ни настаивал его величество, каковы бы ни были мои собственные желания, я никогда не сделаю ничего против вашей воли. Не стану заставлять, принуждать силой.

Поймал мои подрагивающие пальцы, поднес к горячим губам.

Прикосновение обожгло, растекаясь по телу острым жгучим желанием. Охнула, невольно отпрянув в сторону, но не успела выдернуть ладонь — Саллер сам отпустил меня.

— Простите, миледи.

Слова колючими льдинками разлетелись в воздухе, инеем осыпались на землю, и мне освободили дорогу.

«Танбор простит, — вертелось на языке, — на пару с этим вашим Птархом».

Но я не стала ни язвить, ни иронизировать. Вообще что-либо говорить сейчас не имело смысла. Зачем? Саллер впервые за все время знакомства разговаривал спокойно. Не шантажировал, не угрожал и даже обещал наступить на горло собственной песне и лишний раз не навязываться. К чему нарушать хрупкое, ненадежное перемирие? Желаящие и без меня найдутся. Тот же дядюшка-его-величество наверняка ведь не успокоится. Станет зудеть, настаивать, подталкивать. А то что герцог неправильно расценил мою реакцию... Не объяснять же ему, в самом деле, как он ошибся?

«Ах, милорд, не обращайтесь внимания на мое не совсем адекватное поведение. Просто, стоит вам лишь дотронуться, и я уже готова растечься сладкой лужицей у ваших стройных ног. Короче, Ваня, я вся ваша».

А если серьезно, это черт знает что такое. Книга по приворотам и привязкам сегодня точно первая на очереди. И пусть Трэй только попробует не согласиться... Все равно будем читать именно ее.

Настроение испортилось окончательно. Я и до этого не очень-то рвалась коротать день в такой сомнительной компании, а теперь желание плестись в дальний конец парка и там восторгаться красотами природы совершенно пропало. Мой спутник полностью разделял эти чувства.

Плотно сжатые губы, хмурое лицо, ледяной взгляд... Мэссер не изменился, даже когда к нам вновь присоединились герцогиня с воспитанницей и Ольес с немного успокоившейся матушкой. Мило розовея и смущаясь, чирикала Истель — надувала губы, трогательно заглядывала мэссеру в глаза. О чем-то спрашивала необычно сосредоточенная Дальмира. Даже Аниаш пару раз обращалась к племяннику с просьбой. Все получали короткие однозначные ответы. Саллер явно тяготился нашим обществом и искал подходящий повод, чтобы исчезнуть. Кажется, мы оба вздохнули с облегчением, когда народные гуляния наконец закончились.

Хотя... к водопадам я бы, пожалуй, еще вернулась, но одна или в крайнем случае с Трэем. В памяти остались розовый мрамор бегущих к

небу лестниц, ажурные узоры золоченых ограждений, зелень газонов, белые султаны струй, выстреливающих из общего мощного потока, и далеко внизу — серебристая поверхность озера. Красиво...

После прогулки герцог, сославшись на дела, торопливо откланялся, а вот нам с графом не повезло. Аниаш жаждала общения, а я не могла игнорировать умоляющие взгляды Ольеса и бросить его одного на растерзание воодушевившихся леди. Так что вторая половина дня прошла в кругу «семьи». Ужинали тоже вместе. А потом дамы, как это и полагается утонченным светским особам, удалились отдыхать, а мы, совершив набег на библиотеку, отправились в новые покои.

— Устала? — В голосе замершего на пороге гостиной «мужа» звучала смутная надежда, и мне стало смешно. Но только на мгновение.

Бедняга, сколько ему пришлось пережить за последнее время. В такой ситуации проблемы с потенцией и отсутствием влечения совершенно не удивительны. Но ведь не скажешь, что мне все известно, я его понимаю, поддерживаю и даже... рада. Как минимум расстроится, услышав это от молодой жены. Как максимум оскорбится или, не дай бог, останется импотентом на всю жизнь, а я все-таки не настолько кровожадна. Да и не должна невинная девица Мэарин не только знать — даже догадываться о подобном.

— Устала, — согласилась покладисто. — День выдался тяжелый и длинный.

— Тогда... может, почитаем немного, и ляжешь спать?

— А ты?

— Я... — Граф подошел к столу, рассеянно полистал одну книгу, другую. — Приму ванну. Здесь очень... гм... удобный бассейн... большой. В лекарском крыле не такой...

Ох, Трэй, что же нам с тобой делать? Сегодня ты закроешься в ванной, выжидая, когда я усну. И завтра, и послезавтра, и через три дня... А дальше? Чувствую, придется мне все-таки ломать ноги-руки. Ты не можешь, я не хочу, развестись нельзя, а брак консуммировать надо, чтобы тебе не погибнуть, а мне не пойти по рукам. Кто вас с Мэарин только надоумил венчаться в Древней обители?

— Хорошо. — Погладила «мужа» по руке и обернулась ко входу. — Дора!

Камеристка возникла в дверях в сопровождении вертлявого рыжего парня — нового графского камердинера.

— Принеси фрукты, сок и до утра свободна.

— Гаст, ты тоже, — поддержал Ольес мое распоряжение.

— Но... как же ванна, миледи?

Мда... Не знаю, чем эти двое занимались в моей гардеробной, но они точно слышали весь разговор.

— Сама приготовлю. — Нежно улыбнулась Трэю.

Вот такая я заботливая новобрачная. И вообще, это наша первая ночь. Вдруг мы по такому случаю собираемся вместе... поплавать?

В глазах слуг мелькнуло острое любопытство, они переглянулись, но возражать не посмели.

— Прошу прощения, ваше сиятельство... — Нет, камердинер все-таки решился что-то вставить. — Помощник лекаря передал, что мастер Дильфор хочет осмотреть вас перед сном. Если позволите, я его сейчас позо...

— Сам схожу, — оборвал Трэй. — Так... лучше. Мири, — он шагнул ко мне, провел ладонью по волосам, — ты не против?

— Конечно, нет...

За окном стремительно темнело.

Я зажгла магические светильники, дождалась Дору с фруктами и соком, еще раз подтвердила, что до утра ни она, ни Гаст нам не понадобятся. Потом выбрала из стопки найденных в библиотеке книг «Ментальную магию», прибавила к ней «Приворот: сущность воздействия и его следствия», устроилась в большом удобном кресле, стоявшем сбоку от дивана, и начала читать.

Вернее, попыталась... но очень скоро поняла, что мало во всем этом соображаю, и память Мэарин вряд ли поможет. Чтобы ответить, очаровывали ли меня, учебников мало. Нужен маг. Минут через сорок я окончательно устала продираться сквозь непонятные термины, символы и формулы. Тяжело вздохнула и, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла.

Как же мне не хватало брата. До боли, до слез, до спазма в горле. Его легкости, оптимизма, даже идиотских шуточек. Петька всегда чувствовал, когда мне плохо, начинал молоть разную чепуху, стараясь подбодрить. Сначала я сердилась, потом смеялась, и все трудности отступали, превращались в незначительную досадную помеху.

«Подумаешь, проблема, — отмахивался он. — Прорвемся. Всякое случается. И на Маруху бывает проруха».

— И на Маруху бывает проруха, — повторила негромко, пытаясь убедить саму себя. — И на Маруху...

За спиной что-то хлопнуло, раздался звук бьющегося стекла, и знакомый голос придушенно прохрипел:

— Что?!

Глава 9

Медленно, очень медленно поднялась. Обернулась.

Трэй...

Напряженные плечи, побелевшие пальцы, крепко сжимающие дверной косяк, пристальный немигающий взгляд. А у ног — осколки стекла и зеленоватая маслянисто поблескивающая лужица.

— Что... — Он подавился фразой, выдохнул, попробовал снова. — Что... ты... сейчас... сказала?

— Я?..

Шагнула навстречу графу, лихорадочно соображая, почему вдруг он так разволновался. Что я умудрилась брякнуть, и что ему удалось из этого разобрать?

— Ничего особенного. Пустяк, не стоящий внимания. Всего лишь поговорка моей няньки, которую я в детстве постоянно от нее слышала.

— Повтори... — сдавленный голос Ольеса звенел как натянутая струна.

Так и знала, что моя дурная привычка озвучивать мысли до добра не доведет.

— Совершенно глупая присказка. Давай лучше читать, — попыталась я увести разговор в сторону, — мы с тобой столько интересных книг набрали. С чего начнем? Знаешь, я думаю...

— Повтори! — «Муж» упрямо тряхнул головой, поморщился и тихо попросил: — Пожалуйста...

— Хорошо. — Кивнула, смиряясь. — И на Маруху бывает проруха... вот...

Вопросительно взглянула на Ольеса, ожидая хоть какого-то отклика, но он молчал. Просто стоял, молчал и не двигался. Словно впал в ступор или, хуже того, окаменел.

Да что я сказала-то, чтобы так реагировать?

— Смешно, правда? — затараторила преувеличенно бодро. — Наверное, так звали ее соседку или знакомую. У деревенских иногда встречаются очень забавные имена. Надо же, Маруха...

— И Петрусь, — добавил собеседник хрипло.

— Что?

Странная беседа у нас получается.

— У меня тоже... гм... имелась няня, так вот она, когда успокаивала

или утешала, всегда приговаривала: «Петрусь, не трусь», — пояснил Трэй и буквально впился в меня взглядом. — Никогда не слышала? — спросил он с какой-то безумной, невероятной надеждой.

Меня точно ледяной водой окатили. Захлебнувшись от внезапной догадки, судорожно вцепилась ладонью в горло и в свою очередь тоже уставилась на графа. Сердце оборвалось, ухнуло куда-то в бездну и там застучало часто-часто... Неужели?.. Нет, такого просто не бывает... не может быть.

Не знаю, кто из нас начал первым, кажется, мы сделали это одновременно.

— Маха...

— Петька... Петенька...

Время замедлилось, а потом и вовсе замерло. Мысли путались, в висках, накатывая яростными волнами, громко билась кровь, а я все смотрела и смотрела в такие чужие, такие... родные глаза, боясь даже на мгновение от них оторваться... потерять. Пока передо мной не замелькали разноцветные мушки. Покачнулась на ставших ватными ногах, прислонилась к стене и уже собиралась сползти вниз — не дали. Заботливо удержали, а потом быстро подхватили на руки.

— Не торопись, — предупредили ласково. — Сейчас донесу до спальни, уложу поудобнее, упаду рядом, вот тогда и сознание можно терять.

— Зачем? — прошептала, слабо улыбаясь.

— Какая разница? Главное, что вместе.

Главное, что вместе...

Эта наиграно строгая фраза, произнесенная со знакомой с детства лукавой интонацией, окончательно убедила, что рядом Петька. Я дождалась, пока меня посадят на кровать, крепко обнимут, прижмут к себе, а потом закрыла глаза, уткнулась в мужскую грудь и самозабвенно разрыдалась. Судорожно комкая пальцами ткань рубашки и некрасиво шмыгая носом.

* * *

Каждый раз, возвращаясь, герцог не переставал удивляться, насколько Тагриф отличается от других городов королевства. Диалект, уклад, мода, столичный люд — все казалось иным. Даже время здесь текло по-особому.

Некоторые книжники полагали, что это связано с концентрацией

сильных артефактов, практикующих магов и магических школ. Другие считали следствием беспорядочного смещения крови и родовых линий живущих здесь одаренных. А кое-кто уверял, что излучина Тагры, где некогда возвели столицу Намарры, сама по себе является древним источником силы. Именно это создает необычный, изменчивый облик Тагрифа, придавая ему неповторимое очарование.

Саллер любил этот город и с удовольствием бродил по его улицам, когда выдавалось свободное время. По долгу службы он хорошо знал места публичных развлечений — законные и незаконные. Был вхож за кулисы всех столичных театров, начиная с королевской оперы и заканчивая захудалыми окраинными «публичками». И, честно говоря, предпочитал их пышным аристократическим салонам и светским балам, где появлялся лишь по обязанности, по праву рождения и положения.

Возвращаясь в Тагриф, герцог становился его частью, проникаясь жизнью города, чувствуя его пульс, силу, ритм, внутреннее движение. И сейчас, проезжая по знакомым улицам, он удовлетворенно жмурился, втягивая в себя знакомый воздух столицы. Невероятную смесь благородных ароматов, дорогих благовоний, редких трав, магических ингредиентов с еле уловимым запахом дыма из ремесленных предместий и тяжелым затхлым духом, доносящимся из района городских трущоб.

Здание королевской службы безопасности находилось в самом центре административного квартала, искусно прячась в тени помпезных министерских особняков. Ни вывески на фасаде скромного, неприметного строения, ни даже стражи у центрального входа. Постоянное скрытое наблюдение за периметром велось из четырех башенок по углам. Из-за них дом казался похожим на маленькую крепость, и безопасников в народе давно называли не иначе как «люди из крепости».

Въехав во двор, Саллер передал Хеста конюху, кивнул подобравшейся при его появлении внутренней страже на входе и поднялся в свой кабинет. Бесцельно прошелся из угла в угол, остановился у стола, помедлил, решительно нажал на переговорную пластину.

— Карнос, зайди...

И застыл, уставившись в окно невидящим взглядом.

Солнце неторопливо катилось к горизонту.

Неторопливо? Нет, слишком быстро. Сегодня вечер наступал как никогда стремительно, с каждым мгновением приближая неизбежную ночь. Птархову брачную ночь. Полную признаний, поцелуев, касаний, стонов... Для кого-то другого. А для него — бесконечную, гнетущую, болезненно-бессонную.

Герцог бессильно сжал кулаки.

Если бы он мог сделать так, чтобы этот день никогда не заканчивался. Чтобы густые сумерки не окутывали парк Эрменлейва, заставляя зажигать светильники и задвигать тяжелые шторы в спальне. В той самой спальне, которая когда-то готовилась для ненужной, раздражавшей его невесты, а сегодня досталась чужой жене. Мучительно недостижимой. Бесконечно желанной.

— Мири...

Услышав собственный голос, больше похожий на стон, он поморщился.

Хватит!

Закрыв глаза, вдохом напряг живот, плечи, задержал дыхание.

«Лишь собственные цели и намерения должны определять твои поступки и поведение всех близких и дальних, связанных с твоей жизнью», — повторил про себя давно знакомые строки.

Он переживет. И эту ночь, и все последующие — пустые, долгие ночи без нее. Он справится. Обязательно...

Саллер не услышал, как отворилась дверь, и шагов тоже не различил, просто почувствовал — он в кабинете уже не один. Усмехнулся. Не поворачиваясь, спросил:

— Есть что-то важное?

Его личный секретарь — человек внушительных габаритов и бычьей силы — всегда передвигался удивительно тихо и пластично, за что в свое время получил прозвище «Пловец». Самое забавное заключалось в том, что Карнос абсолютно не умел плавать.

Секретарь коротко поздоровался, доложил об обстановке в столице, дождался, пока герцог сядет за стол, и начал выкладывать перед ним бумаги на подпись, кратко комментируя каждую. Приказы, рапорты, справки, прошения... Необходимая рутина заняла не меньше часа.

— Сегодня у меня в городе несколько встреч с личными агентами, — герцог отложил в сторону последний документ. — Нужны четыре костюма — провинциальный дворянин, лиссийский торговец, судебный стражник, зажиточный горожанин и стандартный грим к ним.

— Кого в сопровождение, мэссер?

— Марч, Тень, Дядюшка и Кнопка. Вот адреса, роли для каждого, где и в какое время они должны находиться.

На стол упала заранее составленная записка.

— Дядюшка еще не вернулся с задания. Позвольте порекомендовать Травника. Он в городе и свободен.

— Хорошо. Готовность через час.

Герцог постучал пальцами по столешнице и вновь невольно покосился на окно. До заката оставалось совсем немного, и по небу потянулись первые, почти незаметные золотисто-розовые ленты.

Интересно, чем они сейчас занимаются? Как всегда читают все подряд? Болтают? Держатся за руки? Смеются? Целуются? Или уже?..

Он стиснул зубы.

Нет, до этого сегодня точно не дойдет. Трэй же уверял, что пока не в состоянии. Саллер до сих пор помнил, каких усилий ему стоило оставаться бесстрастным и сдержанно сдерживать рвущееся наружу ликование, когда он узнал о проблеме кузена.

А вдруг очарование молодой жены поможет восстановить силы? И Дильфор обещал дать какой-то чудодейственный эликсир. Мысль о том, что любимая женщина рядом, она твоя — полностью, навсегда, и безнадежного калеку исцелит.

Ее обнаженное тело на шелковых простынях... гибкое, податливое, манящее... ее соблазнительный аромат... нежные губы...

Да что с ним творится, Птарх побори?

Он с трудом оторвался от окна, провел руками по лицу, стряхивая безумное наваждение, поднял взгляд на Карноса.

— Что-то еще?

— Милорд, здесь аналитика и доклады из отделений. Для еженедельного отчета его величеству.

Перед Саллером появилась объемистая папка, которую он, подумав, отодвинул на край стола.

— Потом... Скажи, за последнее время службы замечали что-нибудь необычное? Что-то, чему не нашлось объяснения?

— Да, ваша светлость, — поколебавшись, произнес Пловец. — Вроде бы мелочи, но... Посольство Онижа неожиданно активизировало переписку со своей столицей. Курьерскую и магическую.

— Почему сразу не доложили? — Саллер резко наклонился вперед.

— Так явных причин для такой суеи не обнаружили. — секретарь немного виновато переступил с ноги на ногу. — Запросили нашу онижскую агентуру. Им тоже ничего не известно. Ни передвижения войск, ни подозрительного шевеления вдоль границы, ни слухов. Только оживленная переписка и все. Продолжаем наблюдать.

— Перехваты проводили?

— Нет, мэссер. Сами знаете, здесь традиционные методы не годятся. Если у них возникнут малейшие подозрения... Онижцы народ горячий,

обидчивый, склонный к необдуманным решениям...

— Все правильно, нужна тайная операция. Передай устное распоряжение контрразведке. Трое суток на подготовку и проведение. Деньги и магическое прикрытие — любые в пределах разумного. Кстати, когда именно это началось?

— Месяц назад, ваша светлость.

У него противно закололо в затылке, вокруг словно сгустился, став ледяным, воздух. Ровно месяц — вернее двадцать девять дней назад — Мири и Трэй венчались в древней обители и получили недвусмысленное благословение Танбора. А потом на карету, в которой ехали молодожены, напали... И это единственное значимое событие в жизни Намарры за прошедшее время.

Новый след? Пожалуй...

Если замешано соседнее государство, все становится понятнее, логичнее. Кем бы ни был этот самый Могир, он рисковал и очень сильно.

На что он рассчитывал, когда пошел против воли Танбора и, наплевав на благословение верховного бога, похитил обвенчанную в Древней обители хэленни?

Убить мужа, тайно жениться на вдове, запереть в своем имении и считать дни до ее беременности? Ладно... А дальше? Открыто объявить о браке с графиней или о праве на нее — все равно, что публично признаться в преступлении, тем самым поставив себя под удар. Герцог никогда бы не простил смерти брата, и Могир не мог об этом не знать.

Значит, надо ждать рождения первенца, воспитывать его верным себе и преданным интересам рода. Но наследник будет жить рядом только до начала магического возраста, то есть лет до десяти... Нет, учитывая его силу, до восьми, не дольше. А затем сына придется отдать в школу — вероятнее всего, в Шанно-Лансин, потому что ранние стабильные проявления дара должны совпасть с начальным циклом обучения. Домашнее образование исключено. Чтобы правильно, безопасно для ребенка и для окружающих раздуть искру, необходим опытный наставник, отец в этом случае не справится.

При поступлении в школу мальчику предстоит экзамен и... официальная проверка. Отец, мать, дедушки, бабушки — на них внимание обратят в первую очередь. А если дар выдающийся, то обследуют родовую ветвь целиком, всех ее членов, ближних и дальних, чтобы случайно не пропустить талантливого ребенка. Магия — товар дорогой, сильная магия — еще и редкий, выискивают и собирают ее носителей очень тщательно. Такая проверка все расставит по своим местам.

Что тогда делать? Попробовать торговаться с его величеством? Допустимо. Но ненадежно. Реакцию властителя Намарры в этом случае трудно просчитать даже Саллеру.

Так что похищение Мэарин создавало для неведомого Могира одни проблемы. Серьезные, опасные для жизни проблемы. А вот если он сумел договориться с Онижем — другое дело. Но как? О хэленни сейчас лучше молчать — до рождения первенца точно. Иначе ценный приз тут же отберут, а самого раздавят, как таракана. Походя, не утруждаясь особо.

Что же он предложил соседям за защиту и покровительство? И когда успел предупредить? Вопросы, на которые пока не имелось ответов...

От размышлений Саллера отвлекло вежливое покашливание.

— Йохана ко мне. Срочно.

Герцог поднялся из-за стола и, охваченный волнением и хмельным охотничьим азартом, снова принялся расхаживать по кабинету. Если это верный след, то надо идти по нему, не останавливаясь. Пустить перед собой стаю гончих, чтобы те день и ночь преследовали дичь.

А ведь вся ситуация поворачивается другой стороной. И акценты смещаются. У Саллера была надежда, что Могир струсил, отступил или, узнав о его вмешательстве, вовсе отказался от своего замысла. Но если это акция чужой разведки, ее непременно постараются довести до конца.

Остановился. Коротко выругавшись, ударил кулаком об угол книжного шкафа.

Целый месяц прошел... О чем он только думал?

Бросил быстрый взгляд за окно — туда, где солнце неумолимо катилось к горизонту, усмехнулся невесело. Страдалец Птархов. Королевство в опасности, а у него лишь одно на уме.

И поездка к Хауддану, как назло, не принесла результатов — попасть в Запретные Земли не удалось. Два дня он терпеливо просидел на пограничной заставе, ожидая ответа на просьбу о встрече с представителем верховного синкалиона. Общаться с ним не пожелали. Даже несмотря на то, что прошение подавалось официально, а причиной встречи указывалась «необходимость обсуждения возможного нарушения договора о магическом нейтралитете». Его — высшего мага, герцога, племянника правящего монарха, начальника королевской службы безопасности — просто проигнорировали.

Означать это могло все что угодно. То, что никакого воздействия на Саллера не оказывалось, поэтому и разговаривать не о чем. Или, наоборот, воздействие было, но о его целях мэссеру знать не полагалось.

Проклятые нелюди. Никогда не поймешь, что у них на уме.

В дверь постучали.

— Йохан, милорд, — секретарь посторонился, пропуская в кабинет высокого тощего молодого человека.

Голова, напоминавшая шар с ушами, как всегда опущена, глаза полуприкрыты. Мешковатый балахон, который начальник контрразведки так и не сменил на форму королевского служащего, болтался, словно под ним вовсе нет никакого тела. Казалось, мужчина спит на ходу, и это впечатление усиливалось неторопливой шаркающей походкой.

Кто придумал кличку, которая сразу же прилипла к Йохану, неизвестно. Но с первого дня появления в «крепости» нового сотрудника все называли его Умником. И если сначала в этом слове сквозила пренебрежительная насмешка истинных над тем, кто никогда и мечтать не смел о Шанно-Лансине, то через полгода прозвище произносилось уже с заглавной буквы.

«Умник сказал... Умник полагает...» — это воспринималось как окончательное, самое верное заключение по обсуждаемому вопросу.

Да, Саллер не прогадал, назначив на пост начальника контрразведки одного из самых молодых деканов Высшей магической школы. Хотя многие тогда сочли это не просто очень смелым, а глупым поступком.

Посетитель молча поклонился, стек в кресло, стоявшее возле стола, аккуратно сложил руки на коленях и уставился на начальника непроницаемо-бесцветными глазами.

— Ты занимаешься аналитикой по посольству Онижа?

Легкий кивок в ответ.

— Тогда я кое-что дополню. Уточни, перепроверь, подумай и к завтрашнему вечеру предоставь план действий с учетом новых сведений. Но прежде дашь клятву о неразглашении. Я имею в виду не стандартную служебную формулу, а «Руот-тан», — уточнил герцог и с удовлетворением отметил, что на лице подчиненного не отразилось ни единой эмоции — ни удивления, ни сомнения, ни беспокойства.

Йохан доверял Саллеру и никогда не задавал лишних вопросов.

Когда дверь за Умником закрылась, герцог устало откинулся на спинку кресла. Первоначальное возбуждение, вызванное догадкой об участии во всей этой истории Онижа, усилилось беспокойством о Трэе и Мэарин. В воображении вставляли картины ночного нападения на Эрменлейв.

Яростное сражение, гибель Вильма и его отряда, смерть Трэя, очередное похищение Мири. Связанную и бесчувственную ее перекидывали через спину коня и увозили в неизвестность. Поместье догорало в предрассветных сумерках.

Он понимал всю абсурдность своих переживаний, но никак не мог от них избавиться. С усилием подавил желание немедленно отдать приказ о выделении «для неотложных нужд» полусотни истинных, послать их в Эрменлейв и немедленно отправиться следом. Имение накрыто магическим пологом. Теоретически — на практике этого никто не проверял — его защитники способны держать оборону в течение недели даже при нападении небольшой армии. Так что, пока молодожены там, переживать о нападении и похищении не стоит.

И все же... все же...

Снаружи совсем стемнело. На улице начали зажигать фонари, где-то вдалеке приветливо затеплились окна домов. Деревья казались черными, а небо в крупных, еще неярких звездах отсвечивало пурпуром.

Сейчас они точно уже в спальне. Трэй и его жена.

Мири...

Воспоминания о ней острой занозой сидели в сердце. Ядом растекались в крови, вызывая ноющую боль, мешая трезво рассуждать, жить.

Изящные движения рук, поправляющих цветы в вазе... Маленькие ладони, тонкие запястья... Лицо в мягком свете солнца... Сочные губы, атласная кожа шеи и плеч...

Перед глазами как наяву мелькали сцены их нечастых встреч. Каждое слово, каждый жест девушки отзывались сладким напряжением в груди и в паху. Хотелось нежно прижимать ее к себе. Ласкать обнаженное тело своим, ловить ее дрожь и вжимать в горячую скомканную постель. Целовать губы и пить ее запах. Яростно брать ее сзади, впиваясь пальцами в упругие ягодички. И стонать вместе с ней, задыхаясь от наслаждения.

А еще хотелось убить Трэя. Разорвать на части. И отнять то, что принадлежит ему. Забрать. Присвоить.

На столе призывно звякнула почтовая шкатулка — раз... другой... третий, предупреждая о пришедшем письме и возвращая герцога к реальности.

И кому так не терпится?

Послание принадлежало баронессе Тивуд, которая приглашала сегодня на ужин «в приятном обществе избранной публики». Безличное обращение «дорогой друг» было выделено вензелем неукротимой страсти.

Откуда только узнала, что Саллер в городе? Всего несколько часов прошло, как он въехал в ворота Тагрифа. Надо посоветовать коменданту почаще менять привратную стражу. Всех купить денег не хватит.

— Ваша светлость, — Пловец переступил порог и остановился, —

костюмы готовы, агенты предупреждены.

— Хорошо, свободен.

Герцог небрежно скомкал письмо.

Ну что же... Сначала он выполнит то, что наметил на вечер, а потом, пожалуй, и любовницу навестит. В полночь или ближе к рассвету, когда «избранная публика» разойдется. Анриса всегда умела разжечь, доставить удовольствие — страстностью, раскованностью, искусными ласками. Ее роскошное, готовое на все тело поможет расслабиться, снять напряжение и не думать. О сумерках в парке Эрменлейва, о задернутых наглухо шторах, о спальне, в которой...

К Птарху эту брачную ночь, а вместе с ней благословение Танбора, дар хэленни, требования его величества, высокомерное молчание нелюдей и желания самого Саллера, которые окончательно все запутывают. Забыться и забыть. Хотя бы на время. Вот что ему сейчас жизненно необходимо.

* * *

— Нос распух, глаза заплыли, лицо в красных пятнах, сопли рекой. — Петька заботливо вытер мой нос стянутой со стола салфеткой и удовлетворенно констатировал: — Красота... страшная... В полном смысле этого слова. — А потом неожиданно жалобно добавил: — Манюнь, хватит уже, а?

И вот что интересно. До этого, как он ни утешал, как ни убеждал, в чем бы ни клялся — ничего не помогало. Я вновь и вновь захлебывалась рыданиями. А тут, как по мановению волшебной палочки, слезы перестали течь сами собой. Такая вот необычная особенность женского организма.

— Зеркало, — прогнусавила я, судорожно вздыхая.

— Что?

— Зеркало... дай, пожалуйста. Там, позади тебя на столике лежит.

Представшая картина не обрадовала. Петька, пожалуй, даже немного смягчил краски. Жалкое зрелище, душераздирающее, как говаривал незабвенный Иа-иа, причем с любой из сторон. А все почему? Потому что кое-кто ведет себя как последняя дура. Так что удивляться не приходится.

«Хорошо, что Саллера здесь нет», — совершенно некстати мелькнуло в голове.

— Повезло, что твой герцог это диво дивное сейчас не видит, — тут же озвучил мою мысль добрый братец.

Мда... что у одного близнеца на уме, то у другого — на языке.

— Чего это он мой? — возмутилась вяло.

— А вот об этом мы тоже непременно побеседуем, — многозначительно пообещал любимый родственник. — Вот сейчас приведешь себя в порядок, и все обсудим. Давай, Михрюсь, собирай мозги в кучку. Ночь короткая, а нам еще разбираться и разбираться... Когда теперь вдвоем оставят...

— Спорим, что следующей ночью и оставят?

Всхлипнула пару раз по инерции, отобрала у брата салфетку, чистым уголком промокнула глаза. Подумала. Высморкалась. Снова чуть-чуть подумала. Напоследок еще раз полюбовалась своим светлым, пусть и слегка помятым ликом, решительно отложила зеркало в сторону и потопала в ванную.

Через пять минут — умытая, посвежевшая и почти спокойная — нырнула в братские объятия, устроилась там поудобнее, получила быстрый «чмок» в кончик носа и почувствовала, что счастлива. Впервые за все время, что я провела в этом мире. А еще, что я дома. Вот так неожиданно вдруг осознала, что мой дом — рядом с Петькой, а на Земле он находится или в другом месте — уже детали.

— Излагай, — велели мне строго.

И я принялась рассказывать. Все, с самого начала, по порядку, не пропуская ни единой мелочи.

Брат внимательно слушал. Прижимал к себе, когда описывала пожар. Хмыкал, когда дошло до истории с библиотекой и «картинками». Сердито сжимал зубы, когда выяснилось, что Саллер обвинил меня в кокетстве, легкомыслии и соблазнении Дильфора. А ведь я еще поцелуй пропустила и про угрозы умолчала. Незачем Петрусю пока о них знать и... В общем, незачем.

— Это нечестно, — возмущенно выпалил он, когда я закончила. — Тебе хоть память в подарок от Мэарин досталась. А я от графа только тело, дырку в боку и сотрясение мозга унаследовал. Никаких воспоминаний Ольеса — ни единого проблеска или намека.

— Совсем ничего?

— Абсолютно. — Он застыл, хмуро глядя в противоположный угол комнаты. — Задремал на берегу, а потом... То ли бред, то ли безумный сон... Какая-то яма с жижей — огромная, зловонная, кроваво-черная. Я барахтался там, захлебывался и тонул, тонул... тонул... Бесконечно. Когда сил совсем не осталось, что-то подхватило, дернуло вверх.словно из сердца сама собой сплелась веревка и потянула наружу, не давая погибнуть. Я тогда ненадолго очнулся, помнишь? Открыл глаза, увидел тебя и...

Знаешь, вообще ведь в тот момент ничего не соображал — где я, что я, ощущал лишь одно: рядом кто-то очень близкий, и, если не хочу исчезнуть, надо крепко-крепко за него ухватиться. Всем, чем придется — руками, эмоциями, мыслями.

— Ты в мою ладонь вцепился, прижал к щеке и снова потерял сознание.

Переплела его пальцы со своими, крепко их стиснула, отчетливо вдруг прочувствовав, кто эти бесконечно долгие недели умирал в лекарском крыле в теле Трэя.

— Да? Хм... Не помню...

— А дальше? — Запрокинула голову, разглядывая идеальные черты чужого лица, и невольно пытаюсь найти в них хоть что-то знакомое, родное. — Ты же узнал меня, когда пришел в себя во второй раз. Вернее, не меня, а Мири. Даже спросил, где твоя жена. Значит, все-таки «вспомнил» что-то о жизни Трэя?

— Ничего я не вспомнил. — Он досадливо скривился. — После того короткого пробуждения стало полегче. Я уже не тонул — парил, и ямы больше не было. Только плотная белесая пелена вокруг, без вкуса, запаха, движения. И голос. Нежный, ласковый. Он рассказывал странные вещи, читал, задавал вопросы, советовался, не позволял соскользнуть в пустоту, удерживая на все той же невидимой, но очень крепкой веревке.

Петька угрюмо затих, сгорбился. Будто заново переживал те тяжелые дни.

— Петюш... — позвала встревоженно.

Он встрепенулся, тряхнул головой, улыбнулся грустно.

— Постепенно я узнал, что угодил в какую-то хренову задницу под названием Риос, где меня принимают за счастливого новобрачного графа Трэя Ольеса... У меня теперь есть любимая жена Мири, которая, собственно все это и рассказывает, и... гм... кузен, при появлении которого окружающая пелена взрывается огненными сгустками и превращается в ревущую стену сплошного огня.

— Значит, герцога ты тоже слышал?

— Немного. В основном — тебя, иногда — его и... — Брат запнулся и нехотя добавил: — Ниаву.

Так... А чего это мы взгляд отводим?

— Пе-е-е-ть?

— В общем, хоть у меня и было время немного прикинуть, что к чему, — заторопился брат, — я все-таки оказался не готов к дерьму, в которое влетел с размаху. Маменька с ее жутким «Пипи». Саллер с

безумными требованиями. Срочная консуммация. И юная супруга, которую хотелось защищать, оберегать, но совершенно не хотелось тра... то есть брак с ней подтверждать не тянуло категорически. Прямо ломало всего при одной мысли об этом.

— Петруччо, — подняла руку и легонько дернула за золотистую кудряшку, — а тебе не приходило в голову, что ты... того?

— Еще как приходило, — он зябко передернул плечами, — первым делом. Но потом посмотрел на Ниав... гм... посмотрел вокруг и понял, что импотенция у меня какая-то избирательная. Узконаправленная. Только к тебе отношение и имеет. Знаешь, я совсем отчаялся. Наплевал на пресловутый глас рассудка, который призывал затаиться и не отсвечивать, пока не разберусь, что к чему, и решил признаться герцогу. Мол, простите великодушно, я вовсе не тот, за кого меня принимают, поэтому благодарю покорно, но от оказанной чести вынужден отказаться. В общем, плодитесь и размножайтесь, но без меня.

— Не получилось?

Вспомнила подслушанный разговор и невнятное мычание «мужа».

— Неа, — понурился братец, — пытался сказать, что я не граф Ольес и не смог.

Тааак... Я подобралась и задала следующий вопрос:

— А кто ты?

— Что значит «кто»? — недоуменно сверкнули в ответ ярко-голубые глаза.

— Назови свое настоящее имя, — попросила, искренне надеясь на чудо.

Чуда не произошло.

— Я, — завел знакомую песню Петька, — я...

Замолчал растерянно.

— Не ты один, — успокоила обескураженного неудачей родственника, — мы оба в одинаковой зад... ситуации. — Взъерошила мягкие золотые кудри. Полюбовалась результатом. Легонько пригладила. — А скажи-ка, друг мой Петруччо, как меня зовут?..

Через некоторое время, наэкспериментировавшись всласть, мы пришли к неутешительным выводам — поделиться анкетными данными не получится. Ни своими собственными, ни братско-сестринскими. Прозвища, шуточные обращения, детские «Маша-Петя» — пожалуйста. Но на этом все. Полные имя, отчество, а тем более фамилия оказались под запретом.

Кстати, побеседовать на русском тоже не вышло. Кодовые фразы, по которым вечером узнали друг друга, мы тогда автоматически выдали на

чужом языке. Повезло, что и в таком виде они звучали в рифму, воспринимаясь как изыски местного народного фольклора.

Тем не менее говорить о Земле, попаданстве, переселении душ друг с другом мы могли. Могли! Иногда — прямо, чаще — намеками и иносказаниями. Но все же... все же...

— Хоть что-то, — заключила я, — осталось выяснить, сработает ли это в присутствии посторонних.

— И как ты собираешься... — начал Петька, но, охваченная жаждой деятельности, я уже соскочила с кровати и нашла взглядом переговорную пластину.

Так... вызов камеристки... Ага, вот эта клавиша.

— Дора.

— Да, миледи, — судя по быстрому бодрому ответу, спать девушка еще не ложилась.

— Ты мне нужна. Немедленно, — поколебалась немного, — и Гаст тоже.

Секундное замешательство. Потом кто-то приглушенно зашептал, завозился, забормотал тихо и неразборчиво. Понятно: за камердинером далеко идти не придется.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

Не представляю, о чем подумали слуги. Я бы на их месте точно решила, что хозяева в уме повредились — граф в результате болезни, а его супруга от тягостных переживаний. Так или иначе, держались Дора с Гастом хоть и настороженно, но степенно и почтительно, стоически выполняя все наши требования, какими бы нелепыми они им ни казались.

Мы не стали ничего объяснять, а сразу с порога озадачили — молчите и слушайте.

Сначала они сидели вместе с нами в комнате, потом топтались под дверью... за дверью... в двух шагах от двери... посередине коридора... у дальней лестницы. Наконец, пообещав поощрить их материально за участие в наших маленьких развлечениях — при этих словах слуги испуганно вздрогнули — мы отпустили страдальцев с миром.

— Итак, что у нас в сухом остатке? — спросил Петька, когда сладкая парочка наконец покинула покои, и их шаги, торопливо отдаляясь, стихли за поворотом. И сам же ответил: — Обсуждать себя, свой мир, то, что с нами произошло, мы можем, но наедине. Как только еще кто-то оказывается в пределах слышимости, тут же немеем. Оба.

— И написать не получается, — прибавила я угрюмо. — В общем, обложил нас неведомый шутник со всех сторон. Знать бы еще, что за гад

так забавляется.

Подошла к Петьке, уткнулась лбом в его грудь.

— Наверное, это к лучшему. Не появится искушения все герцогу выболтать. Вот представь, приходим мы...

— Складываем молитвенно руки, — подхватил братец, — и хором каемся: «Извиняйте, господин хороший, сами мы не местные. Он Петя... Она Маша. Как здесь очутились, не ведаем».

— Шли — поскользнулись — упали — закрытый перелом — потеряли сознание — очнулись — гипс... То есть Риос, — продолжила я, хотя веселиться совсем не хотелось.

— Вот Саллер-то обрадуется, — язвительно хмыкнул Петька. — Кузен исчез, его место занято непонятно кем, а «непонятно кого» жалеть уж точно не стоит. Вытрясет мою душу из графского тела и как начнет на тебе жениться. Или королевским детишкам отдаст. Для регулярного магического приплода.

— Говоришь обо мне, как о корове! — Серdito ткнула доморощенного циника кулаком в бок.

— А что, хэленни от нее чем-то принципиально отличается? — Меня скептически оглядели. — Сомневаюсь. От Буренок требуются молоко, мясо и телята, от этих несчастных — суперспособные дети. Мнение производительниц ни в том, ни в другом случае не учитывается.

— Неизвестно, на что завязан дар, на душу или тело. Вдруг он исчез вместе с Мэарин?

— Вдруг только дети случаются, — парировал Петька. — А все остальное требует проверки. Вот маги и примутся тебя... проверять — усердно и ежедневно, со всем своим нерастраченным исследовательским пылом. Пока не родишь какую-нибудь «неведомую зверушку». Устраивает такой расклад?

Я энергично затрясла головой, наотрез отказываясь от сомнительной чести.

— То-то же. И вообще, даже если в конце концов выяснится, что ты не хэленни и не представляешь особой ценности, не факт, что в живых оставят. До сих пор непонятно, как здесь к попаданцам относятся. Мы ведь не просто переселенцы, а фактически захватчики чужого движимого имущества. Вполне вероятно, за это к смертной казни приговаривают. А у тебя ни родственников, ни друзей, ни связей, ни поддержки — одни враги. Заступиться некому.

Мы застыли, думая каждый о своем.

— В общем, на Риосе нам жизни не будет, — тоскливо констатировала

я через пару минут. — Домой надо, в свой мир и собственные тела.

Еще немного постояли, потом переглянулись и одновременно произнесли:

— Жрецы.

— Надо поскорее добраться до Древней обители. — Я вцепилась в Петькину рубашку.

— И вытрясти из дедков все, что им известно, — с воодушевлением поддержал братец. — Наверняка ведь знают что-то, жуки старые.

— Ну, судя по воспоминаниям Мири, не такие уж они и старые.

— Неважно. Главное, чтобы выслушали, поняли и помогли. Что если, на наше счастье, они видящие? Не обнаружат в телах тех душ, что венчали, и аннулируют брак.

— Угу... И нас тут же объявят попаданцами, захватчиками, приговорят к смертной казни, выдадут еще раз замуж, пустят на опыты, сдадут разъяренным родственникам Ольесов... Что там дальше по списку? — Я горестно засопела. — Ох, Петюндр, как же нам из этой засады вывернуться? Причем желательно живыми, а по возможности и невредимыми.

— Попросим у них политического убежища... именем Танбора. И неприкосновенности.

— Угу... дипломатической.

— Да хоть какой.

— Послы неведомого, но дружественного мира, — протянула я иронично. — Вот и пошлют нас... куда подальше.

— Пошлют — вернемся, — оскалился Петька. — С магнитиками на память. Ладно, что толку гадать, на месте разберемся.

Глава 10

Где-то далеко-далеко раздавались шаги, шушуканье, сдавленные покашливания. Потом что-то звякнуло, брякнуло, хлопнуло... упало. Снова шаги, натужный кашель — кому-то явно пора к врачу — и, наконец, неуверенное, но громкое:

— Доброе... гхм... утро.

— Утро добрым не бывает, — вяло парировали где-то совсем рядом.

— Угу... — поддержала я с детства знакомую истину и сладко зевнула. — Оно или «гадство, опять вставать» или «все неважно — сплю до обеда».

Бормотала я тихо и в подушку, но меня тем не менее услышали и откровенно обрадовались.

— Простите, не хотели вам мешать, но... — пропищало взволнованное, чуть виноватое женское сопрано.

— Уже... обед. — Принял эстафету бодрый мужской тенор.

Неожиданно.

— Милорд, миледи... — опять вступила женщина.

Милорд? Миледи? Что за?.. Недоумение быстро развеяло остатки дремотного оцепенения. Открыла глаза, столкнулась с сонным, немного расфокусированным взглядом и мгновенно вспомнила все, что произошло ночью.

Ох... Надеюсь мне это не приснилось.

— Привет, — шепнула, настороженно присматриваясь.

— Привет, Мерихлюндия, — меня нежно щелкнули по носу, и я облегченно выдохнула.

Не приснилось.

— Как настроение?

— Сложно сказать... — задумчиво протянули в ответ и беспокойно завозились, устраиваясь поудобнее. — Вроде нормально, но не оставляет ощущение, что забыл сделать что-то очень важное.

— М-м-м... Выспаться?

— Именно. И как только угадала?

— Почувствовала... Всем своим не успевшим отдохнуть организмом.

Мы слаженно хихикнули, не переставая улыбаться, Петька еще и подмигнул. Счастье — это когда тебя понимают. Старая истина, но всю ее глубину и мудрость я осознала только сейчас.

Спали мы и правда катастрофически мало. Всю ночь обсуждали, спорили, составляли планы, хватались за книги, лихорадочно листали их, отбрасывали в сторону и вновь говорили... говорили... говорили... Уже давно рассвело, за окном вовсю горланили птицы, пробудившийся дом постепенно наполнялся звуками и деловитой суетой, когда Петька наконец устало потер глаза и решительно встал.

— Так, Маха, давай-ка спать.

— Но...

— На сегодня достаточно, — на корню пресек мой бунт братец, — а то днем соображалка в самый ответственный момент откажет, и на чем-нибудь точно проколемся. Тебе с подсказками от Мэарин проще ориентироваться, а я как по болоту бреду, да еще и с завязанными глазами. Так что давай пока остановимся и подытожим.

Он действительно остановился... перед кроватью, скептически разглядывая две подушки и громадное одеяло. Одно-единственное. Покопался на меня. Я развернулась и потопала в гардеробную — кажется, в шкафу плед лежал.

— Первое, — повысил голос Петька, — мы попали в другой мир и в чужие тела. Как? Неизвестно. Когда? Во время нападения на карету новобрачных или сразу после. Причем тебе оставили память Мири, а вот у меня никаких воспоминаний, кроме моих собственных, нет. Кстати, где души настоящих Ольесов, тоже неясно. Погибли, попали в наши тела, неприкаянными витают поблизости...

— Угодили в ловушку, — крикнула я, перерывая очередную полку. Где же этот плед?

— Вот-вот. Версий много, остается только предполагать. Второе. Зачем мы здесь? Удастся ли вернуться или придется привыкать и обживаться? Совершенно непонятно.

— Легче перечислить, что понятно, — буркнула я, вернувшись в спальню и расстилая на кровати найденное покрывало.

— Пожалуйста, — братец нырнул под плед, с удовольствием потянулся, дождался, пока мы с одеялом расположимся на второй половине огромного ложа, заложил руки за голову и продолжил: — Ты хэленни, брак у парочки нерасторжимый, пока не родишь ребенка — меня в любой момент могут убить, а тебя украсть или передарить другому. Претендентов хватает, каждый второй маг, если не первый.... Не считая самого расторопного из них — Могира, который успел подсуетиться раньше конкурентов. Рассказать о себе мы не в состоянии, а если и сумели бы, не факт, что в итоге получилось бы лучше. Все это минус.

— Маленький такой, — горько сыронизировала я.

— Жирный, — не согласились со мной. — Но имеются и плюсы. — В мою импотенцию верят, значит, у нас есть неделя-две... Нет, две ждать не станут, максимум дней десять. Потом прикинемся, что все в порядке и доложим, что консуммировали. Главное — понять, можно ли это как-то проверить? Магически, например. Если нет — еще время выгадаем. Ну а дальше... — Петька запнулся, продолжил неуверенно: — Саллер привязан к кузену и, пока считает, что я — это он, станет защищать.

— Есть другой вариант, — напомнила глухо. — Дети от Саллера, как рекомендовал его венценосный дядюшка. И ты жив, и король доволен... — Я поморщилась.

— И Саллер удовлетворен, — с яростью закончил брат.

— Что?

— Ничего. А то я не заметил, как он на тебя смотрит... Коз-зел. Нет, Манюнь, это не выход. Я ж тебя прекрасно знаю, всю жизнь прикидываться — не твое. Не вытерпишь. Не нравится мужик — и его изведешь, и сама изведешься. Нравится — не сможешь делить с другой, законной женой, с ума сойдешь.

Не смогу, это верно. Но если не останется выбора, соглашусь на любые условия, лишь бы спасти жизнь брата.

— Так что у нас один путь, — не подозревая о моих мыслях, рассуждал тем временем Петька. — А вот дорог много. В Древнюю обитель, назад на Землю, в Хауддан — вдруг они принимают перебежчиков, в любую страну, где об Ольесах слыхом не слыхивали и где мы затеряемся в какой-нибудь глуши. Куда угодно, только подальше отсюда.

— Из имения так просто не выбраться.

— Поэтому начнем с самого на сегодняшний день доступного — с обители Танбора.

— Герцога еще уговорить надо.

— Уговорим. А сейчас спи. Спи, Маха, — меня заботливо укутали одеялом, подоткнув его со всех сторон, — впереди трудный день.

Я сжала крепкую ладонь и, чувствуя, как от этого прикосновения в груди разливается мягкое, ласковое тепло, закрыла глаза и уснула.

— Миледи, милорд... — продолжали стенать под дверью. — Вас ждут к обеду. Не соблаговолите ли подняться?

— Соблаговолим, — наконец нехотя согласились Петька.

Легко соскочил с кровати, подхватил пледик — по-моему, он с ним уже сроднился — и через пару секунд скрылся в своей гардеробной.

— Как спалось, ваше сиятельство?

О, камердинер уже тут как тут.

— Мало.

— Извините, милорд, а это... этот... вам зачем?

— Люблю по утрам ходить в покрывале. Это вдохновляет.

— Вдохновляет?..

— Ну да. На мантию похоже. Нет? А вот так? Тоже нет? Странно...

Я лежала, слушала, как брат болтает с Гастом, и с лица не сходила блаженная улыбка. Мой Петька рядом, а значит, мы обязательно выпутаемся из всех проблем.

— Леди?.. — В спальню тенью скользнула камеристка.

— Заходи, Дора. — Я махнула рукой и поднялась с кровати. — Так кто там нас ждет?

Через полчаса бодрых сборов мы были полностью готовы встретиться лицом к лицу с притаившимися за дверью сюрпризами чужого мира.

— Манюнь, ты бы сделала лицо печальнее, — шепнул на выходе из гостиной добрый братец. — У тебя муж — импотент. Такая трагедия... такое горе...

— Между прочим, я девушка чистая, невинная и трогательно наивная, — ехидно прошипела в ответ. — Не то что слов таких не знаю — даже приблизительно не представляю, чего я нынче лишилась по милости супруга. Обнял, поцеловал горячо, страстно — и ладно.

Я затрепетала ресницами и преданно уставилась на «мужа». Тот сдавленно хрюкнул и тут же получил незаметный, но ощутимый тычок в бок.

— А вот ты чего веселишься, болезный? Тебе-то как раз не мешало добавить вселенской скорби. И побольше. Всю ночь ведь маялся, страдалец. Ходил вокруг вожделенного приза и облизывался без толку.

Петька собрал рот куриной гузкой, свел глаза в кучку и старательно сдвинул брови над переносицей.

— Так?

— Переигрываешь, — прокомментировала я строго, хотя губы так и норовили разъехаться в улыбке. — У тебя депрессия, личная трагедия, так сказать, а не разжижение мозгов.

Вот на этой оптимистичной ноте мы и добрались до места назначения. Брат тут же прекратил паясничать, изобразил на лице легкую меланхолию, и мы торжественно вплыли в столовую.

Все обитатели Эрменлейва оказались в сборе, за исключением Саллера — и это, безусловно, радовало. Меня не покидало смутное ощущение, что

чем позже нам придется столкнуться, тем лучше. А еще при мысли о герцоге почему-то становилось стыдно за наш обман.

Глупо. И совершенно нелогично.

Да, он спас меня из пожара, приютил в своем доме, охранял, и брат выжил только благодаря его своевременному вмешательству, заботе. В то же время, если не считать последней беседы в парке, я слова доброго от герцога не слышала — одни упреки, обвинения и угрозы. Мы ни о чем не договаривались, я ничего не обещала. С какой стати переживать? И тем не менее чувство вины не проходило. Словно мне доверились, а я... не оправдала.

Встреча с жаждущими общения дамами получилась странной. Нет, сначала все шло очень мило. Свекровь цвела, юная маркиза Тонтен лучилась благожелательностью, даже ее светлость позволила себе скупую улыбку. Мы обменялись церемонными приветствиями, расселись, неспешно приступили к трапезе, и нас начали исподволь, но очень внимательно разглядывать. Минуту, другую... А потом настроение присутствующих заметно изменилось.

Аниаш расстроено насупилась, Истель удивленно заморгала и уставилась в свою тарелку. Дальмира прищурилась, в ее глазах на краткий миг мелькнуло откровенное злорадство и тут же пропало, сменившись мрачной сосредоточенностью, словно герцогиня пыталась распутать какую-то головоломку. Дальше обедали в гнетущей траурной тишине, как на похоронах горячо любимого родственника.

После десерта, когда мы, воспользовавшись первым попавшимся поводом, торопливо раскланивались, «матушка» все-таки не выдержала:

— Пипи, родной, не расстраивайся, — пропела она ласково. — Всякое бывает, особенно первый раз. Уверена, ты соберешься с силами и не посрамишь гордое имя Ольесов.

Петька подавился прощальной фразой и закашлялся. Истель отчаянно покраснела. А ее светлость, покосившись на воспитанницу, сдавленно прошипела:

— Ани, возьми себя в руки и соблюдай хотя бы видимость приличий.

Задерживать нас не стали. Лишь графиня сокрушенно вздохнула, жестом фокусника извлекла откуда-то неизменный кружевной платок, приложила к глазам и замерла. Судя по всему, приготовилась горевать. Основательно так, со вкусом. Значит, пока не опомнятся, хоть ненадолго, но оставят нас в покое.

— Марусь, я в лекарское крыло — Дильфор просил после обеда обязательно показаться, а ты в библиотеку, — распорядился Петька, когда

позади бесшумно закрылась дверь, отрезая нас от напряженно молчащих леди. — Боюсь, не так все просто с этим подтверждением брака, и ждет нас очередная большая подлянка. Заметила, как дамочки отреагировали?

— Угу. Сразу, даже без наших постных мин догадались, что ночью молодые занимались чем угодно, только не консуммацией. Ладно, — торопливо поцеловала брата в щеку и повернула направо, — попробую поискать что-нибудь, а ты давай там побыстрее.

К тому времени как Петька вернулся, бережно прижимая к груди бутылку с очередной порцией местной Виагры, я не только нашла, но успела бегло просмотреть несколько нужных книг. Новости, прямо скажем, особого оптимизма не внушали.

— В общем, так... — Я несколько раз порывалась все объяснить, но горло привычно сжимало спазмом — поблизости постоянно кто-то крутился. Пришлось выбираться в парк и, изображая, что прогуливаемся, резво семенить подальше от дома. — Если коротко — дело дрянь.

— Хм... А подробнее?

— Можно и подробнее. Обычно паре по завершении церемонии в храме надевают специальные браслеты. После подтверждения брака, рождения детей, смерти одного из супругов браслеты меняют цвет и рисунок. Так что по ним всегда все видно — такой своеобразный семейный паспорт. При разводе жрец их снимает.

Петька с сомнением оглядел наши руки, совершенно свободные от каких бы то ни было украшений.

— А?..

— Меня тоже удивляло, что у нас их нет. Тем более Мэарин часто мечтала о том, как на нее нацепят инкрустированные бриллиантами наручники и нарекут графиней Ольес. Но Трэй потащил ее венчаться в Древнюю обитель, а там совсем другой обряд, о котором Мири мало что знала.

— Хуже?

— Сложнее. Танбор в знак своего благословения и нерасторжимости уз дарит молодоженам змей зарока. Это просто так называется, — поспешила успокоить Петьку, заметив, как он брезгливо передернул плечами. — На самом деле змеи — всего лишь брачная татуировка. Вот здесь, на запястье. Первый раз она проступает во время венчания, потом — при подтверждении брака и остается навсегда. После появления потомства, смерти мужа или жены она тоже меняет цвет и рисунок, а вот убрать ее невозможно. У нас татуировка не появилась, и «маменька с тетенькой» мгновенно сообразили, что ночь прошла зря...

— Значит, обмануть никого не удастся, — мрачно подвел итог брат.

— Не удастся... — Я остановилась возле клумбы с ярко-желтыми цветами, похожими на мягкие вязанные домашние тапочки. — Смотри, какие необычные.

— Маха, о чем ты только думаешь? — Петька возмущенно развернул меня лицом к себе.

— О нас с тобой, — подняла руку, вынимая запутавшийся в золотистых кудрях листок, — но цветы все равно забавные. — И продолжила уже серьезно: — Не приживемся мы здесь, Петруш. В поместье оставаться нельзя — если твое «мужское бессилие» затянется, король быстро замену подберет. Бежать в другую страну? Можно, конечно, но... Если верить книгам, благословение Танбора не только связывает, но и отпечатывается на ауре. Ни один жрец этого мира не даст разрешения на другой брак. Ни тебе, ни мне. Не будет у нас на Риосе ни настоящих семей, ни законных детей. Вот так вот.

В мрачном молчании мы сошли с безлюдной в этот час аллеи и, петляя между причудливо подстриженных кустов, не спеша побрели по траве.

— Одно утешает, — подал наконец голос Петька. — Твой безумный план спасти меня, переспав с герцогом, теперь бесполезен.

— Какой план? — тут же ушла я в глухую несознанку.

— Ой, Манюнь, не тупи, — бросили мне с досадой. — Я ж тебя чувствую, как себя... нет, даже лучше. Себя я не всегда понимаю, а вот твои желания — как на ладони. Наверняка собралась героически пожертвовать собой и отдаться герцогу, чтобы сохранить мне жизнь.

— Ну...

— Не нукай. Это с самого начала была плохая идея — я говорил, но ты ж упертая. А сейчас и вовсе смысла нет. Даже если у вас появится с десяток детей, твою брачную татуировку это не активирует. Она появится только после ночи с законным мужем.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно скривились.

— Вот, — подытожил братец, — Саллер-то не в курсе, что для нас данный вариант категорически исключен. Ни сейчас, ни через месяц, ни через год — мы никогда на это не согласимся. А он подождет, подождет, а как ты забеременеешь — прибьет меня, чтоб никто не мучился. А главное, чтобы наследник в законном браке родился. Кузен-кузеном, но ребенок всяко дороже.

— А вдруг он узор подделать сумеет?.. — предположила неуверенно.

— Угу... Татуировку быстренько симитирует — причем и мою и твою, ауры ловко подрисует, поселит нас рядом, чтобы всегда контролировать, и

заживем мы сплоченной шведской семьей.

— По вечерам станем пить чай на открытом воздухе... — не удержалась я от цитирования.

— И государь, узнав о такой бескорыстной дружбе, пожалует нас генералами... — закончил Петька.

Гоголя мы оба одинаково нежно любили.

— Маха, я не слепой, вижу, что он тебе нравится. Нравится-нравится, не морщись. Не представляю, правда, почему. Жесткий, высокомерный, самоуверенный козе... хм... собственник, — смягчил определение братец. — У такого шаг вправо, шаг влево — гибель на месте. Ты ж подобных упертых индивидов на дух не переносила и всегда от них шарахалась, а тут прямо сахарной лужицей растекаешься. Ладно, дело твое. Сколько угодно на него облизывайся, но на почтительном расстоянии. Так что губы закатай, слюни подбери...

— Пе-еть...

— Подбери, я сказал. Не для тебя он. А ты не для него. Герцогу официальная жена нужна, наследники силы, магии и титула. Опять же — законные. Ты этого дать ему не в состоянии. Даже адюльтер с ним для тебя невозможен. — Петька сочувственно погладил меня по руке. — Вот смотаемся отсюда — туда, где нас никто не знает, и, если домой попасть не выйдет, поселимся в глуши, назовемся братом и сестрой, а там... Неизвестно, как жизнь повернется, вдруг и под нашими окнами перевернется телега с пряниками.

— Я, Петюш, сама себе сто раз это говорила, — протянула тоскливо, — но... Не понимаю, что происходит... Такое ощущение, что меня к Саллеру приковали крепко-крепко, привязали невидимыми путами, так, что дергайся — не дергайся, а не вырвешься.

— Тем более. Пока не разберемся, в чем тут дело, держись от него подальше. Это не наш мир, тут всякие магические привороты и заклинания подчинения — обычная вещь.

Мы выбрались из зарослей недалеко от маленькой полукруглой беседки.

— Зайдем? — Я кивнула на вход. — Ты, наверное, устал.

— Все в порядке. — Петька настойчиво тянул меня дальше. — Значит так, как только Саллер появится, я еще раз попрошу отвезти нас в Древнюю обитель и ненадолго оставить с жрецами наедине. Мол, хочу посоветоваться о личном. Кстати, если эти божьи служители заметят, что души в телах другие, может, удастся уговорить их и брак незаметно аннулировать. Тогда сбежим из Намарры свободными людьми...

— И абсолютно нищими, — сбила я легкомысленно-радужный настрой. — Ты что-то умеешь делать руками, Петруччо? Строгать, прибивать, выпиливать лобзиком?

— Прибивать... — неуверенно взъерошил волосы мой любимый «умелец».

— Угу... Плакат к стене в офисе и дома по мелочам — на этом твои таланты к ручному творчеству исчерпываются. И я ни в прачки, ни в кухарки, ни в горничные не гожусь. Да мы с тобой в деревенском доме даже печь правильно затопить не способны. Магии Ольеса у тебя тоже пока нет?

Брат отрицательно тряхнул головой.

— Вот видишь. Надеюсь, она еще проснется со временем, но сейчас тебя даже деревенским колдуном не возьмут.

— Но ведь у Трэя есть какие-то собственные средства? Не простой человек все-таки. Распоряжусь, чтобы нам побольше денег прислали — мол, жажду жену драгоценностями осыпать. Если их экономно расходовать, чтобы обжиться, хватит, а потом... приноровимся, научимся.

Я только руками развела.

— Трэй не намного богаче нас с тобой.

— Граф? — не поверили мне.

— Именно, граф Трэй Ольес кроме титула, длинного списка предков и полученных в наследство от отца долгов, ничего не имеет. Новобрачные бедны как церковные крысы.

— Как это? — озадаченно заморгал Петька.

Я вздохнула и выложила все, что успела почерпнуть из разговоров с «маменькой-тетенькой», а также прочитать в «Гербовнике высоких родов».

— Жили-были две сестры — графини Дальмира и Аниаш Рead. Первая — умница-красавица. Вторая тоже хороша, но вот с умом промашка вышла, весь старшей, судя по признакам, достался. Дальма первой достигла брачного возраста, и ее заметил сам Антан Саллер, герцог Фоарндский — брат его величества. Невероятное везение для девушки из аристократической, но не приближенной ко двору семьи. Все надеялись, что младшая составит столь же удачную партию, тем более желающих косвенно породниться с Саллерами оказалось предостаточно. Но... избалованная и взбалмошная Ани, привыкшая, что ее капризам потакают и родители, и старшая сестра, предпочла выйти замуж по любви. Скандалами и истериками она вынудила отца согласиться на ее брак с Леонтом Ольесом. Молодой граф был потрясающе красив, красноречив, обладал учтивыми манерами и умел произвести впечатление на юных

неискушенных глупышек.

— Эти Ольесы просто профессиональные соблазнительницы невинных дев, — пробормотал Петька, и в его голосе скользнуло невольное восхищение.

Или мне показалось?

— Потомственные ловеласы, — хмыкнула я, — при виде которых девицы в обморок от восторга падают и сами в штабеля укладываются. К сожалению, этим достоинства Леонта и исчерпывались. Он быстро промотал свое состояние и приданое жены. Кутил, играл, менял любовниц, но Аниаш все прощала и разводиться категорически отказывалась. Такая вот странная любовь.

— Да уж... — глубокомысленно изрек Петька.

Больше у него слов не нашлось.

— Неизвестно, сколько все это продолжалось бы, но лет восемь назад Ольес-старший погиб при каких-то темных обстоятельствах. Я так и не поняла толком, что случилось. То ли напился и утонул в реке, то ли его утопили «доброжелатели». Так или иначе, Аниаш с сыном осталась одна и почти без средств к существованию. Дальмира и раньше материально поддерживала сестру, а с тех пор как Ани овдовела, выделяет ей и племяннику ежемесячное довольно щедрое содержание. То есть формально Трэй граф и глава семьи, но реально...

— Нищий и безработный.

— Не совсем так, но близко...

— Как ему только в голову пришло увести невесту у того, от кого он полностью зависит? И на какие «шиши» он собирался жить с молодой женой? — Петька ошеломленно уставился в пространство.

— Ты у меня спрашиваешь? — осведомилась иронично. — Могу лишь предположить, мальчишка привык, что Саллер с детства о нем заботится и спускает все шалости.

— Ничего себе шалость...

— Ну да, забавная такая и совершенно невинная. Так что кузен и тетя пожурят, конечно, подуются немного, пока новобрачные наслаждаются друг другом и медовым месяцем, а потом умилятся и простят. Тут и благословение от отца Мири подоспеет, а вместе с ним щедрое приданое. И будет миру мир, а виновным — радость и счастье.

— Мда... — Петьке по-прежнему не хватало слов.

Услышанное его явно подкосило. Он добрал до скамейки, полуприкрытой длинными цветущими побегами плюща, медленно опустился, откинулся на спинку и начал преувеличенно внимательно

наблюдать за скачущей по лужайке птичкой со смешным ярко-зеленым хохолком.

— Кстати, — птица, наконец, улетела, и брат снова перевел взгляд на меня, — а почему бывший жених Мэарин герцог? Его отец тоже умер?

— Нет, жив-здоров. — Я пожала плечами и села рядом. — У намаррцев иной принцип присвоения дворянского титула, чем у нас. Старший сын и наследник получает его при рождении. Так что Роэм давным-давно герцог Саллер, а вот приставку Фоарндский — это название родовой провинции — он примет только после смерти батюшки.

— Понятно... — Петька помолчал, а потом вернулся к тому, что его сейчас занимало больше всего. — Как бы ни был Трэй беден, небольшую сумму нам все равно удастся собрать. Но сначала необходимо пообщаться со жрецами. Это сейчас самое главное. Маняш, — он придвинулся, взял меня за плечи, всмотрелся в лицо, — еще раз прошу, к герцогу без веской причины не приближайся. Мири ведь его боялась? Вот пусть он и дальше считает, что ты при виде него от ужаса в истерику впадаешь. Обещаешь?

Кивнула. Легко сказать «не приближайся», согласиться тоже нетрудно, к тому же хозяина сейчас нет в Эрменлейве. А вот когда он приедет, все станет гораздо сложнее, особенно если учесть, что сам мэссер ничего никому не обещал.

Я как в воду глядела.

Саллер появился через несколько дней, и по иронии судьбы я, конечно, сразу же с ним столкнулась.

* * *

После неудачной — с точки зрения окружающих — первой брачной ночи нас с братом оставили в покое. Даже Аниаш лишь издали обволакивала участливо-скорбными взглядами, но если подходила, то ненадолго и вниманием не докучала. Лишь бормотала в очередной раз:

— Устрицы, Мири, детка... устрицы творят чудеса, вот увидишь... И перепелиных яиц побольше...

В Эрменлейве воцарилась гнетущая атмосфера, словно в имении объявили траур по покойнику. Дамы старательно делали вид, что ничего необычного не происходит, но их хмурые гримасы, жалость во взоре — у всех, даже у Дальмиры — свидетельствовали об обратном.

Каждый день начинался одинаково — настороженное изучение наших рук, многозначительные перешептывания, сдвоенные вздохи и растущее

напряжение. После того как прислуживающая за столом челядь тоже переняла моду исподтишка коситься в нашу сторону, мое терпение лопнуло. Я стала надевать платья с длинным рукавом, а запястья надежно прикрывать широкими браслетами. Шкатулка с драгоценностями нашлась в гардеробной, и я долго колебалась, прежде чем взять чужие украшения, но потом все-таки решилась. В конце концов, ничего с ними не случится — верну в целости и сохранности.

За трапезой с нами еще пытались вести какие-то разговоры: о погоде, природе, еде, но по окончании леди, мгновенно подхватившись, исчезали, явно чувствуя себя неловко в нашей компании. Как гости в доме смертельно больного, которому они ничем помочь не в состоянии, и поэтому очень стесняются своего здоровья, особенно заметного на фоне удручающего состояния хозяина.

Нам это было только на руку.

В то утро, после очередного благопристойно-унылого совместного завтрака, мы распрощались с родственниками и занялись более важными для себя делами. Петька умчался в лекарское крыло на обязательный осмотр к Дильфору, а я сгребла просмотренные фолианты и отправилась в библиотеку поменять их на новые. Последние ночи мы усиленно знакомились с географией Риоса, картами Намарры и граничащих с ней стран, а также со всеми возможными способами перемещения в этом мире.

Стопка получилась внушительной, высокой и ощутимо весомой. Я медленно плелась вперед, поддерживая тяжелые тома снизу руками, а сверху — подбородком, и мысленно ругала себя на все лады. Вот что мне стоило не лениться и носить партиями? Давно бы уже обернулась несколько раз, вместо того чтобы изображать черепаху, почти на ощупь пробираясь к цели. Когда до заветной двери оставались считанные метры, нога неожиданно подвернулась. Я дернулась, книги разъехались и в беспорядке рассыпались по паркету.

Чертыхнувшись, бросилась подбирать. Первая... вторая... восьмая... А где еще одна? Коридор казался пустым — кроме меня и широкой мраморной тумбы на невысоких ножках поблизости никого и ничего не было. Еще раз огляделась, встала на четвереньки и просунула ладонь между тумбой и полом, стараясь нащупать пропажу. Ага... вот она.

— Мэарин? — При первых звуках знакомого низкого голоса я буквально оцепенела. — С вами все в порядке? Я могу чем-то помочь?

Представила открывшуюся случайным зрителям картину... Оценила. Несколько мгновений всерьез обдумывала, получится ли у меня просочиться в узкую щель и присоединиться к уютно устроившейся там

рукописи, а потом вместе с ней провалиться под пол — для надежности. Прикинула, что при всем моем желании это нереально, выдохнула и плавно поднялась.

— Все хорошо, благодарю вас.

Отряхнула платье, старательно расправила подол, а затем с достоинством выпрямилась, разворачиваясь к Саллеру, застывшему у распахнутых дверей библиотеки. Судя по всему, он находился внутри, отреагировал на грохот падающих книг и...

— Добрый день, графиня. — Услышала хрипловатое приветствие и только тогда осознала, что уже несколько секунд как замороженная пялюсь на стоящего передо мной мужчину.

— Здравствуйте, ваша светлость.

Поспешно отвела взгляд от его губ. Сообщила, куда я только что смотрела... Расстроилась... Разозлилась... Поклялась больше так не делать никогда в жизни... или по крайней мере ближайшие пять минут и, чтобы скрыть смущение, выпалила первое, что пришло в голову.

— Рада вас видеть.

— В самом деле? — Черные глаза остро блеснули.

Растерянно замялась — кто же простые слова вежливости воспринимает так буквально? А потом вдруг поняла, что действительно рада его видеть. Тем более вот такого — не язвительного, злого и обвиняющего, а встревоженного тем, что со мной случилось, предлагающего помощь.

— Да. — Мягко улыбнулась и заметила, как дрогнул в ответ уголок его рта. — С возвращением, милорд.

Повисла пауза.

— И чем же вы занимались, позвольте узнать? — откашлявшись, продолжил расспросы так не вовремя объявившийся хозяин дома.

— Собирала книги. — Я нервно передернула плечами. — Одна отлетела вон туда, и мне никак...

Не успела договорить. Герцог стремительно шагнул к тумбе — один удар сердца... другой... — и мне уже протягивают то, что я с таким трудом пыталась достать.

— А где Трэй, почему вы одна? Разве он не должен был помочь?

Напоминание о брате мгновенно отрезвило. Он ведь просил держаться от королевского племянника подальше. А я что творю? Дура...

— Муж сейчас у Дельфора. — Фраза получилась суше, чем хотелось, но это, наверное, и к лучшему.

Выпалив скороговоркой «Спасибо», потянула к себе книгу, однако

Саллер не торопился отпускать. Удивленно вскинула голову — мэссер, вцепившись в злосчастный фолиант так, что побелели кончики пальцев, не отрывал жадного взгляда от моих запястий.

Тоже ищет следы татуировок? Да что ж им всем нейдет? Наверняка ведь лекарь каждый день о состоянии новоиспеченного супруга докладывает. Зачем же так демонстративно интересоваться, переспал граф с хэленни или нет?

— Вы носите браслеты, — глухо пробормотал мужчина.

Промолчала, не зная, что на это ответить, еще раз аккуратно дернула книгу, и герцог оторвался от изучения моих рук, обратив внимание на то, что я так настойчиво пыталась у него забрать.

— «По следам кошмаров, или Расскажи мне про Хауддан», — громко прочитал он название, выписанное на обложке крупными витиеватыми буквами. — Вас занимают Запретные Земли, миледи?

Мэссер наконец выпустил книгу, и я перехватила многострадальный том, стиснув его ладонями.

— Не меня... Трэй надеется вспомнить...

— Тогда сочинение барона Тензы ему точно не подходит. Этот неугомонный лорд отличался бурным воображением и очень любил преувеличивать.

Ясно. Очередной Мюнхгаузен — таких в каждом мире немало найдется.

— Если позволите, я мог бы предложить другую рукопись, гораздо более занимательную и правдивую. — Герцог качнулся вперед. Теперь нас разделяло всего несколько шагов и прижатый к груди опус местного доморощенного фантаста. — Хотите?

Кивнула, и Саллер отошел в сторону, освобождая мне дорогу.

— Идемте.

Двинулась к библиотеке, охнула от прострелившей щиколотку боли — кажется, я все-таки очень неудачно подвернула ногу — и тут же почувствовала, как меня бережно обнимают, надежно подхватывая за локти.

— Миледи?.. — Странно мерцающие, еще больше потемневшие от беспокойства глаза внезапно оказались совсем близко. — Вам плохо?

Чужие ладони мягко погладили предплечья, обжигая кожу даже сквозь ткань платья.

— Ничего страшного. — Близость горячего сильного тела будоражила, сердце билось уже где-то в горле. — Просто я...

Договорить не удалось.

— Убери от нее руки, — гневно разнеслось по коридору, и я чуть не застонала от досады.

Да почему ж сегодня все так удивительно «кстати» случается?

Глава 11

— Рэм? — Повысил голос Петька. — Ты меня слышал?

Судя по звукам, он не шел, а почти бежал, торопясь «встать грудью» и защитить сестру от негодяя, посягнувшего на ее честь. Эх, не вовремя в нем проснулись братские чувства.

Саллер не ответил. Вместо этого — на миг, не больше — прижал меня к себе и, не давая взглянуть на то, что творится за спиной, подхватил на руки. Отнес в библиотеку, осторожно разместил на диване, еще раз внимательно осмотрел и только потом развернулся к догнавшему нас родственнику.

— Не трогай мою жену! — братец просто пылал негодованием. — Оставь ее в покое.

Какая муха его тяпнула? Согласна, со стороны наши «объятия» в коридоре выглядели очень двусмысленно — вполне можно было предположить, что мэссер ко мне нагло пристает, а я безуспешно отбиваюсь. Но ты разберись сначала. Зачем же сразу лезть в бутылку? Я уже открыла рот, чтобы все объяснить, но герцог меня опередил.

И лучше бы он этого не делал.

— Не трогать твою жену? — бесстрастно повторил он. — Вот как... — Наклонился, быстрым движением сдвинул браслет на моей руке вверх. — Она тебе не жена... пока. И не известно, станет ли. — Мягко провел пальцем по чистой коже запястья, выпрямился и заложил ладони за спину.

Так... Судя по всему, этот тоже закусил удила — не остановить. Да почему ж мужики так любят меряться... гм... размерами своего достоинства? Все кругом козлы, один я — невообразимая крутотень...

— Не тебе решать. — Брат упрямо тряхнул головой и шагнул вперед, загораживая меня от хозяина дома.

— Уверен?

Чем злее и напряженнее становился Петька, чем больше заводился, тем сдержанней вел себя его противник. Стоял, внешне спокойный, расслабленный, чуть покачиваясь с пятки на носок, но было в его речи и взгляде что-то такое, от чего внутри все холодело. Острое как бритва. Жесткое. И очень опасное.

— Нравится зариться на чужое? — не унимался мой бравый защитник. Господи, что он несет?

— Не такое и чужое, — парировали насмешливо. — А вдруг судьба

дает шанс вернуть то, что до этого у меня же нагло украли. Как думаешь, Трэй?

— Ты не посмеешь...

— Да? — Герцог нарочито удивленно вскинул брови. — И кто меня остановит? Подожди, сам догадаюсь... Неужели ты? Мальчик наконец-то вырос и теперь учится скалить зубы? — Он ласково и почти участливо улыбнулся. — Не рано ли?

Петька порывисто сжал кулаки.

— Если прикоснешься к ней, я...

— Ну... — подбодрил мэссер и снова качнулся с пятки на носок. — Что же ты сделаешь, малыш?

Матерый волк забавлялся, подстрекая и распаляя щенка, а тот велся на подначки, как последний идиот. Куда делся мой относительно разумный и толковый брат? Неужели не понимает, что говорить в таком тоне с Саллером как минимум чревато неприятностями? И герцог тоже хорош. То изо всех сил защищает кузена, рискуя вызвать неудовольствие короля, то усиленно дразнит, провоцируя на необдуманные поступки.

Пора вмешаться и закончить этот балаган.

— Пе... — начала я, добавив в голос побольше истерически-испуганных ноток, и тут же сообразила, что сейчас не тот момент, чтобы называть Петьку настоящим именем.

Ничего страшного, конечно, не произойдет, мало ли какие семейные прозвища выдумывают друг другу влюбленные, но... все же пока не стоит. Торопливо исправила на максимально близкое:

— Пи...

И осеклась, потому что на меня немедленно уставились оба. Петька — возмущенно. Саллер — изумленно.

— Пеп-пи... — произнес мэссер с непередаваемой интонацией. — Пеппи... Птарх побери, тетя Аниаш будет в восторге.

Я смутилась. Брат гневно засопел. Мда... Надо спасти репутацию «мужа», по которой нынче не только герцог потоптался, но и собственная вроде как «супруга» умудрилась прогуляться.

— Дорогой, — позвала нежно.

Приподнялась, поморщилась и снова упала на диван, смаргивая невидимые слезы. Оба мужчины слаженно бросились ко мне.

— Мэарин? — Герцог и тут опередил соперника, но я ждала не его.

— Ма... ри? — А вот и мой Петюня.

Обвила шею брата дрожащими руками.

— Больно, — пожаловалась жалобно.

— Что с тобой, солнышко? — Меня нежно погладили по волосам.

Краем глаза заметила, что Саллер отстраняется, и испытала невероятное сожаление от того, как помрачнело, замкнулось его лицо.

— Шла сюда, зацепилась за что-то, рассыпала книги, да еще и ногу подвернула. Теперь ступить не могу. — Судорожно вздохнула. — К счастью, его светлость находился в этот момент в библиотеке и услышал шум. Собрал книги, поддержал, когда я чуть не упала...

Губы говорили одно, а взгляды — совсем другое. Мы с близнецом с детства без слов понимали друг друга.

— Ты зачем нарываешься?

— Он тебя лапал.

Петька даже сейчас умудрялся хмуриться.

— Не лапал, дурень, а помогал.

— Вот только сказки не рассказывай, ладно? А то я не знаю, как мужчины в таких случаях «помогают». Воспользовался случаем. Гад.

— Если он гад, то ты самый настоящий осел. Осел-камикадзе. Ну ничего, я с тобой потом побеседую.

— Кто с кем еще побеседует.

Братец непримиримо сверкнул глазами.

Я чуть не зарычала — вот болван упертый.

— Потерпи, милая, — уловив перемену в моем настроении, моментально перестроился родственник, — сейчас отнесу тебя к Дильфору...

— Нет необходимости, — голосом герцога можно было резать сталь, — я уже его вызвал.

— Спасибо, — шепнула, пряча лицо на груди Петьки. Смотреть на Саллера в эту минуту не хотелось.

Поскорее бы мастер явился. Он живо поставит меня на ноги, а когда вернемся к себе, уж там я выложу «дорогому» все что думаю. По-моему, кое-кто слишком заигрался в графа и совсем потерял осторожность, доказывая свою мужскую состоятельность.

К сожалению, лекаря опередили.

— Рэм? — мелодично пропели от двери, и я испытала сильнейшее желание побиться головой о стену. — Сын, что здесь происходит?

Просторный зал как-то неожиданно быстро заполнился людьми. Почти сразу за сестрой вбежала взволнованная Аниаш, и мэссер отвел их в сторонку, что-то сердито втолковывая. Хорошо еще, что ее светлость не притащила с собой воспитанницу, только Истель сейчас здесь не хватало. Зато на пороге мелькнула камеристка Дальмиры. Помялась, пытаясь

привлечь внимание госпожи, но та, увлеченная разговором с сыном, никак не отреагировала, и служанка, потупившись, исчезла. Вот чуется мое сердце, матушка Саллера не случайно забрела в библиотеку — не припомню, чтобы она приходила сюда за книгами, и слишком уж «своевременно» все получилось. Наверняка ушлая девица успела донести хозяйке, что братья выясняют отношения, вот леди и поспешила вмешаться. Совершенно зря, кстати. Мы и без них разобрались.

Следом за дамами явились Дильфор с Леомом. Лекарь осмотрел ногу, покачал головой, что-то пробормотал и принялся доставать какие-то склянки из сумки, которую принес подмастерье.

— Что с ней, мастер? — Петька сжал мою ладонь.

Герцог тут же прервал беседу и повернулся в нашу сторону.

— Вывих, — кратко отчитался Дильфор, обращаясь к обоим мужчинам сразу. Заставил меня проглотить какое-то снадобье, нанес на лодыжку приятно охлаждающую мазь бурого цвета и сноровисто зафиксировал повязкой. — Придется пару часов полежать. — Он закончил свои манипуляции и выпрямился.

— Пару часов? — переспросила недоверчиво.

Насколько мне известно, поврежденный голеностоп восстанавливается не меньше двух дней, а то и четырех. Сбоку хмыкнул братец, полностью разделяя мое недоумение.

— Увы, миледи, — развел руками лекарь, — к сожалению, после болезни у вас еще не полностью восстановились магические протоки. Это немного тормозит регенерацию, поэтому отек и не спал сразу. Придется подождать. Отдохните, я зайду после обеда, чтобы поменять повязку. Уверен, вечером вы уже сможете встать.

Мы с Петькой обменялись красноречивыми взглядами, безмолвно договариваясь прибавить еще несколько книг к уже запланированным.

В покои я отбыла на руках «мужа». Саллер подходить не стал, но внимательно следил за тем, как меня выносят из библиотеки.

— Спасибо за помощь, ваша светлость, — поблагодарила, проплывая мимо.

Мэссер прищурился, легким движением обозначил поклон.

— Не стоит благодарностей, миледи.

— Поправляйся, детка, — подхватила свекровь, дотрагиваясь до моей руки.

Кивнула, перевела взгляд на герцогиню и почувствовала, как деревенеют растянутые в дежурной улыбке губы. То, как смотрела Дальмира, мне не понравилось. Очень не понравилось.

Брат донес меня до гостиной, сгрузил на диван. Внимательно выслушал Леома — вот это выпить до обеда, а вот это — непременно после. Даже не поморщившись, терпеливо перенес назойливые причитания Доры над несчастной госпожой. Приказал не беспокоить нас до обеда, потому что лекарь велел миледи отдыхать. Выпроводил всех и, когда за последним ушедшим закрылась дверь, развернулся, наставив на меня палец.

— Ты назвала меня Пеппи, — рыкнул он разъяренно.

— Прости, случайно получилось, — повинулась я и тут же перешла в наступление. — Хотя вел ты себя, как самый настоящий Пеппи или как Пíпи, что, в принципе, одно и то же. Ты зачем на герцога набросился? Обвинял, угрожал? Он же мне всего лишь помочь собирался...

— Вот и помогал бы, — огрызнулся Петька. — Для этого совсем не обязательно тискать, за руки хватать и гладить. Или скажешь, это галлюцинации и мне просто показалось?

Опустила глаза, вспомнив прикосновения Саллера, обжигающе горячие ладони, медленно, томительно медленно скользящие по руке вверх.

— Вот видишь! — Брат правильно истолковал мое замешательство. — Я же просил держаться от него подальше, Машуль. «Подальше» значит обходить стороной, а не липнуть при каждом удобном случае. А ты что? «Спасибо, милорд... Я вся ваша, милорд...»

Он усиленно захлопал ресницами и добавил в голос высоких мягких ноток. Неужели я так глупо веду себя в присутствии Саллера?

— Ну, знаешь, — дернулась возмущенно и тут же скривилась — щиколотка все еще болела, — ты тоже вел себя не лучшим образом. Набычился, угрожал, только что копытом не бил и пар из ноздрей не пускал — а так прям бык перед тореадором с красной тряпкой. А это твое: «Если прикоснешься к ней, я...» И что бы ты сделал? Забодал? Так ты мне не настоящий муж, рога у тебя не вырастут, что бы со мной ни случилось. — Беспомощно махнула рукой. — Герцог раздавил бы тебя играючи. И что потом мне делать? Как жить? Отомстить и героически умереть?..

Я сердито отвернулась.

В комнате повисла тишина.

— Машк, я когда-нибудь вмешивался в твою личную жизнь, запрещал с кем-нибудь встречаться? — примирительно заговорил Петька. Он уже остыл, да и я тоже. Мы не умели долго дуться друг на друга.

— Нет, — вынуждена была признать.

— Вот. — Он устало опустился рядом. — Даже этого белобрысого Павлика терпел, хотя больше всего хотелось дать ему в глаз. — Стиснул

мои пальцы, не давая перебить. — Но сейчас другая ситуация. Для всех окружающих ты моя законная жена, и, если я позволю посторонним мужикам у себя на глазах хватать тебя за плечи, если промолчу, сделаю вид, что не заметил, меня сочтут слабаком, трусом. Все, и в первую очередь твой драгоценный Саллер. А трус недостоин уважения, с ним никто никогда не считается. Понимаешь?

Вместо ответа я приподнялась, крепко обняла брата и, когда его руки сомкнулись на моей спине, тихо вздохнула. Мы вдвоем, и нам никто не нужен, особенно если это чревато неприятностями для одного из нас.

— Марусь, я давно хотел спросить, но все как-то забывал, — рассеянно протянул Петька, когда мы, помирившись, дружно пили оставленный камеристкой сок. — Ты случайно не знаешь, почему Аниаш придумала сыну такое странное прозвище — Пипи? Я вздрагиваю каждый раз, когда слышу. Представляю, как он себя чувствовал.

— Случайно знаю, — фыркнула я. — Она просто уменьшила полное имя.

— Полное имя? Трэй?

— Нет. — Допила сок и поставила бокал на столик. — Это тоже сокращение, только более удачное. Хозяина твоего тела зовут... — я сделала торжественную паузу, — граф Пиотрей Ольес. — И расхохоталась. — Так себе имечко, правда?

— Да уж, — согласился брат. — Трэй гораздо лучше. — Он помолчал, а затем произнес нараспев: — Мэарин — Маша, Пиотрей — Петя... Ты заметила?..

— Конечно заметила. — Я сладко зевнула. — И уверена, это не просто совпадение.

Снова зевнула. Глаза закрывались сами собой. Наверное, в лекарстве, которое дал Дильфор, было снотворное. Сползла вниз, устраиваясь удобнее, завернулась в наброшенный братом плед и задремала.

Проспала я до самого обеда, который подали прямо в нашу гостиную. Потом пришел Дильфор, осмотрел ногу, снял повязку и разрешил через несколько часов встать. Ужинали мы тоже у себя в покоях. А поздно вечером нас неожиданно навестил Саллер. Холодно кивнул Петьке, вежливо осведомился о моем здоровье и, глядя поверх наших голов, уведомил, что послезавтра утром мы отправляемся в Древнюю обитель.

Время до отъезда промелькнуло удивительно быстро. Не успели мы обсудить, какая информация еще пригодится, и зарыться в книги, лихорадочно отыскивая необходимые сведения и прерываясь на быстрые завтрак-обед-ужин, как вот оно, послезавтра, уже наступило. Заглядывает в окна спальни сквозь неплотно задернутые шторы, скользит по стенам рассветными лучами, оплетает комнату причудливым желтым кружевом.

Ладно, в дороге отоспимся. По воспоминаниям Мэарин, дамы здесь передвигаются большей частью в каретах, а что касается «графа»... Надеюсь, его после тяжелой болезни тоже не заставят путешествовать верхом. В принципе, братец неплохо держался в седле — все детство провел в конном клубе при московском зоопарке, до четырнадцати лет там пропадал, но лучше все-таки не отходить друг от друга. Надежнее как-то.

К счастью, на лошадь не пришлось взбираться ни мне, ни «мужу» — супругов Ольес с удобствами разместили в крытой повозке.

— Не трусь, Мышонок. — Петька легко сжал мою ладонь, наклонился и шепнул с самым серьезным видом: — И не забывай про наш гениальный план.

У меня что, настолько бледный вид, что он решил ободрить?

— К-какой?

— «На месте разберемся» называется. — Мне лукаво подмигнули. — Необыкновенно надежный и очень действенный. Никого еще не подводил.

Не скажу, что я совсем перестала переживать, но настроение после его слов точно улучшилось. Все-таки хорошо, что брат рядом.

Чудесное солнечное утро, легкое волнение в предвкушении грядущих перемен, близкий человек под боком, а герцог, наоборот, где-то там, далеко, за дверью экипажа, теплые объятия, в которые так приятно нырнуть, чтобы немного подремать и успокоиться, — все это, безусловно, не могло не радовать. И радовало... до тех пор, пока мы не свернули с широкой ровной дороги на проселочную.

Карету затрясло, она покатила вперед, бодро подскакивая на каждой выбоине, и уже через полчаса, прокляв все на свете, я твердо уверилась, что над нами таким образом изощренно издеваются. От рытвин и кочек не спасали даже многочисленные мягкие подушки, разбросанные на сиденьях пыточного приспособления на четырех колесах.

— Чтоб этим славным жрецам неделю икалось, — злобно прошипел Петька, которого в очередной раз подбросило вверх, и я резво отползла в сторону, чтобы он не приземлился на мои колени. — Надо же, забрались в необитаемую глушь, да еще и портал отказались устанавливать. Специально придумали?

— Не исключено. — Пожала плечами. — Помнишь, что мы о заповедях обители читали?

— К богу трудна дорога?..

— Вот-вот...

— Но не так же буквально, — возмутился братец, героически поймав теперь уже меня и заботливо опуская на подушки.

— А почему нет? — Я покрепче уцепилась за край сиденья. — Помотаешься из стороны в сторону, стучаясь о стенки, попрыгаешь по бесконечным ухабам и явишься к Танбору, преисполненный благодати и смирения. А портал — слишком просто, даже осознать ничего не успеешь и... преисполниться тоже.

Разветвленная сеть стационарных порталов, охватывавшая почти все государства Риоса, позволяла экономить время и передвигаться с определенным комфортом. Станции, к которым вели относительно безопасные мощные дороги, располагались в каждом мало-мальски крупном населенном пункте. Исключение составляли отдаленные деревни, Шанно-Лансин, а также Запретные Земли и Древняя обитель.

В школе для юных «истинных» никогда не жаловали незваных гостей. А что касается нелюдей и слугителей Танбора, то они проявили удивительное единодушие, категорически запретив создавать порталы и пользоваться любыми магическими переходами в непосредственной близости от своих территорий. Поэтому теперь, вместо того чтобы доехать до соседнего с Эрменлейвом города, переместиться поближе к обители и за пару часов добраться до цели, мы были вынуждены до вечера петлять по лесам вдоль границы с Хаудданом.

В полдень отряд свернул на узкую, заросшую травой «почти тропинку» и наконец-то встал на привал. Мы дружно вздохнули, отлепились друг от друга и, помедлив, выползли из кареты. Огляделись, перетекли к дереву, упали на постеленные шкуры и облегченно замерли, как моряки, оказавшиеся на берегу после долгого изнурительного плавания.

Земля! И самое главное — не качает.

Рядом тут же вырос Дильфор. Озабоченно поводил руками над Петькой, удовлетворенно крикнул, сунул пациенту какую-то пастилку, осведомился, не беспокоит ли меня нога, и оставил в покое. Красота...

Так мы и провалялись в амебообразном состоянии, пока не позвали обедать. Вильм с подчиненными и лекарь устроились чуть поодаль, а вот герцог, который все это время держался в стороне и не предпринимал ни малейшей попытки подойти или заговорить, явно нехотя, скорее всего,

отдавая дань вежливости, присоединился к нам.

Воины о чем-то вполголоса разговаривали, перебрасывались шутками, весело хохотали, а в нашей небольшой компании царила неловкая тишина. Петька, не поднимая головы, поспешно и как-то нервно ел. В отличие от него Саллер казался равнодушно-бесстрастным, но внешнее спокойствие было обманчивым, герцога выдавал взгляд — тяжелый, неестественно напряженный.

Когда молчание стало совсем тягостным, я не выдержала.

— Ваша светлость, а тот портал, след которого обнаружили в лесу... Его ведь открывали неподалеку, верно?

Брат покосился на меня и тут же снова уткнулся в тарелку, но я не сомневалась — он не пропустит ни единого слова. Как мы ни старались, листая книгу за книгой, информацию о межмировых переходах так и не нашли.

— Ближе к Древней обители, но да, действительно не очень далеко. А почему вас это интересует, миледи?

Герцог скептически прищурился. Впрочем, никакой подозрительности или настороженности я в его позе не заметила. Оценивающее внимание, не больше.

Домой хочу — на суматошную, бестолковую, но такую понятную, очень уютную Землю. Вот и выискиваю любую лазейку. Но так ответить я, разумеется, не могла. И опасалась, и... просто не получалось.

— Страшно, — призналась, пожившись, и поняла, что, сама того не желая, сказала чистую правду.

Несмотря на то, что напротив сидел сильнейший маг Намарры, а в десяти шагах обретался его отряд, мне с каждой секундой становилось все неуютнее.

Небо по-прежнему оставалось безмятежно-синим, но гибкие узловатые ветви сплетались над головами так плотно, что почти полностью скрывали его, и солнечные лучи, тускло поблескивая, едва пробивались сквозь пышную листву. Под гигантскими деревьями залегли густые глубокие тени. Они жили какой-то своей, странной жизнью — вздрагивали, дышали, неразборчиво нашептывали что-то монотонно-навязчивое. Но если постараться, можно было различить...

Нет, не стану слушать.

— Миледи, что с вами?

Негромкий окрик — и сковавшее меня оцепенение схлынуло. Тени съежились и замерли, словно затаившись, а невнятное бормотание истончилось, утонуло в шелесте листьев. Ушел дискомфорт. Вокруг шумел

лес, свежий, тенистый и совершенно безопасный. Снова запели-засвистели утомонившиеся на какое-то время птицы, и перестало беспокоить давящее ощущение чужого взгляда — холодного, пристального.

Что это было?

— Марусь? — Теперь заволновался и «муж».

Повернулась к нему, вскользь отмечая, как нахмурился герцог, услышав Петькино «Марусь». Ничего, пусть привыкает. Чем быстрее он перестанет обращать внимание на то, как мы обращаемся друг к другу, отнеся это к глупой прихоти вечно воркующих друг с другом молодоженов, тем лучше.

— Все в порядке? — продолжал допытываться брат. Судя по всему, он ничего не почувствовал и теперь откровенно недоумевал, что же со мной случилось.

Окунулась во встревоженную яркую голубизну его глаз.

— Потом расскажу, — пообещала мысленно.

На миг прикрыла ресницы, а потом улыбнулась обоим мужчинам.

— Простите, неприятные воспоминания. Похищение, пожар... То, как обошлись с Треем... Милорд, нападение на нас и этот самый межмировой портал — они как-то связаны?

Затаила дыхание, ожидая реакции Саллера.

Рисковала ли я? Безусловно. Если он до сих пор не догадался о нашей иномирной сущности, то сейчас вполне мог сопоставить изменения в характере Мэарин, амнезию Ольеса, появление перехода, мой настойчивый интерес и предположить... Да меня вообще удивляло, что ему до сих пор не пришла в голову такая простая версия. Особенно учитывая род занятий мэссера и свойственную всем безопасникам подозрительность.

Да, я рисковала, но все-таки спросила — как выяснилось, больше информацию взять неоткуда.

— Портал открыли сразу после нападения на карету... — Герцог сорвал длинную серебристую травинку, повертел ее между пальцами. Мы терпеливо ждали. — Разумеется, это не случайное совпадение, но вот как все связано... — Смятая травинка отлетела в сторону, и его светлость сухо закончил: — Пока у меня нет ответа.

— А если через портал кто-то проник? — не выдержав, вмешался Петька. — Люди, например...

Я буквально застыла от ужаса, пытаюсь справиться с охватившей меня паникой. Ну, братец, ты даешь! Зачем же так откровенно, прямо в лоб со всего размаха? Вот сейчас любезный кузен сложит два и два, получит верный результат, и что он тогда сделает, не представляю.

Как выяснилось, и правда не представляла.

Саллер расхохотался. Коротко, но зато громко и, как говорится, от всей души.

— Извини, Трэй, — повинился он, отсмеявшись. — Понимаю, после болезни ты забыл даже то, что известно первогодку магической школы, но это действительно забавно.

Петька развел руками, демонстрируя, что не обижается, и да, в самом деле ничего не помнит. Герцог хмыкнул, а затем продолжил уже серьезно, решив все-таки просветить потерявшего память родственника, ну и меня заодно:

— Стационарные переходы строить непросто, но команда магов без проблем справляется с подобной задачей. Индивидуальные порталы — еще более сложная вещь. Они требуют колоссального количества энергии и создаются с помощью специальных артефактов. Редких, дорогих и, увы, одноразовых. Каждый раз их приходится напивать вновь. Индивидуальные порталы есть у многих, но используются они только в самых крайних случаях. — Саллер запнулся. — Все это относится к перемещениям в пределах Риоса. Что касается порталов между мирами... Они под силу только сильнейшим стихийникам и всегда оставляют отчетливый энергетический отпечаток — своеобразную личную подпись, по которой создателя очень легко найти.

Повисла пауза.

— А в нашем случае? — Я рискнула нарушить молчание.

— Никаких следов, — отрывисто бросил мэссер. — На такое способны только обитатели Запретных Земель. — Значит, Хауддан... Опять Хауддан. — В любом случае, кто бы ни настроил портал, люди через него на Риос не попадут.

— Люди не попадут? — Петька уже не скрывал своего нетерпеливого интереса. — А кто же тогда?

— Не кто, а что. То, в чем нет жизни — предметы, камни, растения... Если постараться, можно достать нужный артефакт, вызвать упырей, зомби и прочую нечисть.

Братец жадно подался вперед.

— А притянуть из другого мира ду...

— Духов... — поспешила закончить за «супруга» и нежно прижалась к нему, незаметно впиваясь ногтями в руку и намекая тем самым, что кое-кто слишком увлекся.

Хватит на сегодня откровений, пора и меру знать, пока нас не приняли за неизвестную науке разновидность нежити.

— И духов, и призраков, — подтвердил Саллер. — В древности нелюди частенько устраивали подобные «сюрпризы», насылая на города орды порождений тьмы. Поэтому после Великой войны первым делом было подписано соглашение, запрещающее бесконтрольное открытие межмировых порталов. Когда у меня появятся доказательства...

Мэссер не договорил, сжав кулаки.

Впрочем, и без его пояснений стало предельно ясно — виновному не поздоровится, кем бы он ни являлся, человеческим магом или жителем Хауддана. Не исключено, что заодно с преступником утилизируют и нас с Петькой, как тайком доставленный на территорию Риоса запрещенный к ввозу контрабандный товар...

Беседа прервалась — продолжать обсуждение никто не стремился. Вскоре обед закончился, и мы двинулись дальше.

Не знаю, о чем размышлял Петька, взлетая вверх на очередной кочке или падая на меня на колдобине, а я думала, что неизвестный лиходеи мог бы и не изощряться, накладывая на нас хитроумное заклятие молчания. Никому в этом мире и в голову не придет, что мы попаданцы. Даже если станем орать об этом во все горло, в лучшем случае сочтут ненормальными, в худшем — злокозненной нечистью. Ни то ни другое совершенно точно ни к чему хорошему не приведет.

Через несколько часов герцог подъехал к повозке и, пригнувшись к окну, осведомился, не устала ли я и не желаю ли размяться. Я бы с удовольствием походила по твердой земле, но еще больше мне хотелось поскорее попасть в Древнюю обитель, о чем я и сообщила мэссеру. Он кивнул, приняв мои слова к сведению. Больше мы не останавливались.

Вечерело. Солнце уползло куда-то за макушки деревьев. Его последние лучи некоторое время еще подсвечивали кроны закатной позолотой, а потом погасли, уступая место темноте, которая вязкой паутиной уверенно оплетала все вокруг. Вместе с этой чернильной тьмой медленно и тяжело, как огромная волна, накатывавшая со всех сторон, стали возвращаться голоса. Неуверенные, пока еще еле слышные.

И я ощутила, как колющий холодок страха пополз по спине.

«Иди-и-и», — пел за стенами ветер.

«Тебя-я-я жду-у-ут», — шелестели листья, и ветки тяжело хлестали о крышу кареты.

«Жду-у-ут», — подтверждала тьма, просачиваясь сквозь щели и окутывая меня зыбкой пеленой.

— Маш, тебе плохо? — Из сгустившегося мрака вынырнуло знакомое лицо. — Укачало?

— Душно... — Я потянула вниз ворот платья.

— Открыть? — Петька рванулся к окну.

— Да... Нет... Не знаю... Подожди... Ты ничего не слышишь?

— Скрипы, шорохи, цокот копыт, ржание коней, — добросовестно перечислил брат. Запнулся, нахмурился, спросил озабоченно: — Опять голоса? Те, что днем?..

Нехотя кивнула.

— Ерунда какая-то. Бормочут, зовут с собой, дышат в затылок... Знаю, голоса не умеют дышать, но эти... дышат, — пожаловалась я на творившийся беспредел и вцепилась в Петькин рукав.

— У тебя пальцы совсем ледяные, — ужаснулся родственник. Перехватил мою руку, стиснул, а потом крепко обнял меня, согревая. — И губы трясутся, — констатировал он угрюмо.

Собралась возразить, но только клацнула зубами — чуть язык не прикусила. Брат выругался и прежде, чем я успела помешать, заколотил в стекло.

Через несколько мгновений экипаж остановился, дверь рывком отворилась, и в проеме замаячил высокий призрачный силуэт, почти сливавшийся с окружающей его серой мглой.

Саллер...

Мужчина сделал почти неуловимый жест, и с его ладони сорвались серебристые искры, взмывая к потолку кареты и зависая там маленькими бриллиантовыми звездочками. Тьма заворчала и нехотя отступила, но не исчезла, а расползлась по углам, чтобы скрыться там до поры до времени.

— Что случилось? — Мэссер внимательно оглядел наши переплетенные пальцы и прижавшиеся друг к другу фигуры.

Ну и как ему объяснять? Рассказывать про голоса? Глупо. Но у Петьки имелось по этому поводу собственное мнение.

— К Мири привязалась какая-то непонятная гадость. Шепчет, пугает, — заявил он, заботливо заворачивая меня в свою куртку. — Можете помочь — ты или Дильфор? Где там его хваленые снадобья с микстурами?

Герцог всмотрелся в мое лицо, резко помрачнел.

— Лекарь бесполезен, когда зовет Хауддан.

— И что теперь? — растерялся брат.

Вместо ответа Саллер наклонился вперед, решительно забрал меня из его рук и, ни слова не говоря, пошел прочь. Впрочем, Петька и не думал возражать — видимо, моя безопасность была для него важнее любых разборок и выяснения отношений.

Дальше все слилось в единый бесконечный миг, который все длился,

длился и длился.

Стремительная скачка...

Тенистые арки над головой...

Магический светлячок, паривший в воздухе и разгонявший кромешную тьму...

Когда-то давным-давно, в день нашей первой встречи, мы тоже мчались вдоль границы Запретных Земель, и меня так же бережно укрывали в объятиях от непонятного манящего зова. Только тогда светило солнце, и голоса не были еще такими повелительно-назойливыми.

— Вы дрожите, миледи... — то ли спросил, то ли констатировал Саллер, и его ладони заскользили по спине, мягко вдавливая меня в горячее тело. — Потерпите, осталось совсем немного.

Подняла голову.

Его лицо оказалось неожиданно близко, всего в нескольких сантиметрах.

Черные глаза, в глубине которых вспыхивали и тут же гасли огненные всполохи... тревожная складка между бровей... упрямо сжатый рот — стоило чуть приподняться и можно коснуться, ощутить его бархатную упругость...

Мысль об этом заставила снова задрожать, облизнуть внезапно пересохшие губы.

— Мири...

Саллер резко выдохнул, прошипел что-то непонятное и потянул меня вверх, к себе.

Горячий, жадный поцелуй ошеломил, обжег, пробежал мурашками по телу, заполнил каждую клетку — до предела. Развеивая страхи, сомнения, прогоняя трусливо притихшие голоса. Для них просто-напросто больше не осталось места.

Глава 12

Жеребец тревожно всхрапнул, будто что-то почуяв, дернулся и сорвался в галоп.

— Тише, Хест, тише...

Герцог оторвался от моих губ, похлопал коня по лоснящейся мокрой шее. Вороной, тряхнув гривой, немного успокоился. Голоса тоже присмирели, истончились до еле уловимого комариного писка, и я, затихнув, спрятала лицо на груди Рэма.

От прикосновений Саллера внутри разливалось приятное тепло, наполняя покоем, даря чувство защищенности. Хотелось остаться в его объятиях навсегда — нестись вперед сквозь ночную мглу, ловить drobный конский топот, ощущать, как герцог осторожно поглаживает меня по спине. Прижиматься к его телу и вдыхать прохладный, чуть горьковатый аромат, чтобы потом унести с собой, как самое бесценное из воспоминаний. Запах этого мужчины. Моего мужчины.

Но ничто не длится вечно.

— Обитель, — негромко предупредил мэссер, и я с сожалением отстранилась от него, вглядываясь в зыбкую темноту.

Деревья расступились, обтекая, охватывая полукругом последнюю, самую высокую пару исполинов. Два невероятно древних увитых лианами дуба как волшебные стражи застыли по обеим сторонам дороги, намертво сплетаясь ветвями, листьями, наверное, даже корнями и образуя подобие величественного готического свода. Из-под ажурного перекрытия нам навстречу внезапно хлынул свет. И в этот самый свет, чистый, сияющий, мы и ворвались — нет, провалились на полной скорости.

Зажмурилась, ослепленная яркой вспышкой, а когда проморгалась, буквально обомлела.

Мы оказались на просторной поляне, которую плотным кольцом окружали деревья. В воздухе плавно танцевали крохотные разноцветные огоньки. В их трепетном радужном блеске поросшая мелкими пестрыми цветами лужайка выглядела поистине огромной — едва различимый противоположный край терялся в сероватом сумраке. В центре этой идеально круглой площадки возвышалось строение из необычного, приглушенно мерцающего камня.

Часовня великого Танбора.

Открытая всем ветрам, состоявшая, казалось, из одних

перекрещивающихся арок и витражных окон, она была сказочно прекрасна. Искусствовед во мне восторгнулся и вытянул шею, жадно изучая украшенную причудливой резьбой, словно затканную узором кладку, каменное кружево колонн...

— Нас приняли. — Голос Саллера раздался над самым ухом, выводя меня из оцепенения.

— А могли отказать?

Поймала обращенную ко мне улыбку и невольно улыбнулась в ответ.

Наша поездка, мои страхи, которые мэссер отогнал одним своим присутствием, поцелуй — нечаянный, жгучий и восхитительно-сладкий одновременно — неожиданно сблизил нас. Это пугало и будоражило, заставляя сердце предательски замирать.

— Не всем позволено войти. Беспрепятственно пропускают только тех, кто приехал, чтобы обвенчаться по древним законам, и путников, ищущих ночлег. Для остальных просителей врата распахиваются не всегда.

Несколько мгновений мы не отрываясь смотрели друг на друга. Герцог медленно, как во сне, поднял руку и дотронулся до моего лица. Кончиками пальцев нежно провел по щеке, спустился вниз, чуть задевая уголок рта, и я невольно вздрогнула.

Зрачки Саллера расширились, он напрягся, резко наклоняясь...

— Маруся... — донеслось до меня приглушенно, как сквозь вату. И уже ближе, громче, настойчивей: — Маш, как ты?

С трудом отвела взгляд от губ Рэма и сфокусировала его на подбежавшем Петьке. Я очень люблю брата, просто невероятно люблю, но... как же он все-таки не вовремя.

— Хорошо, — на секунду замерла, с радостью отмечая, что больше не чувствую ничего подозрительного, — просто превосходно. И голоса исчезли.

— В обители звучит лишь слово, угодное Танбору, — раздалось откуда-то сбоку.

Оглянулась и в двух шагах от Хеста увидела высокого худого мужчину неопределенного возраста. Надо же, а я и не заметила, как и когда он появился.

Забранные в хвост русые волосы, строгие черты лица, тонкие губы и необыкновенные прозрачно-серые, почти бесцветные глаза. Я даже поежилась — на миг показалось, что он слепой.

— И действует только воля бога, — закончил вновь прибывший.

Голос его был так же бесцветен — тихий и какой-то бесплотный, он шелестел, как сухие осенние листья на ветру.

Любопытно, кто это? На почтенных седобородых старцев, какими мне представлялись служители верховного бога, мужчина походил мало, разве что одеждой — на нем болталась свободная светлая хламида, напоминающая церемониальное облачение. Память Мэарин молчала, так что оставалось только гадать.

— Благодарю, что приняли. — Саллер передал меня брату и, соскочив с вороного, вежливо склонил голову. — Доброй ночи, хэллэ.

Хэллэ... Значит, все-таки жрец.

Выскользнула из рук Петьки и забубнила слова приветствия. Братец, мгновенно сориентировавшись, тут же подхватил.

— Граф и графиня Ольес, — протянул безымянный служитель Танбора, терпеливо выслушав наше бормотание. Глаза его неожиданно остро блеснули — как озера расплавленного олова. — Рад видеть вас в добром здравии.

Хм... мне показалось, или в его тоне действительно проскользнула ирония?

— Мы... — начал брат, но хэллэ повелительно вскинул ладонь, останавливая.

— Я знаю, зачем вы здесь, — произнес он спокойно и веско, так что не осталось ни малейших сомнений — и впрямь знает. — С вами встретятся завтра на рассвете. С каждым из вас, — добавил он, обращаясь к герцогу. — А сейчас отдыхайте.

Жрец взмахнул рукой, и деревья тут же расступились, образуя несколько узких коридоров.

— Идите, — напутствовал он и, заметив наше замешательство, уточнил: — Граф, вам с супругой направо.

После чего отвернулся, потеряв к нам всякий интерес.

Петька проводил его взглядом, приобнял меня за плечи и потянул в ту сторону, куда указал хэллэ. Саллер, перекинувшись парой слов с Вильмом, направился к соседнему проходу.

Как ни странно, нас ждала не вязанки хвороста и не лежанка у костра под открытым небом, а вполне себе нормальная комната — с мебелью и просторной удобной кроватью. Маленькая дверь в углу помещения вела в ванную. Но больше всего поразило круглое окно на потолке, через которое заглядывала луна — полная и почему-то алая. Это добило окончательно.

Разговаривать, что-то обсуждать не осталось сил. Мы поочередно сходили в ванную, привели себя в порядок, рухнули на кровать, укутались в одеяла — их предусмотрительно выдали по одному на каждого — и прижались друг другу, ища поддержки.

Некоторое время я лежала, глядя в потолок, на котором плясали причудливые тени, и пыталась думать о том, что случилось днем, а потом незаметно для себя задремала.

Мне снились влажная фиолетовая ночь, благоухающий сад под все той же алой луной и бесшумно скользящие по нему безликие тени.

— Иди к нам, — шелестели они.

— Иди...

В этот раз я почему-то совсем не боялась. Но и подходить, вопреки настойчивым призывам, не стала — бог знает, что этим теням нужно.

За окном едва брезжил серый рассвет, больше напоминающий сумерки, когда меня разбудил протяжный звук, похожий на отдаленный перезвон колоколов. Рядом возмущенно заворочался братец.

— Какого черта...

— Видимо, это по наши души. — Соскочив с кровати, поняла: несмотря ни на что, я выспалась и чувствую себя бодрой и отдохнувшей. — Петь, давай поднимайся скорее.

Мы умылись, оделись и минут через пятнадцать, морально настроившись на любые неожиданности — ну или почти любые — двинулись к выходу. Надеюсь, ничего непоправимо страшного с нами не случится.

— Маш, а одеял-то два, — догнало меня у двери тихое. — Это намек, что им о нас все известно?

Нервно передернула плечами — сама об этом все время думала. Ладно, что толку гадать, скоро узнаем.

На поляну нехотя вползало утро, небо понемногу светлело, в кустах звонко перекликались первые птицы. Почти все разноцветные огоньки погасли, а те, что остались, уже не кружились беспечно, а вытянулись в ровную линию от того места, где мы стояли, к самой часовне. Скорее всего, так ненавязчиво нас приглашали войти.

— Доброе утро, миледи, Трэй. — Низкий бархатный голос заставил сердце на миг сбиться с ритма, живо напомнив о ночном поцелуе.

— Ваша светлость... — Потупилась, стараясь не смотреть на Саллера, но потом все-таки не удержалась, подняла голову и снова задохнулась, моментально утонув в его глазах.

Стремительный бег вороного...

Колыхание веток над головой...

Срывающийся шепот: «Мири»...

Требовательные губы на моих губах...

Господи, что же это такое?

— Пора... — Герцог с трудом отвел взгляд от моего лица. — Трэй, ты готов?

— Всегда готов, — буркнул братец, подозрительно косясь в нашу сторону.

Впрочем, его «кузен» шутки не оценил. Кивнул, принимая ответ, и отступил, позволив нам идти первыми.

Ну мы и пошли — по дорожке, образованной зависшими в воздухе огнями, прямо к дверям обители Танбора. Мокрая от росы трава щекотала ноги, и все время хотелось поежиться, то ли от легкой утренней прохлады, то ли от нарастающего томительно предвкушения.

Первым порог переступил Петька, почти сразу же за ним я. А вот Саллер, следовавший позади, войти не смог. Наткнулся на невидимую стену, на секунду замер, попробовал снова с тем же результатом и, гневно раздувая ноздри, отступил на шаг.

Мы растерянно остановились, наблюдая, как мэссер вскидывает руку, и с кончиков его пальцев начинают срываться молнии, вспарывая утренние сумерки и озаряя все вокруг ярким светом.

— Ишь какой... горячий, — то ли осуждающе, то ли одобрительно прошелестел по залу приглушенный голос.

Я быстро оглянулась, но перед лицом мерцал легкий серебристый туман, мешая рассмотреть, кто или что находится впереди.

— И как рвется к своей... гм... цели, — поддержал его другой. Этот показался мне более живым. И насмешливым.

— Закончили развлекаться? — недовольно вмешался третий. — Тогда давайте наконец займемся делом.

— Я бы полюбовался еще немного. — Снова второй. Надо же, я уже научилась отличать один голос от другого. — Впрочем, как скажешь.

Секундная пауза, и Саллер опустил руку, прислушиваясь.

— Ваши сиятельства, — спокойно напомнил первый. — Мы ждем...

— А?.. — Петька указал на вход, по другую сторону которого застыл герцог, испепеляя мрачным взглядом так и не исчезнувшую преграду.

Впрочем, уничтожить ее он больше не пытался.

— Не беспокойтесь, его светлость присоединится к нам позже, — любезно пояснил второй. — Или желаете исповедоваться в его присутствии?

— Нет уж, — поспешно открестился братец.

— В таком случае прошу вас, граф... графиня...

Туман начал рассеиваться, являя взору небольшой зал. Его своды с нервюрами опирались на витые столбы-колонны, которые разделялись

арками и ажурными полукруглыми окнами от пола до потолка, обрамленными затейливым каменным орнаментом. Цветы, листья, странные плоды, загадочные существа, мало похожие на людей, — чего там только не было.

В другое время я непременно задержалась бы, чтобы рассмотреть мельчайшие детали, но сейчас лишь взглядом мазнула по всей этой красоте, сосредоточив внимание на знакомом по воспоминаниям Мэарин постаменте из золотистого камня. Вернее, на трех мужчинах, восседавших в узких креслах перед алтарем в центре часовни. Судя по всему, именно они только что разговаривали с нами.

Высокие фигуры в светлых одеждах, чеканные черты похожих лиц и все те же прозрачные, пугающие своей бесцветностью глаза, в которых не читалось ни единой эмоции. Если и правда глаза — зеркало души, то души этих людей надежно защищены от посторонних нескромных взоров.

Мы с братом, для надежности крепко держась за руки, прошли вперед и затормозили перед хэллэ. Кто из них наш вчерашний знакомец? Левый?.. Нет, скорее всего, правый... Но точно не тот, что посередине.

Некоторое время все молчали, изучая друг друга. Вернее, мы точно изучали, а вот что делала прозрачноглазая преподобная троица, затрудняюсь предположить. Но смотрели они точно в нашу сторону.

Самым слабым звеном оказался Петька — он не выдержал первым.

— Вы ведь знаете, кто мы? — выдал он неожиданно громко. Точно в омут с разбега прыгнул.

Средний утвердительно опустил ресницы.

— И все-таки мы не отказались бы выслушать вашу историю, — бесстрастно добавил он.

— Можете говорить свободно, — неожиданно мягко подхватил левый. — Наложенная на вас печать молчания в этих стенах теряет силу.

Печать молчания. Значит, вот как называется та пакость, что не дает нам ни случайно, ни нарочно проговориться о своем иномирном происхождении.

Мы переглянулись, и Петька чуть заметно сжал мою ладонь, предоставляя право «выступать» первой.

Рассказывали мы долго, обстоятельно, дополняя один другого и стараясь не упустить ни единой мелочи.

— Вы нам верите? — Я с надеждой уставилась на жрецов и облегченно выдохнула, увидев три слаженных кивка.

— И вернете домой? — Радостно встрепенулся братец.

— Разведете? — вырвалось у меня невольно, прежде чем я успела

удивиться своему внезапному порыву. Если нас отправят назад на Землю, какая разница, женаты мы по законам Риоса или нет?

— Нетерпеливые какие... — Средний покачал головой.

— Молодые... — Почему-то из уст правого это прозвучало осуждающе.

— Неужели так хочется поскорее возвратиться к прежней жизни? — Склонил голову набок левый, и мне показалось, что обращается он именно ко мне.

— Естественно. Как же иначе! — пылко заверил Петька.

А я... Я очень некстати вдруг вспомнила сильные руки, которые умеют так бережно прижимать к широкой груди, свежий аромат с ноткой горечи, в который тянет окунуться с головой, торопливый, настойчивый поцелуй и... ничего не ответила.

Левый чуть заметно усмехнулся, но, к счастью, промолчал.

— Вернуть души в другой мир способен лишь тот, кто призвал их оттуда, — поморщился правый.

— А развести можно лишь тех, кто обвенчан, — подхватил левый. — Вы связаны тесными узами родства и перед лицом Танбора супругами не являетесь.

Я не сразу сообразила, что меня смутило в его словах, но то, что радоваться рано, поняла тут же. Даже не поняла — подсознательно почувствовала.

— Что значит «перед лицом Танбора»? — В отличие от бестолковой сестры, Петька моментально ухватил самую суть. — А в глазах остальных — так сказать, мировой общественности — мы, по-вашему, кто?

— Гхм... — информативно выдал правый служитель и скривился. На протяжении всей беседы он старательно играл роль «злого полицейского».

Средний вздохнул и, запрокинув голову, посмотрел вверх, на стремительно розовеющее утреннее небо.

— Вот сейчас и узнаем, — прокомментировал его движение левый и ободряюще подмигнул.

Ага, значит, в этом спевшемся трио у него амплу «добряка». Ну, а посередине — «справедливый и беспристрастный». На тех, кто не закален с детства бесконечными детективными сериалами, слаженное выступление команды хэллэ точно должно произвести впечатление.

Жрецы поднялись, обступая алтарь полукругом, и кресла, в которых они сидели, тут же растаяли в воздухе.

— Подойдите.

Мы приблизились. Повинуясь следующему приказу, встали напротив

друг друга и с некоторой опаской положили ладони на теплый гладкий камень.

Первые солнечные лучи коснулись окон, устремились в арки, заскользили по полу и стенам, омывая сверкающим потоком многочисленные узоры и резные фигуры. Добрались до постамента, заиграли на полированной поверхности, отражаясь от нее, как от зеркала, и заставляя алтарь светиться, а потом внезапно остро брызнули прямо в лицо.

Тонкие сияющие иглы хлестнули по глазам, ослепили, впились в мозг, плава его изнутри...

Секунда, другая... И все погасло.

Когда я разлепила ресницы, в часовне уже царил легкий полумрак, особенно приятный после недавней «вспышки сверхновой».

— Что это было? — ошеломленно осведомился Петька. Тряхнул головой, потер покрасневшие глаза и, прищурившись, уставился на подозрительно довольных хэллэ.

— Ответ Танбора, — прозвучало невозмутимо.

— И... о чем же он вам поведал? — Братец пока держался на удивление спокойно. — Надеюсь, не секрет?

— Не секрет...

— Только не нам...

— Скорее, вам... — пропели жрецы, подхватывая друг за другом, переглянувшись, и средний шагнул вперед.

— Великий Танбор соединяет не тела, а души, — торжественно провозгласил он. — Для владыки небес вы никогда не были мужем и женой.

— Это мы уже слышали, — проворчал Петька.

Хэллэ осуждающе зыркнул на него и, откашлявшись, продолжил:

— Но для всех остальных останетесь супругами, обвенчанными по древнему закону и связанными нерушимыми обетами. — Помедлил и добавил немного сконфуженно: — Пока.

— Что? — выдохнула с ужасом.

— Такова воля Танбора. — Жрец развел руками.

— Может, он вернет нас на Землю? — осторожно предложила я. — А в эти тела перенесет прежних хозяев, и пусть жители Риоса принимают их за кого угодно. До скончания веков.

— Нет.

— Что ж, раз так... Вы разрешите нам остаться в обители? Хотя бы на некоторое время...

Красноречивое молчание.

— А потом мы уедем в другую страну, туда, где никто не найдет. — Я судорожно цеплялась за ускользавшую надежду.

— Увы, но тоже нет.

— То есть вы намекаете, — начал закипать Петька, — что верховный бог, зная обо всех наших проблемах, сознательно поддерживает обман, одобряет то, что сотворил какой-то гад, и...

— Не тебе судить о замыслах Танбора, мальчишка, — прогудел, прерывая его, правый.

Сильный голос громовой волной раскатился по залу и ударил брата в грудь, заставляя пошатнуться.

— Вы сказали «пока»... — Вмешалась, чтобы Петька не наболтал лишнего, а рассерженный жрец не покарал его по всей строгости закона за оскорбление «чести и достоинства» своего небесного покровителя. — Значит, есть условие или условия, при которых Танбор согласен помочь?

Опять молчание. Да что же это такое?

Наклонилась вперед, ухватившись руками за алтарь, и заговорила горячо и торопливо:

— Вы же понимаете, без поддержки нам не выжить. Меня считают хэленни, от нас ждут консуммации брака и наследника. Если это не произойдет... нет, не если — когда, брата убьют, а меня отдадут другому... другим... Объясните хотя бы, этот жуткий дар... он перешел ко мне вместе с телом или остался у настоящей Мэарин?

— Способности хэленни — это благословение, называть их жуткими — кощунство, — назидательно проскрипел правый.

— Простите, я не собиралась никого оскорблять и тем более осуждать устои вашего мира. Просто ответьте. — Перевела дух, успокаивая бешеное сердцебиение, и снова попросила: — Ответьте.

— Не могу.

— Не можете или не хотите? — настойчиво добивалась я правды.

Хэллэ отвел взгляд. Повисла красноречивая пауза.

— Ясно...

Я устало ссутулилась. Стало вдруг так тоскливо, так пусто, словно из меня выдернули стержень. Тот самый, что до сих пор не позволял сдаться.

— Ничего, Марусь, — Петька обошел жрецов, обнял меня за плечи, — ничего... Без божественного вмешательства обойдемся. Это не удалось, другое попробуем — что-нибудь да сработает. У нас еще столько планов. Стремительный забег до «канадской границы»... Отчаянный прорыв в Хауддан... Найдем выход.

— Не представляю, где находится канадская граница, — вдруг ожил левый, — а вот в Запретных Землях побывать точно не помешает. Там вы найдете ответы на многие свои вопросы, если не на все.

Он неожиданно тепло улыбнулся и, вытянув руку, простер ее над алтарем. Под его ладонью за клубился легкий цветной туман, а когда он рассеялся, я увидела лежавшее на постаменте ожерелье. Невесомое, похожее на тонкую ажурную паутину, усеянную хрустальными капельками воды.

— Подарок Танбора для вас, Мэарин. Возьмите.

— Не вздумай, Машка! — Брат схватил меня за талию и ожег жреца подозрительным взглядом. — Нам и дара хэленни с лихвой хватило. Как бы от очередного сюрприза хуже не стало.

— Это символ благоволения, — мягко пояснил жрец, — и знак для посвященных, что вы находитесь под покровительством и опекой верховного бога.

— Интересно, и много таких... знающих?

— Среди людей почти нет. А вот в Хауддане Щит Танбора оградит вас от многих неприятностей, выручит в трудную минуту и сохранит жизнь.

— Все это прекрасно, — я бережно, кончиками пальцев прикоснулась к переливающимся на солнце радужным капелькам, — только вот от тех самых людей... от короля и его планов кто нас спасет?

— А вот это уже наша забота. — Средний тоже улыбнулся. Скупое и немного высокомерно. — Не только вы получили ответ от Танбора, мы тоже. Поверьте, не все так плохо, как вам сейчас представляется, а то, что кажется на первый взгляд глупым, даже жестоким, имеет свой смысл.

— Берите же, графиня, — поторопил правый, — не стоит испытывать терпение бога.

И я рискнула.

* * *

Выпроводили нас через маленькую неприметную дверь, расположенную в нише с противоположной от входа стороны. Скорее всего, сделано это было для того, чтобы мы раньше времени не встретились с герцогом. Петька, сухо попрощавшись, первым переступил порог, я уже собиралась последовать за ним, как меня неожиданно окликнули:

— Мария...

Замерла, удивленная не тем, что позвали, а тем, как чисто прозвучало

имя. Не «Мэарин» или «Мири» — «Мария».

Жрец, тот самый, что на протяжении всей встречи изображал доброго следователя, под внимательными взорами коллег неторопливо прошел вперед и остановился в шаге от меня.

— Я знаю, — доверительно склонился он почти к самому моему уху, — вам сейчас непросто. Вы напуганы, устали, мало что понимаете и жаждете вернуться домой, из чужого враждебного окружения — в родное, привычное и безопасное. Но поверьте, ваша судьба отныне неразрывно связана с Риосом. — Прохладные пальцы мягко коснулись моей руки. — Вам предстоит нелегкий выбор пути, мира... мужчины — да-да, именно мужчины — и от того, какое решение вы примете, будет зависеть ваша дальнейшая жизнь. Не ошибитесь, Мария.

Я открыла рот, но он предостерегающе вскинул ладонь, останавливая.

— Простите, больше мне нечего добавить, я и так сказал уже слишком много. — Поколебался, указал на сияющее на моей шее украшение. — У вас нет причин доверять мне, но все-таки примите добрый совет: всегда носите Щит Танбора. Без вашего желания никто другой его снять не сможет.

Отступил и произнес уже совсем другим тоном:

— Вы встали рано и не успели позавтракать. Вас проводят в трапезную. Всего доброго.

На лужайке перед входом в часовню уже караулил очередной служитель Танбора, на этот раз классический почтенный старец. По крайней мере выглядел он старше, чем любой из беседовавшей с нами троицы, и носил седую бороду. Правда, ухоженную и аккуратно подстриженную, но все же... Он-то и отвел нас в местную столовую, находившуюся — кто б сомневался — за обступившей поляну растительностью.

В небольшом светлом зале приятно пахло чем-то вкусным. Судя по всему, завтрак уже закончился — трапезная пустовала, лишь за столом в углу негромко перебрасывались фразами несколько человек. На нас они не обратили никакого внимания. Может, потому, что одеты мы были неброско, по-дорожному. Но, вероятнее всего, здесь просто не принято понапрасну докучать другим посетителям и просителям.

Еда полностью соответствовала запаху: незатейливая, но хорошо приготовленная и сытная. После завтрака, прошедшего в полном молчании — делиться впечатлениями при посторонних категорически не хотелось, нам предложили прогуляться или вернуться в комнату, где ночевали. Безнадзорно блуждать по обители, как объяснил все тот же жрец,

запрещалось. Перспектива провести несколько томительных часов в тесной спальне в ожидании, пока Соллер вдоволь наобщается с хэллэ, удручала, поэтому мы с радостью ухватились за любезное приглашение и отправились любоваться окрестностями.

Деревья зашелестели, аккуратно расступаясь, чтобы открыть проход. Несколько минут ходьбы по упруго пружинящей зеленой траве, и едва заметная извилистая тропинка вывела нас к лесному озеру.

Солнце, скрытое пышными кронами, еще не поднялось достаточно высоко, и над водой стояла туманная дымка, размывая границу между водой и небом, создавая странное ощущение, будто до манящей полупрозрачной голубизны над головой легко дотянуться рукой. Ни ветерка, ни звука, ни всплеска — ровная, кристально чистая гладь, таинственно темная по краям и чуть розовеющая ближе к центру.

— Это особое место, — тихо произнес стоявший позади хэллэ. — Паломники приходят сюда в поисках гармонии и душевного равновесия. Погружаются в воды священного озера и молятся Танбору, прося об утешении.

— Предлагаете и нам... окунуться? — скептически хмыкнул Петька.

— Если появится желание, — невозмутимо согласился жрец. — Не волнуйтесь, — добавил он, заметив, что брат сосредоточенно осматривает прибрежные кусты, — вы в полной безопасности. Здесь нет хищных зверей, птиц или рыб, а люди попадают сюда только с нашего позволения. Более защищенное место на Риосе трудно найти, так что отдыхайте спокойно. А я вас ненадолго оставлю.

И он, на миг склонившись, бесшумно исчез, растворившись среди темных стволов, густым частокотом окружающих озеро.

— Мда... — прокомментировал Петька. — Ни войти, ни выйти. Та же запертая комната, только размером побольше. Что ж, и на том спасибо. — Ковырнул носком обуви рыхлую землю и резюмировал: — Не доверяю я им, Машуль.

— Я вообще в этом мире никому, кроме тебя, не доверяю. — Пожала плечами. — А до Запретных Земель мы с тобой так и так планировали добраться. Вдруг теперь, с подарком хэллэ, это окажется проще?

— Все дороги ведут в Хауддан, — задумчиво пробормотал братец. — Ну или, как вариант, за границу, а уже оттуда — в эти самые загадочные земли. Мы ведь никому не клялись, что вот прямо завтра же непременно нагрянем в гости к нелюдям. Можно это сделать из любой сопредельной страны. Да хотя бы из того же Онижа. Надо поскорее избавляться от герцога и его не в меру ретивого венценосного дядюшки. Сбежим туда, где

нас никто не знает, а потом и посещение Хауддана спланируем.

— Жрецы обещали поговорить с герцогом и королем, — возразила неуверенно.

При мысли, что придется навсегда расстаться с Саллером, сердце болезненно сжалось.

— Они обещали позаботиться, — напомнил Петька, — а вот какой смысл служители местного культа вкладывают в это слово, совершенно не ясно. Как бы от их «заботы» совсем не загнуться. Мне так уж точно. Я не хэленни, особой ценности для мира не представляю, и охранных ожерелий на мою персону никто не навешивал.

В голосе брата промелькнула тщательно скрываемая горечь.

— Ты для меня представляешь ценность. Абсолютную ценность, — я уткнулась лбом в его плечо, — и плевать, что об этом думают жители Риоса.

— Знаю, Машка, — меня привычно чмокнули в макушку, — знаю. Ты для меня тоже... Ладно, спасение утопающих, как говорится, дело рук самих несчастных, а если они плавать не умеют — их проблемы. Кстати о «плавать»... Нам ведь, кажется, именно это только что предложили? Неплохая идея.

Он потоптался на пологом берегу, окидывая цепким взглядом сонное озеро, и осторожно наклонился.

— Теплая, — провозгласил победно. — Окунешься?

Я полной грудью вдохнула душистый, наполненный приятной утренней прохладой воздух и согласилась.

— Так... Оставайся здесь, а я переберусь во-он туда. Хорошо? — Он указал налево, где густые заросли камыша и увешанные гроздьями крупных темно-фиолетовых ягод кусты скрывали что-то вроде небольшого залива. — Если что, сразу зови.

Я дождалась, пока брат скроется из виду, разделась и босиком спустилась к воде. Вошла в опрокинутое над озером небо и медленно поплыла сквозь него. Смывая напряжение и усталость, чувствуя, как с каждым движением растворяются тяжесть и горький осадок, скопившиеся на душе.

И правда необычное озеро.

— Машк? — окликнул все еще плескавшийся за кустами брат, когда я, свежая, умиротворенная, вылезла из воды. — У тебя все в порядке?

— Да. Не спеши, я подожду.

Обсохла, оделась не торопясь и устроилась на большом плоском камне, лениво щурясь на воду.

Тишина...

Покой...

Умиротворение...

Того, что произошло дальше, я никак не ожидала.

— Гм... — внезапно раздалось сзади.

Глава 13

Вскрикнула от неожиданности и, скатившись с камня, стремительно обернулась.

На ветке ближайшего дерева, непринужденно покачивая ногой и бесцеремонно разглядывая меня, сидел... эльф.

Вытянутые к вискам ярко-зеленые миндалевидные глаза на продолговатом лице с узким подбородком и иронично изогнутыми губами. Аккуратные заостренные уши. Волной стекающие по плечам светлые, почти белые волосы.

Такой типичный, классический эльф, красивый и утонченно-хрупкий... Если бы не отливающая легкой зеленью кожа и рост — в «пришельце» было полметра, не больше.

Увидев, что его заметили, «эльф» еще раз хмыкнул и наклонился вперед, в свою очередь с любопытством рассматривая меня. Нервно расправила натянутое второпях платье и, схватив лежавшую неподалеку накидку, укутала плечи. Не то чтобы я стеснялась крошечного гостя, но под цепким немигающим взглядом стало неудобно.

— Смертная, — оценив мои судорожные метания, цинично хохотнул мелкий нахал, — не беспокойся, твои сомнительные прелести меня совершенно не интересуют. Я не занимаюсь любовью с женщинами, которые потеют, икают и испражняются. — Он брезгливо поморщился. — Согласись, это гадко.

Надо же, какой эстет. Его только это останавливает? А то, что он предполагаемой партнерше в прыжке с трудом до пупка достанет, совсем не смущает? Ну и самомнение у малявки! Кстати, как это чудо вообще сюда просочилось? Хэллэ же вроде гарантировал полную «тайну вкладов и анонимность собраний», то есть покой и безопасность.

Сбоку затрещали кусты, и на поляну, на ходу завязывая брюки, вывалился Петька. Рубашку он так и не успел надеть — скорее всего, отреагировал на мой крик и тут же ринулся на помощь.

— Еще один полуголый красавец, — прокомментировал «мальчик-с-пальчик». — Надеюсь, хоть он меня не стесняется.

— Что это за дрянь? — одним прыжком оказавшись рядом и загораживая меня, агрессивно выдохнул брат.

— Ты мне тоже не нравишься, — надулся малыш, — гнилой тролль тебе в глотку.

— Я же говорил, что жрецам нельзя доверять. — Петька даже не считал нужным отвечать на странный выпад. — Тот, с бородой, клялся, что на озеро никто не проберется, и вот на тебе — сюрприз.

— Э-э-э нет, — живо вмешался эльф. Его не смутило, что обращаются вовсе не к нему. — Хэллэ всегда держат слово. Что он вам наобещал? «Здесь нет хищных зверей, птиц или рыб, а люди попадают сюда только с нашего позволения», — процитировал мелкий, на секунду прикрыв глаза. — Так я не зверь, не птица, не рыба и тем более не человек. — Он откинул голову и звонко расхохотался. Серебристый смех легким перезвоном колокольчиков рассыпался над озером. — Ну а что не доверяете им, это правильно. Никому доверять не стоит. А мне — в первую очередь.

— Ты... кто такой? — насутился Петька.

Эльф с достоинством отряхнул мятного цвета рубашку, сложил руки на груди и демонстративно откинулся на ствол дерева. Некоторое время мужчины, гневно сопя, сверлили друг друга убийственными взглядами. Поняв, что ни один из соперников в ближайшем будущем уступать не собирается, решила вмешаться и осторожно выдвинулась из-за спины брата.

— Может, стоит познакомиться?..

— Незачем, — небрежно отмахнулся капризный визитер, — я прекрасно знаю, кто вы такие, земляне.

Ого! Мы с Петькой ошарашенно переглянулись.

— Тогда... — я собрала всю свою вежливость, — не будете ли вы так любезны представиться и объяснить, что вас сюда привело, уважаемый... э-э...

— Фрейр. — Кроха вскинул подбородок.

— Это имя? Красивое... А вы кто? Эльф?

Миг, и малыш исчез — размылся радужным облачком, чтобы тут же, зависнув в воздухе и злобно сверкая глазами, материализоваться прямо передо мной.

— Нет, горелый тролль тебе в печень! — рявкнул он мне в лицо, обнажая в плотоядном оскале длинные острые треугольные зубы и заставляя невольно отшатнуться. Волосы веером взметнулись вокруг его головы и, извиваясь, зашипели как змеи.

Жуть какая!

Довольный произведенным эффектом «не-эльф» хихикнул и, опять став очаровательным «мальчиком-колокольчиком», плавно опустил на склонившуюся над водой ветку.

— Я фрейр, сказал же тебе, дурында. А имя... Все равно ты его не

выговоришь. Так что называй меня... Йор. — И он кивнул с поистине королевским величием: — Разрешаю.

— И что же тебе от нас нужно, Йор?

Петька уже успокоился достаточно для того, чтобы вести светскую беседу, но напоследок все-таки уколол, обратившись к фрейру на «ты». Тот, впрочем, никак не прореагировал.

— Если золото не идет к эттину, то эттин сам его находит. — Пожал плечами. — Сколько можно вас звать? Вроде не глухие...

— Так это ваш голос я слышала по дороге в обитель? — ахнула я.

— Наш, — важно подтвердил мелкий. Непонятно, издевался или зовущих действительно было несколько. — В общем, я пришел сказать, что вас ждут. И чем быстрее вы окажетесь в Хауддане, тем лучше.

— Угрожаешь? — оцетинился брат.

— Предупреждаю. — Йор соорудил нарочито грозную рожицу.

Он снова выглядел веселым и беспечным. Настроение у фрейра вообще менялось каждую минуту. Его лицо поражало живостью мимики — от постоянного чередования на нем масок и гримас у меня уже начала кружиться голова.

Мелкий неожиданно перекувыркнулся, повис, держась за ветку одной ногой, покачался, а потом выхватил прямо из воздуха большое яблоко. Наливное, с блестящими красно-золотыми боками — так и тянуло впиться в него зубами.

— Попробуешь? — хитро блеснув глазами, спросил он то ли меня, то ли Петьку.

— Нет, — буркнул брат.

Я, сглотнув заполнившую рот слюну, только молча покачала головой.

— Ну и правильно, — согласился «не-эльф» и, вернувшись в сидячее положение, с хрустом вгрызся в сочный плод. — Никогда не берите угощение из рук фрейра, если не хотите оказаться в его власти. Успокойся, — кинул он сжавшему кулаки Петьке, — я не собирался вас зачаровывать.

— Тогда зачем?..

— Решил облегчить путь в Хауддан, но, смотрю, до меня уже постарались. — Йор помрачнел. — Танбор как всегда не в меру жалостлив.

Он перепорхнул к нам, несколько секунд изучал ожерелье, а потом, подмигнув мне, постановил:

— Что ж... сделаем вот так.

Легко, одним пальцем дотронулся до украшения, и оно на миг ослепительно вспыхнуло, засияло, переливаясь трепещущими бликами.

— Теперь стража Запретных Земель вас не тронет. Идите спокойно.

Он еще раз оскалился, клацнул перед Петькиным носом своими кошмарными зубами — кажется, ему понравилось дразнить брата, потом взлетел выше, закружился вихрем и рассеялся разноцветным дымом. Оставив после себя шлейф золотой пылицы и слова:

— Хауддан ждет, смертные...

Сразу после его исчезновения появился жрец, словно подслушивал где-то там, под невидимой дверью. Покопался на мое вновь ставшее обычным ожерелье и предложил вернуться к часовне. На поляне нас уже поджидали карета, Саллер и весь его отряд. Судя по всему, герцог решил не тратить время на завтрак и, простившись с хэллэ, тут же собрался ехать назад.

До Эрменлейва мы добрались к вечеру. Обратная дорога показалась не то чтобы незаметной, но гораздо более комфортной и простой. Голоса не докучали, страхи и тени попрятались по углам, щелям и до конца пути не высывались оттуда. Даже трясло вроде бы меньше, и я смогла вдоволь налюбоваться пейзажем. Диким дремучим лесом, наполненным самыми разнообразными звуками — шелестом листьев, стрекотанием и пением птиц, треском ломающихся сучьев.

Не успели мы остановиться во внутреннем дворе усадьбы, как дверь кареты тут же отворилась.

— Мне необходимо срочно уехать, — произнес герцог, сосредоточенно уставившись прямо перед собой. — Его величество ждет доклада. — Он помолчал. — Миледи, я хотел бы поговорить с вами. Трэй, позволишь?

Саллер наконец-то перестал сверлить взглядом стенку повозки и теперь в упор смотрел на моего «мужа».

Я тоже не отводила глаз от брата.

— Пожалуйста...

— Не понимаю, зачем это, Маш.

— Ну пожалуйста...

— Надеюсь, ты понимаешь, что творишь.

— Хорошо, — после паузы нехотя отозвался «Трэй». — Мэарин, жду тебя в наших покоях.

* * *

В кабинете хозяина Эрменлейва царил приятный полумрак. Тяжелые шторы на окнах были задернуты, скрывая от глаз подступающую ночь и

зарядивший к вечеру мелкий дождь. Магические светильники в отсутствие герцога никто не зажигал, и он тоже не стал этого делать. Свет исходил лишь от дрожавших в большом камине языков пламени. Дрова негромко потрескивали, по стенам и мебели мелькали причудливые тени, что придавало всему вокруг таинственный, немного зловещий вид.

Мэссер прошел вглубь комнаты, указал мне на кресло, дождался, пока я опущусь на краешек, и сел напротив.

Секунда...

Другая...

Мужчина медлил, словно не решаясь начать разговор.

— Вы, наверное, хотите знать, что нам с Трэем говорили в обители? — пробормотала я, теряясь под внимательным напряженным взглядом.

— Не скрою, хотел бы... — Герцог наконец отвел глаза, и я еле сдержала рвущийся наружу вздох облегчения. — Но спрашивать не имею права. Мне не позволили войти с вами в часовню, значит, пророчество не предназначалось для моих ушей.

Саллер чуть заметно скривился. Он явно злился, что его не пустили вместе с нами, хоть и старался этого не показывать.

— Кое-что я все-таки могу сообщить. — Я примиряюще улыбнулась. В конце концов, если он согласится отпустить нас в Хауддан, не придется бежать и пробираться туда тайком. — Жрецы настоятельно советовали посетить Запретные Земли.

— С какой целью?

— Сказали, это важно для Трэя, — ответила уклончиво.

Не соврала. Хэллэ действительно намекали, что визит просто-таки жизненно необходим, если мы намереваемся разобраться, что же, черт возьми, происходит.

— Для Трэя... Ладно... А вам что там понадобилось? — Герцог обжог меня острым взглядом.

— Мне тоже... нужно...

— Вот как... Зачем?

— Это... — судорожно стиснула лежавшие на коленях руки, — запрещено обсуждать.

И опять не обманула. Тот, кто наложил на нас с Петькой печать молчания, надежно подстраховался от любых откровений с нашей стороны.

Несколько секунд Саллер пытливо всматривался в мое лицо, потом резко встал.

— У вас новое украшение... — обронил бесцветно.

Заметил. Впрочем, глупо было предполагать, что он пропустит

появление ожерелья.

— Жрецы назвали его щитом Танбора. — Я прижала руку к шее.

— Щит Танбора? — Герцог поднял брови. — Забавно... А этот щедрый подарок как-то связан с желанием хэллэ срочно побеседовать с его величеством?

Неопределенно пожала плечами. Надеюсь, связан, но утверждать не стану.

— Что ж, — заложил он руки за спину, — мне тоже необходимо посетить земли нелюдей. Так что здесь наши желания сходятся. — Уголок его губ дернулся. — Я уезжаю, чтобы передать послание жрецов королю и сопроводить его величество в обитель. Приглашения служителей Танбора, даже такие внезапные, не принято игнорировать. И затягивать с визитом тоже. Меня не будет три-четыре дня, а когда я вернусь, мы обязательно продолжим наш разговор. Но я позвал вас не для того, чтобы расспрашивать о встрече со жрецами.

— А для чего?

Вместо ответа Саллер внезапно сорвался с места и начал расхаживать по кабинету. Некоторое время он в молчании мерил его шагами, бросая на меня быстрые взгляды, наконец остановился у каминной полки.

Сияние пламени озарило его фигуру, вплело янтарные отблески в волосы, оттеняя их золотом. Подсвеченное снизу лицо казалось сейчас особенно жестким, хищным. Замерев, я как зачарованная смотрела в мерцающие глаза, в глубине которых танцевали яркие огненные сполохи, и сердце мое билось громко и тяжело, охваченное восторгом и болью.

— Простите, — отрывисто произнес он, и я очнулась.

— За что?

— За то, что у меня нет ни малейшего желания просить у вас прощения.

Очень информативно, а главное — логично.

Поймав мой удивленный взгляд, он сжал кулаки.

— Я пригласил вас сюда, чтобы извиниться за свое недостойное поведение по пути в обитель. Вы замужем. Все, что я по этому поводу думаю и чувствую, — мое личное дело, я не должен был поддаваться эмоциям. Вам стало плохо, вы обратились ко мне за помощью, а я... Я просто воспользовался ситуацией. Это недостойно. Да, по всем правилам я обязан принести вам свои извинения. Но, Птарх побереги, не стану этого делать и обманывать вас. У меня нет сожаления по поводу случившегося. Если бы все повторилось, я повел бы себя точно так же.

Он снова замолчал. Потом устало махнул рукой.

— Уже поздно, графиня. Вас ждет муж. Идите... Да идите же, ради Танбора, — раздраженно повысил он голос, видя, что я все еще сижу в кресле.

И отвернулся, казалось, потеряв ко мне всякий интерес.

Неловко кивнула, поднялась и направилась к выходу. Негромкий окрик нагнал меня у самой двери.

— Миледи... — Саллер мгновенно пересек комнату, остановился рядом, протягивая руку. — Вы забыли попрощаться.

Вдали от камина его глаза стали совсем темными, но в глубине их по-прежнему вспыхивали жаркие искры.

— До свидания, ваша светлость...

Поколебавшись, вложила дрожащие пальцы в раскрытую ладонь. Он на миг прижался к ним губами, опалив горячим дыханием, а потом крепко сжал.

— Мири... — Прозвучало глухо, почти неузнаваемо, и я покачнулась, чуть не рухнув в открывшуюся подо мной бездонную пропасть.

— Почему, глядя на тебя, я обо всем забываю, девочка? — Его голос обжигал, как языки пламени, скользившие по дровам в очаге. — О долге, чести, родственных чувствах? Почему схожу с ума от запаха твоих волос? Почему по ночам просыпаюсь от звука твоего голоса? Почему радуюсь тому, что мой брат до сих пор так и не смог прикоснуться к собственной жене? И почему мне хочется убить любого, кто осмелится оспорить мое право обладать тобой?

Герцог сделал еще один шаг, подходя вплотную, одним движением притянул меня к себе, медленно склонил голову. Я знала, что сейчас произойдет, но ничто на свете не заставило бы меня отстраниться. Это было выше моих сил.

Тягучий вздох — мой или Саллера, уже неважно, — и поцелуй. Нежный. Страстный...

А потом не осталось ничего. Кроме мощного тела, что вжималось в меня. Горячих сильных рук, что поддерживали, не давая упасть, утонуть в безумном водовороте. Дыхания, что сплеталось с дыханием, стука сердца — одного на двоих, общего стоны и губ — настойчивых, требовательных. В целом свете не существовало ничего, кроме этих губ.

Сознание туманилось. В голове вяло всплывали обрывки каких-то воспоминаний. Об опасности, о данном обещании, о Петьке...

Петька...

Мысль о брате отрезвила. Я дернулась, и Саллер тут же разорвал поцелуй. На миг прижал меня к себе, дыша рвано и тяжело, почти

болезненно.

— За это я тоже никогда не попрошу прощения. Даже не надейся, — шепнул хрипло.

Отпустил, освобождая из своих объятий, и вышел.

* * *

После отъезда мэссера время будто застыло, затормозив свой привычный бег. Окружающий мир погрузился в спячку, отгородился стеклянной стеной. Или это я от него закрылась?

Ни тревога в глазах брата, ни косые взгляды подозрительно молчаливой Дальмиры, ни бессмысленная трескотня набивающейся в подруги Истель — ничто не могло вывести меня из странного неестественного оцепенения. Даже болтовня внезапно активизировавшейся Аниаш, озабоченной здоровьем своего обожаемого Пипи. Невидимая нить, что соединила нас с герцогом во время последней встречи, не оборвалась с расставанием, а только окрепла и теперь натянулась внутри, оплетая сердце и дрожа от нетерпения в ожидании нового свидания.

Так прошли сутки, а утром второго дня на выходе из спальни брат внезапно заступил мне дорогу.

— Марусь, подожди, — перехватил он мою руку, — давай подумаем, как нам попасть в Запретные Земли.

— Зачем торопиться? — отозвалась рассеянно. — Саллер тоже туда собирается, он обещал, что после возвращения...

— Мы не станем его дожидаться, — твердо прервал Петька.

— Но...

— Считай, что я не прав, — в голосе брата появились стальные нотки, — но у меня нет причин доверять нашему «гостеприимному» хозяину. Да, тебе он, скорее всего, не откажется помочь, даже если узнает, что ты не Мэарин Ольес, а неведомая иномирянка в теле бесценной хэлени. А вот ко мне вряд ли отнесется столь же благосклонно. Это кузена он бережет, защищает не только от дядюшки, но и от себя самого. А от чужака, даже если он твой брат, поспешит избавиться. Нет человека — нет проблемы, и с его величеством ссориться не нужно. Так что в Хауддан я предпочитаю пробираться без Рэма. Понимаешь?

Конечно, я понимала. Но мысль о том, что придется уехать из Эрменлейва, навсегда расстаться с герцогом, причинила почти физическую боль. Удивительно, как могут сблизить людей одна поездка и два поцелуя.

— Маш... — Петька осторожно придержал меня за плечи, внимательно всмотрелся в лицо, словно пытался обнаружить там что-то очень важное. — Влюбилась, — обреченно выдохнул он наконец.

Прозвучало это не как вопрос, а как утверждение.

Я уже открыла рот, чтобы с жаром возразить, а он вдруг погладил меня по щеке и мягко спросил:

— Все настолько серьезно?

И я сдулась.

— Не знаю, — шепнула, отводя взгляд. — Меня тянет к нему с первого дня нашей встречи, да что там дня — с первой минуты, секунды. Даже когда он сыпал гадостями и обвинял неизвестно в чем, тянуло. А уж теперь тем более... Привязываюсь, наверное. Вот сейчас он уехал, а я только о нем и думаю. Бесконечно перебираю в уме его слова. Вспоминаю лицо, руки, губы... наш поцелуй.

Сказала и испуганно замерла, ожидая реакции брата на неожиданно вырвавшееся признание. Но он только вздохнул.

— Петь, — я вскинула голову, — это наваждение, колдовство, приворот... Называй, как угодно, но точно какая-то хрень магическая. Мне же никогда властные засранцы не нравились, да и герцог не испытывал особых эмоций к своей невесте. А теперь...

— А что теперь?..

— Любая женщина так или иначе ощущает желание мужчины. Вряд ли чувства Саллера глубоки и серьезны, но страсть... страсти с избытком. Похоже, нас приворожили друг к другу.

— Ты уверена, что он хочет именно тебя, а не хэленни? — высказали мне мои же собственные сомнения.

— Наверное, нас обеих. — Пожала плечами и, помолчав, добавила с горечью: — И ему это очень не нравится. Надеюсь, в Запретных Землях снимут проклятую привязку.

Петька притянул меня к себе, обнял, ласково перебирая волосы.

Так мы и стояли некоторое время...

— Машунь, — в интонации брата появилось столько решимости, что я невольно напряглась, — я уйду один.

— Что? — Ошеломленно уставилась на него. — Что ты еще выдумал?

— Так лучше. — Он упрямо стиснул зубы. — Если мне повезет во всем разобраться, найти местного «великого комбинатора» и портал на Землю, — отлично. Вернусь и заберу тебя. Если нет... — он запнулся, — уеду в другую страну или осяду в Хауддане. Может, хоть брак расторгнуть удастся. Тогда все решат, что я погиб, и ты выйдешь замуж за герцога. Если

и это не получится... Что ж... причислят к пропавшим без вести. Ты в любом случае с Саллером останешься. Он о тебе уж точно позаботится, не бросит в беде ни мою жену, ни вдову.

— Петька! Ты что? Ты что?! — Я схватила его за рубашку, затрясла возмущенно. — А если погибнешь? Значит, я буду здесь наслаждаться семейным счастьем, а ты там умирать? Как ты смеешь хоть на секунду предположить такое? — Меня буквально колотило от негодования. — Даже мечтать не смей! Мы вместе найдем выход или пропадем, но тоже вместе. Помнишь нашу детскую клятву?

— Вдвоем всем назло? — Братец слабо улыбнулся.

— Именно. И не вздумай улизнуть без меня, — предупредила угрожающе. — Побегу... поползу следом и не успокоюсь, пока не найду, ты меня знаешь.

— Знаю...

— Жрецы велели нам вместе держаться. И вообще ожерелье именно мне дали, одному тебе даже через границу Хауддана не перебраться. Так что не глупи. Ты сейчас к Дильфору? Вот и иди, проверяйся, пей свои микстуры, здоровье тебе еще понадобится. Если считаешь, что нужно уходить до появления Саллера, значит, так тому и быть. Вернешься — обсудим, я тебя здесь подожду.

Петька ушел, а я засела за карты местности. Но если день с самого утра не задался, то, как водится, и дальше на хорошее надеяться не стоит. Минут через десять бесшумно скользнувшая в дверь Дора почтительно доложила, что меня хочет видеть ее сиятельство графиня Аниаш Ольес.

Активизировавшаяся после нашего приезда из обители матушка Пипи весь вчерашний день многозначительно на меня поглядывала и делала какие-то странные двусмысленные намеки. Беседовать с ней ужасно не хотелось, но отказаться принять мать мужа — верх неприличия, и я, затолкав досаду поглубже, велела камеристке впустить гостью.

— Мири, — разулыбалась с порога свекровь, — сегодня дивное утро, не правда ли?

— Великолепное, — подтвердила я мрачно, соображая, что же означает неожиданный энтузиазм «маменьки» и как к нему относиться.

— Чудесно выглядишь, деточка, — продолжала чирикать ее сиятельство. — Такая свежая, отдохнувшая.

Она грациозно опустилась в кресло, расправляя складки легкого утреннего платья — белого с перламутрово-розовым поясом и такого же цвета кружевным воротничком.

— Спасибо. — Я скромно потупилась, надеясь, что после

односложных ответов визит вежливости долго не продлится и меня наконец оставят в покое.

— А вот Пипи что-то совсем бледненький. — Гладкий лоб графини перерезали озабоченные морщинки. — Как здоровье нашего драгоценного мальчика? Как ему спалось?

Она на мгновение замерла, впившись в меня взглядом, и я поняла, что, собственно, ради этого вопроса весь цирк и затеян.

— Замечательно. Мы как легли, так сразу и заснули.

Я невинно похлопала ресницами, заставив Аниаш огорченно поджать губы.

— Сразу заснули... Знаешь, дорогая, — в ее тоне плеснуло плохо скрываемое раздражение, — сон — это, конечно, прекрасно...

— Да-да, — перебила я, делая вид, что не догадываюсь, куда она клонит. — Вот и мастер Дильфор говорит, что Трэю нужно больше спать...

— Но в семейных отношениях, поверь, сон не самое важное, — с нажимом закончила преданная родительница. — Жена обязана заботиться о супруге и в первую очередь — о его мужском здоровье, а сон этому не способствует. Даже больше — вредит!

— Но мастер Дильфор...

— Лекарь, — фыркнула гостья презрительно, — на то и лекарь, чтобы свои интересы блюсти, а ты должна о нашем Пипи думать и помочь ему побыстрее снова... гм... обрести себя.

— Я?.. — Широко раскрыла глаза.

— А кто же еще, милая? У хорошей жены муж быстро не засыпает. А вот у нерадивой да холодной... — Она осуждающе покачала головой. — Мой бедный мальчик такой чувствительный, такой... отзывчивый. Уверена, не его вина, что приходится «сразу засыпать».

Это она сейчас что, обвиняет неопытную невестку в импотенции обожаемого отпрыска? Плохо, мол, стараешься, дорогая невестушка, лежишь бревно бревном — вот и не встает у... не выздоравливает супруг-то. Мда... Недаром говорят, свекровь — это мать идеального сына, которому не повезло с женой.

— Вы меня обвиняете в том, что я плохо ухаживаю за мужем? — Я скорчила возмущенную гримасу.

— Что ты, что ты, деточка, — тут же пошла на попятный Аниаш, — конечно, нет. Но если приложишь немного больше усилий, — она смерила меня оценивающим взглядом, — будешь ласковой и чуткой, Пипи непременно... откликнется, и уже очень скоро вы порадуете меня внуком. И маркиза Астона, разумеется. Ты понимаешь, о чем я, Мири?

— Нет... — Усмехнувшись про себя, растерянно помотала головой. — Что нужно делать?

— Мужчина любит глазами, девочка моя, — назидательно выдала ее сиятельство, — и наш ненаглядный мальчик не исключение. Созерцание обнаженного женского тела, жарко льнущего к его груди, нежные прикосновения, поцелуи — все это помогает собраться и... гм... воспрянуть. Да... воспрянуть... Помню, мой дорогой супруг после неумеренных возлияний тоже частенько...

Она мечтательно прикрыла глаза.

— Помогает воспрянуть? — Я бесцеремонно вмешалась в воспоминания свекрови. — Духом?

— Что?.. — тут же осеклась женщина. — Да-да... духом. Конечно, духом. Чем же еще? А... разве матушка, маркиза Астон, ничего тебе не рассказывала?

— Не успела, — огорченно пожала я плечами, — обещала перед первой брачной ночью поговорить, но... сами понимаете.

Аниаш чуть заметно скривилась. Я ее очень хорошо понимала — нести просвещение в массы всегда тяжело.

Когда через полчаса графиня ушла — с полыхающими румянцем щеками, высоко поднятой головой и сознанием хорошо исполненного материнского долга, я облегченно выдохнула. Оказывается, не так уж просто сохранять заинтересованно-глуповатый вид, удивленно ахать и застенчиво прикрывать рот ладонью, слушая, как взрослая женщина пытается намеками и обтекаемыми фразами приоткрыть перед неопытной девственницей даже не дверь — маленькую щелочку в мир постельных утех. Тем более если эта «девственница» имеет собственный опыт и вообще знает намного больше ее самой, спасибо интернету и средствам массовой информации.

Признаться, после общения со свекровью я надеялась, что на сегодня все сюрпризы исчерпаны, но после завтрака меня ждала очередная «приятная» неожиданность. Со мною выразила желание побеседовать еще и «тетушка» — ее светлость герцогиня Саллер.

Судя по всему, в Эрменлейве нынче объявили родительский день.

Глава 14

Прозрачный, пронзительно чистый воздух неподвижно застыл в ожидании наступающего жаркого дня. Высокое чистое небо, стрекот кузнечиков в траве, гомон птиц, запах цветов — то нежный, то одуряюще сладкий. Что еще нужно для счастья?

Мы с ее светлостью не спеша шли по центральной аллее парка, постепенно удаляясь от дома. Маркиза Тонтен хотела было составить нам компанию, но герцогиня, едва удостоив воспитанницу взглядом, сухо отрезала:

— Истель, милая, не сейчас.

И девушка, досадливо закусив губу, покорно кивнула.

Аниаш и вовсе не заметила нашего ухода. Пользуясь случаем, она подхватила «сыночка» под руку и, непрерывно стрекоча, поволокла за собой. Брат бросил на меня умоляющий взгляд, обреченно выдохнул, но сопротивляться не стал.

Некоторое время издали раздавалось возбужденное:

— Пипи, сокровище мое, мне совершенно не нравится, как ты питаешься. Тебе надо больше кушать. И еще... я уже советовала Мири непременно заказать устриц из Дуау, говорят... гм... с мужским здоровьем они творят чудеса... Да, именно чудеса. Не понимаю, почему твоя жена до сих пор не озаботилась этим. Потрясающая беспечность. Мой милый Леонт, пусть Танбор согреет его душу, в последние годы к ним просто пристрастился, и знаешь, прекрасно... гм... помогало. Они, конечно, невероятно дорогие, но уверена, Рэм не откажет тебе в такой малости. Или, может, все-таки обратимся к мастеру Юрмэ? Не доверяю я этому лекарю... Как его? Дильфору...

Звонкий голос графини, сопровождаемый невнятным мычанием пойманного в силки Петьки, постепенно отдалялся, и вскоре все стихло.

Мы с Дальмирой слаженно шагнули на одну из боковых дорожек, и только тогда она, не поворачивая головы, небрежно, будто невзначай обронила:

— Вы учились вместе с маркизой Тонтен в заведении леди Вивил, так ведь? Что о ней скажете?

С недоумением покосилась на безупречный профиль спутницы. Она что, пригласила меня только для того, чтобы побеседовать о своей воспитаннице?

— Истель окончила школу на год раньше. — Я быстро «пролистывала» воспоминания Мири. — Мы не очень хорошо знакомы. Скромная, милая, тихая... Прилежная... Вроде бы. Старалась ни с кем не ссориться. И...

— Никогда не боялась моего сына? — бесцеремонно перебила ее светлость.

В ответ на этот вопрос память Мэарин неожиданно подкинула яркую картинку...

Лето, цветущий луг у реки — пестрый оазис среди зеленого леса — и веселая стайка девушек на огромном меховом покрывале в тени старого дерева. Ученицы нескольких старших классов выехали на пикник и теперь, собравшись вместе, вдохновенно делились впечатлениями и сплетничали. О моде, балах, на которых они скоро засияют яркими звездами, и, разумеется, о мужчинах. Вернее, о предполагаемых женихах. Блестящие глаза, румянец на щеках, доверительный шепот, озорные смешки, сдвоенное хихиканье. Звучало много громких имен, но все сходилось в одном...

«Только не герцог Саллер...» — «Он, безусловно, знатен и богат, но...» — «Я упаду в обморок, стоит ему лишь прикоснуться. Так и знайте...» — «Ах, когда он смотрит на меня своими черными глазами, у меня внутри все обрывается... от испуга, наверное...» — «И его должность... Магия жуткая... А лицо? Вы видели этот страшный шрам?...» — «Ходят слухи, что, когда он читает заклинания...» — «Ой, прекратите... Нет, я умру, точно умру. Кто угодно, только не он».

И лишь молчавшая весь разговор Истель мечтательно пробормотала:

— А мне он нравится, — запнулась и еле слышно выдавила: — Очень.

Но все тут же зашикали-зашипели, она покраснела и сконфуженно затихла...

Так что да, юная маркиза Тонтен единственная из взбалмошных институток не боялась мэссера. Но я не стала откровенничать об этом с его матерью, лишь неопределенно передернула плечами.

— Истель стала бы хорошей женой моему сыну. — Герцогиня по-прежнему смотрела куда угодно, только не на меня, словно пейзаж ее занимал намного больше, чем та, что идет рядом. — Но он предпочел другую. С первой же встречи, стоило только взглянуть на тебя, девочка, я поняла — он сделал неудачный выбор.

Дальмира перешла на «ты», и я тут же инстинктивно подобралась. До сих пор она неизменно обращалась ко мне на «вы», подчеркивая дистанцию. Значит, разговор предстоит серьезный.

— Я попыталась объяснить с Рэмом, но он меня не послушал, вернее, не услышал, и сделал предложение. Он так увлекся идеей породниться с Гольвеном Астоном... Собственно, в первую и в последнюю очередь ему был нужен твой отец. Дочь главного королевского казначея шла лишь досадным приложением. Но этому никчемному, трясущемуся, испуганному «приложению» отводилась роль матери моих внуков. Меня это не устраивало.

Да, ее сиятельство знала, как побольнее ударить. Никчемное приложение... Скорее всего, настоящую Мэрин — капризную, своевольную, избалованную девочку — это бы задело, оскорбило ее гордыню, а я... просто вопросительно подняла брови. Послушаем, что ты еще скажешь, дорогая несостоявшаяся свекровь.

— Когда Рэм опомнился, оказалось поздно, — зыркнув на меня, недовольно продолжила герцогиня. Судя по всему, моя реакция ее не очень вдохновила. — Я видела, что выбранная невеста раздражает сына, и это еще до свадьбы. Представила, во что превратится ваш брак, пришла в ужас и начала действовать, пригласив в гости Ани с Трэем. У Ольесов недостаточно собственных средств, чтобы постоянно жить в столице, поэтому они с радостью ухватились за возможность уехать из родового имения и окунуться в светские развлечения Тагрифа. Племянник легкомыслен и беспечен, но при этом чрезвычайно обходителен и на редкость красив. Такие всегда нравились юным неискушенным девушкам. — Она еле заметно скривилась, видимо, вспомнив о судьбе сестры. — Я обеспечила ему приглашения на те балы, куда начала выезжать ты... Мой план удался — вы заметили друг друга и влюбились.

Она остановилась и, развернувшись, в упор уставилась на меня.

— Да-да, это был именно мой план — свести вас и заставить бежать. Осуждаешь?

Я не ответила, опять пожав плечами. Кажется, этот жест в общении с герцогиней скоро войдет у меня в привычку.

— Сначала все шло так, как задумано. — Дальмира подошла к ближайшему жасминовому кусту и принялась рассеянно перебирать душистые цветы, точно примериваясь, какой сорвать. — Доверенные люди нашептали Трэю нужные слова и посоветовали обвенчаться в Древней обители, чтобы старший кузен уж точно не смог оспорить состоявшийся брак и вернуть сбежавшую невесту. Я все рассчитала. Вы поженитесь, уедете в дальнее поместье, а мы с Рэмом тем временем уговорим твоих родителей простить неразумных детей. И все останутся довольны. Сын избавится от опостылевшей невесты, а племянник получит достойную его

жену, — она иронично хмыкнула, — и богатое приданое. Не все же ему висеть на шее у Саллеров.

Угу, надо переложить Трэюшку на шею маркизу Астону. У казначея она мощная, выдюжит. Ну что сказать? Ее светлость просто великий комбинатор Намарры. Остап Бендер рукоплескал бы стоя.

— Я рассчитала, — повторила женщина. — Когда же все пошло не так? И это жуткое нападение... Кому вы помешали? Кому понадобилось избавляться от Трэя и похищать тебя? — Она обожгла меня подозрительным взглядом, словно обвиняя, что я сама все это и затеяла. Уже привычно дернула плечами. Да, это движение точно станет моим любимым. — Рэм затащил вас обоих в Эрменлейв, на мои вызовы не отвечал, а когда приезжал сам, отделивался короткими фразами, что вы живы и все в порядке. Тогда мы с Аниаш примчались в имение...

Видимо, не очень быстро мчались, раз Истель не забыли прихватить. Или она заранее подготовилась? Так сказать, находилась на низком старте. Я сжала губы и потупилась, стараясь не выдать «неподобающих» мыслей.

— ...и оказалось, что Рэм окружил его щитом высшего уровня. Неслыханно! Такое заклинание используют, когда лицам королевской крови грозит опасность, а не для того, чтобы закрыть имение, где гостит кузен с твоей же, между прочим, сбежавшей невестой. Хорошо, что у меня как члена семьи есть постоянный допуск, а то он и мать родную не пустил бы. И вот мы здесь, и что же я вижу?

— А что, собственно, вы увидели? — не вытерпела я, и тут же пожалела о своей резкости.

— Ты изменилась, девочка, — испытующе прищурилась ее светлость, — сильно изменилась. А может, это и есть настоящая Мэарин? А образ беззаботной глупышки — всего лишь маска, которой ты раньше успешно пользовалась?

Хорошая версия. Ничуть не хуже любой другой, чтобы объяснить внезапные изменения в характере молодой графини Ольес.

— Спрашиваешь, что я увидела? — Пальцы Дальмиры безжалостно смяли белый цветок. — Племянника, неспособного консуммировать брак. Сына, увивающегося за чужой женой, за девушкой, от которой еще совсем недавно мечтал избавиться. А еще я увидела ту самую девушку, которая умело вертела ими обоими, срамливая друг с другом.

Ну вот. Еще одна преданная мамаша нашла в моем лице крайнюю. Ожидаемо, в принципе, но я все-таки попробовала оправдаться.

— Вы ошибаетесь...

Попытка бесславно провалилась.

— Я редко ошибаюсь, — холодно отрезала собеседница, — особенно в отношении собственного сына. Прежде чем делать выводы, я наблюдаю... создаю нужные ситуации.

Тут же вспомнилась прогулка к водопадам и подозрительное исчезновение Дальмиры с воспитанницей. Интересно, она что, под благовидным предлогом бросила где-то Истель и банально подглядывала? Представив ползающую по кустам герцогиню, я не сдержала кривой усмешки.

— Зря смеешься, милочка, — вскинулась ее светлость, — как бы плакать не пришлось. Не понимаю почему, но совершенно очевидно, что мой сын увлечен тобой. Нет, не просто увлечен, он сходит с ума до такой степени, что готов драться с кузеном. То, что случилось в библиотеке, было... отвратительно. Если ты этого не замечаешь, то «обрадую» — он на грани. Пока правила приличия и родственные чувства его сдерживают, но рано или поздно он сорвется, и тогда... Рэм вызовет брата на дуэль... Запрет тебя в своем доме. Бросит вызов целому миру, чтобы владеть тобой... Даже я сейчас не могу предположить, что произойдет. В любом случае тебя он не отпустит. Устраивает такой расклад?

Герцогиня уже не скрывала своей ярости. Воинственно сверкая глазами, она сыпала и сыпала вопросами.

— Хочешь стать причиной гибели Ольеса, а после его смерти выйти за Саллера? Или превратиться в любовницу при живом муже? Выбирай, что больше по душе? Ты же вроде любила Трэя... Так любила, что не побоялась бежать с ним, нарушив все мыслимые нормы. Или это тоже притворство? Бедняга никогда всерьез тебе не нравился — минутная прихоть, не больше? Теперь ты опомнилась и мечтаешь вернуться к Рэму? Ждешь, что он уничтожит кузена и сделает тебя вдовой? На это надеешься, да?

— Я никому не позволю убить Трэя. — Я твердо посмотрела в разгневанное лицо и почти по слогам повторила: — Никому.

— Тогда что ты... вы делаете в Эрменлейве? Оба давно здоровы, пора устраивать собственную жизнь. Если у Рэма нет сил отпустить тебя, ты обязана сама убраться с его глаз. И поскорее, чтобы он наконец успокоился и забыл о своей внезапной страсти. Уговори мужа покинуть имение.

Забыл о страсти... Я сглотнула, избавляясь от внезапно возникшего на языке привкуса горечи. Не время сейчас раскисать.

— Мы давно собирались уехать, только не знаем как.

— А вот в этом я готова помочь...

Петька нашел меня в нашей любимой беседке у озера. Я стояла,

облокотившись на перила, следила, как на воду розовым снегом осыпаются лепестки цветущей рядом магнолии, вдыхала нежный лимонный запах и думала о том, что сообщила Дальмира.

— Марусь, ну ты чего? — с ходу набросился он с вопросами. — Герцогиня давно уже вернулась, а тебя все нет и нет. — С тревогой всмотрелся в мое лицо. — Мадам сказала тебе что-то оскорбительное? Обидела?

— То, что «тетушка» пыталась уколоть и усердно заплевать ядом, — факт, но не Машу, а бедняжку Мири. — Я бросила прощальный взгляд на озеро и повернулась к нему спиной, прислонившись к резной колонне. — Лично меня ее прозрачные намеки нисколько не задели.

— Тогда что случилось? Почему ты здесь? Мы же собирались обсудить дальнейшие планы. Времени совсем не осталось.

— Петь, — попыталась я вклиниться в сбивчивую, торопливую речь, — Пе-тя!

Но прервать брата не удалось. Он не слышал, вернее, не желал слушать. Создавалось ощущение, что Петька просто-напросто боялся. Ужасно боялся, что я сейчас брякну нечто крайне неприятное.

— Я все рассчитал, — торопливо сыпал он словами. — Распоряжусь, чтобы на обед принесли побольше хлеба, овощей и мяса — мол, после выздоровления у меня проснулся зверский аппетит. Вот все это с собой и возьмем. Надолго, конечно, не хватит, но нам бы только до границы с Хаудданом добраться, а туда не больше дня ходу. Велю слугам с утра не беспокоить — господа желают друг с другом наедине побыть, и ночью уйдем. Одежду потом в лесу мою наденешь. Она тебе, конечно, велика, но ничего — подогнем и подвяжем, не страшно. Единственная проблема — магический полог над именем. Мда... Проблемища... Как его снять? Мне тут в голову пришло — давай используем твое ожерелье? Вдруг оно на время снимет защиту или хоть как-то пробьет ее?

— Петь, — повысила я голос, — мы не будем экспериментировать. И взламывать охранные щиты тоже. Это рискованно.

— Все-таки передумала? — Брат разочарованно поник, ссутулился устало и как-то сиротливо. — Хочешь остаться? Что ж... Сам пойду, как и предлагал сначала. Я и карты еще раз посмотрел — отсюда до Хауддана не так уж далеко. Доберусь. Ты, главное, попробуй все-таки полог убрать. Иначе мне не вырваться.

— Доберется он! Тоже мне, юный скаут нашелся. Пионер диких прерий! — Возмущенно дернула его за ухо. — Чтобы я больше этой чепухи не слышала. Вместе — здесь, там, неважно — значит вместе. И точка.

— Ай! — Брат демонстративно потер пострадавший орган. Впрочем, сердитым он не выглядел, скорее довольным. Успокоенным уж точно. — В чем же тогда дело?

— Дальмира предложила свою помощь, — порадовала я родственника сенсационной новостью.

— Что? Да ладно... Какая муха ее укусила?

— Большая, откормленная — фыркнула иронично, — «я-же-мать» называется. Слышал о такой? Судя по моему печальному опыту, встречается во всех мирах, хорошо размножается в домашних условиях, невероятно опасна и ядовита.

— Хм... А если серьезно?

— Ну, если серьезно... Ее светлость просто-таки жаждет, чтобы бывшая невеста убралась из жизни ее сына, причем незамедлительно. Перестала морочить ему голову и коварно соблазнять. По ее мнению, я только этим здесь и занимаюсь — искушаю Рэма и тем самым подставляю под удар собственного новообретенного супруга. Ее любимого племянника, между прочим, о благополучии которого она тоже очень заботится. Вот такая я подлая оболстительница и негодяйка.

— Я ее понимаю... по-своему, — пробормотал Петька и виновато развел руками. — «Я-же-брат»... Это, конечно, не смертельный диагноз, но мне тоже не нравится ваша с Саллером взаимная симпатия, тем более что она день ото дня только крепнет.

— Что значит взаимная симпатия? Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

— Ой, Маш, перестань. Ты на него иногда такие красноречивые взгляды бросаешь... Только слепой пропустит. А у герцогини со зрением все в полном порядке.

— И кто еще мог перехватить эти «красноречивые взгляды»?

Как-то не по себе стало. Неужели мое отношение к мэссеру настолько прозрачно?

— Кто угодно, — скривился братец, — кроме Саллера. Он слишком не уверен в твоих чувствах, даже если увидит — не поверит, решит, что показалось. Хотя... Возможно, не все так печально. Истель — юная неискушенная девица. Графиню в этой жизни волнует только одно: как ест, спит и ходит на горшок богоподобный Пипи. Уф, ну и имечко... Какая-то ненормальная осмелилась предпочесть другого мужчину после того, как ее одарил благосклонностью почти небожитель? Этот бред Аниаш никогда всерьез не примет, даже если вы с мэссером займетесь любовью прямо у нее на глазах. Поэтому вполне вероятно, что только мы с Дальмирой и

заметили. Она наблюдательна, неглупа, и вся эта ситуация ее очень занимает. А я слишком хорошо тебя знаю, чтобы уловить малейшие изменения в поведении. Так что там замыслила ее хитроумная светлость?

— Предложила дать денег, экипаж и хорошего пинка до ближайшей границы.

— Пинок обязателен?

— Боюсь, это единственное, что герцогине действительно для меня не жалко, — усмехнулась я, — но она вынуждена дополнить его деньгами, каретой и даже сопровождением. Чтоб уж наверняка. Недалеко от границы с Онижем в уединенном поместье ждет отряд, который доставит нас в соседнее государство.

— И как мы доберемся до этого самого поместья?

— Миледи оказалась столь добра, что расщедрилась даже на такую редкость, как артефакт перехода. — Петька удивленно присвистнул. — И взламывать защиту имения не придется. Дальмира как ближайшая родственница в состоянии настроить портал таким образом, что мы уйдем прямо отсюда, из парка, не потревожив охранный периметр. Потребуется лишь несколько капель ее крови, отданных добровольно, и прямой приказ духу-хранителю Эрменлейва. Да, и такое чудо здесь имеется.

— Хорошо, перенесемся мы в ее поместье, и что? — Братец не скрывал своего скепсиса. — Саллер нас там и накроет.

— Дом не имеет к ее светлости никакого отношения. Он арендован недавно и через подставных лиц.

— Надо же, а тетенька-то не поскупилась. Дорогой артефакт, специально подготовленное жилье, сопровождение... Из Эрменлейва она не уезжала, когда же успела подсуетиться? Заранее подготовилась? Не доверяю я ей, Машунь.

— Я тоже, — кивнула, соглашаясь. — Так несостоявшейся свекрови и сказала. Тут-то и выяснилось, что поместье, индивидуальный портал и все остальное — не ее идея. Вообще план по большей части принадлежит другому.

— Кому?

— Вот это самое любопытное. — Я протянула Петьке листок, который все это время держала в руке. — Читай.

— Дочь... — начал он вслух и тут же недоуменно вскинул голову.

— Читай-читай, — поторопила я.

— «Дочь, я рад, что все обошлось и ты здорова. Не стану писать о том, как огорчил меня твой поступок, уверен, ты и сама это понимаешь. И ругать тебя за непослушание и не подобающее положению и воспитанию

поведение сейчас не буду. Что сделано, то сделано. Надо думать, как все уладить так, чтобы не вышло еще хуже. Ее светлость сообщила мне, что происходит в имении герцога. Мне никогда не нравился граф Ольес, я не одобрял и не одобряю твой выбор. И благословения от меня не жди. Если бы Саллер убил твоего никчемного муженька и все-таки женился на тебе, я только приветствовал бы этот поступок и ни в чем Роэму не препятствовал. Но герцог никогда не поднимет руку на брата, поэтому его внезапно вспыхнувший интерес меня категорически не устраивает. Видеть тебя любовницей мне хочется еще меньше, чем супругой недотепы Ольеса. Вам нужно немедленно уезжать из Эрменлейва. Я снял поместье и привязал к нему одноразовый портал, который тебе передаст ее светлость. Даже она не знает, где находится выбранный мной дом. Так надежнее. Там вас ожидает отряд и мой доверенный человек. Это виконт Лейфри, секретарь по особым поручениям».

Мэарин, а вместе с ней и я, не помнила никакого Лейфри. В памяти не осталось ни имени, ни лица. Впрочем, это неудивительно — девушку никогда не интересовали подчиненные родителя.

— «Он проводит вас до границы, — продолжал Петька. — В Новуте, столице Онижа, на твое имя куплен дом, и открыт счет в местном банке. Распорядись золотом разумно, это мой прощальный подарок. Не о таком свадебном путешествии для дочери я мечтал, но какая свадьба — такое и путешествие. Я неплохо знаю герцога. Что бы ни произошло между вами в Эрменлейве, он не станет открыто преследовать замужнюю женщину, тем более на территории другого государства. Какие бы чувства он ни испытывал, ему придется смириться. Да хранит тебя Танбор, дитя. Твой отец, Гольвен Астон».

Брат закончил читать, и некоторое время мы просто молчали. Молчали и смотрели друг на друга.

— Маркиз не знает, кто ты, — наконец прокомментировал Петька. — Саллер не бросился бы в погоню за чужой женой, это верно, но хэленни он точно не оставит в покое. Хотя ловить нас в другой стране, да еще у всех на виду, однозначно труднее. В столице, разумеется, оставаться нельзя, но дом можно продать и уехать в какую-нибудь Птархову глухомань. И до Хауддана из Онижа не так уж сложно добраться. Остается несколько важных вопросов. Прежде всего — это писал маркиз?

Еще раз взгляделась в письмо, вспоминая, листая перед мысленным взором все записки — короткие и длинные, что королевский казначей когда-либо посылал дочери.

— Я уже думала об этом. Почерк его... — я запнулась, — или очень

похожий.

— Тогда последнее... Доверяем мы Астону или нет?..

Представительный, чуть полноватый мужчина в темном камзоле с серебряной эмблемой у воротника — знаком занимаемой должности. Зачесанные назад волосы, седые на висках, строгое лицо, острый цепкий взгляд, который всегда теплел, когда Гольвен смотрел на свою девочку, свою маленькую Мири...

— Маркиз жесткий, даже жестокий человек, — отозвалась тихо, — но он, безусловно, любит дочь и никогда не подставил бы ее под удар. А вот тебе, то есть Трэю, точно постарался бы напакостить.

— Это мы еще посмотрим, — отмахнулся Петька. — Я все-таки не такой растяпа, как Ольес. При любом раскладе, возможность упускать нельзя. Лучшего случая уже не представится.

Сомнения... Они не покидали меня весь оставшийся день.

И когда Петька отослал меня в дом, а сам немедленно отправился к тетушке — уточнять детали. И когда, вернувшись с переговоров, он под каким-то предлогом выпроводил слуг, чтобы начать собираться. Взять собой много мы не могли, но самые необходимые вещи, карты Онижа и Намарры упаковали в найденную в гардеробной небольшую дорожную сумку.

Петька с Дальмирой договорились, что уходить нам лучше ночью, когда все в имении лягут спать, — меньше риска с кем-то столкнуться. До вечера оставалось еще достаточно времени, и чем занять себя, я совершенно не представляла.

Петька же развил бурную деятельность. Вновь и вновь просматривал карты, измерял расстояние от столицы Онижа до Хауддана, планировал, чем мы займемся и как заживем, если не удастся вернуться на Землю. Шутил, тормозил меня и постоянно о чем-то спрашивал, явно ожидая согласия и немедленного одобрения. Давно я брата таким не видела.

Глядя на него — разгоряченного, почти пьяного от возбуждения, окончательно осознала, насколько его тяготит зависимость от Саллера, то, что он лишен права определять собственную жизнь, а вынужден плыть по течению. Словно с него сползла чужая навязанная личина, и из-под нее показалось истинное лицо моего любимого родственника. Он всегда был авантюристом и обожал рисковать.

— Это будоражит кровь, расцветивает все яркими красками, — смеялся он в ответ на справедливые, между прочим, упреки.

В этом Трэй с братцем разительно отличались.

Ольеса устраивала роль маменькиного сына, тщательно опекаемого и

во всем послушного старшему кузену. А мы давно жили самостоятельно и привыкли сами выбирать, что делать. Только вот последствия Петькиных опрометчивых решений порой приходилось расхлебывать именно мне. Ладно дома, на Земле. Там это не грозило ничем, кроме мелких или крупных неприятностей. На Риосе же любой неверно просчитанный шаг мог стать смертельным.

А я ведь ощущала, что мы совершаем ошибку. Не могла объяснить, почему, но, черт возьми, даже в груди предательски холодело от нехорошего предчувствия. Однако брата было не остановить, он пер как танк и ничего не желал слушать, а отпускать его одного я не собиралась. Это все равно, что разорвать себя на две половины — глупо, жестоко и к тому же бессмысленно, одна часть без другой долго не просуществует.

После ужина я не выдержала и, в очередной раз утачив его в парк подальше от чужих ушей, прижала к ближайшему дереву.

— Петь, давай еще раз все как следует прикинем. Мне кажется...

— Вот именно, «кажется». — Он сердито отстранился и отошел на несколько шагов. — Что тебя смущает, Марусь? Помощь герцогини? Так она делает это не для тебя, а для сына и собственного спокойствия. Послание маркиза? Но мы же вроде выяснили, что Астон лично его написал. Ты ведь узнала почерк.

— Узнала, — подтвердила нехотя.

— Ну вот. Или сомневаешься, что Гольвен действительно заинтересован в том, чтобы Мэарин убралась с мужем в Ониж?

Я помотала головой.

— Тогда что? Я понимаю, ты хочешь дождаться возвращения Саллера. Рассчитываешь, что он отвезет нас в Хауддан? Между прочим, он тебе этого не обещал, а всего лишь согласился поговорить о поездке. Я вообще сомневаюсь, что его светлость пустят в Запретные Земли. Даже с нами.

— А я так абсолютно уверен, что не пустят, — ехидно пропели где-то под локтем, заставив меня испуганно отдернуть руку. — Один раз отказали, откажут и еще раз. Нечего человеческому мэссеру делать на нашей территории. Особенно сейчас.

Йор...

На этот раз фрейр — для разнообразия — материализовался не на дереве, а на соседнем ореховом кусте. Заметил, что мы обратили на него внимание, небрежно откинул назад волосы и высокомерно вздернул подбородок. Показушник.

— Приветствую вас, смертные, — процедил он высокопарно и осклабился, демонстрируя, что с его акульей улыбкой — кошмарным сном

стоматолога — по-прежнему все в полном порядке.

— Здравствуйте, — откликнулась я вежливо.

— И тебе не загнуться раньше положенного, — одарил меня сомнительным пожеланием мелкий.

Петька буркнул что-то отдаленно похожее на «привет» и вернулся к прерванному разговору.

— Вот видишь? И что герцог, по-твоему, сделает? Добровольно отпустит нас... тебя... то есть ценную хэленни Птарх знает куда? Да ни за что. Скорее, повернет назад и запрет в Эрменлейве. Что тогда? Хватит, Машка, не глупи! — Он нетерпеливо тряхнул меня за плечи. — Да, мы рискуем, не спорю, но, оставаясь, подвергаем себя еще большей опасности.

— Вот вроде недоумок недоумком, а иногда способен на правильные выводы, — одобрительно прокомментировал фрейр.

На этот раз Петька не выдержал.

— Что тебе опять от нас надо?

— Да все то же. — Йор взвился в воздух, повисел пару секунд и перепорхнул на жимолость. — Вас ждут. Да что там ждут — заждались уже. Но вас одних, мэссеры нам и даром не нужны. И чтоб никакого Онижа. Заехать туда, конечно, можно... ненадолго, а потом мухой... двумя мухами — в Хауддан. Я ясно выразился или повторить? Смертные иногда невероятно тупят, — пожаловался он в пространство, — бесконечно одно и то же разжевывать приходится. Кстати о разжевывать...

Наглец сделал быстрый жест, и на его ладони появился спелый бархатистый персик.

— М-м-м? — промычал он вопросительно, протягивая руку в нашу сторону.

— Нет, спасибо, — отказалась я, а Петька лишь плотнее сжал губы.

— Зря, — надулся мелкий, — от души предлагал, без злого умысла, горбатый тролль вам в ребра. А впрочем, — тут же повеселел он, — вранье. У меня и души-то нет.

Он подмигнул и впился в плод острыми зубами, слизывая с губ сок тонким длинным языком. Укус, другой — и персик исчез, причем прямо с косточкой. По-видимому, кошмарным челюстям фрейра все нипочем.

— Ладно, смертные, — Йор закончил трапезничать, достал из воздуха пижонский кружевной платок зеленого цвета и тщательно вытер пальцы, — с вами хорошо, а без вас еще лучше. Я сказал, вы слышали и — если не совсем безнадежны — поняли.

И он начал выцветать, явно собираясь покинуть наше общество.

— А как ты... вы здесь оказались? — Я до сих пор так и не

определилась, как обращаться к «недоэльфу». — Эрменлейв ведь накрыт охранным пологом.

Фрейр так удивился, что на мгновение проявился снова.

— Ты всерьез считаешь, что меня остановит поставленный человеком щит, даже если этот человек — мэссер? — Он вгляделся в мое лицо. — Правда, считаешь. Ну позабавила, крошка... Ха-ха-ха... Спасибо.

Переливчатый смех разлетелся по парку, хрустальной росой осев на цветах, и Йор исчез. Теперь уже окончательно.

Больше о том, чтобы остаться и дожждаться Саллера, мы с Петькой не заговаривали. Это и раньше казалось затруднительным, а после эффектного появления фрейра и его слов стало совершенно бесполезно.

Герцогиня пришла к нам в полночь. Все было заранее обговорено, поэтому Петька просто подхватил саквояж, а Дальмира протянула ему серый глянцево поблескивающий кристалл.

— Да хранит тебя Танбор, Пиотрей, — напутствовала она тихо.

Мне ее светлость ничего не пожелаала. Но именно это, как ни странно, окончательно убедило в ее искренности.

Бледный решительный Петька коротко кивнул, сжал мою ладонь и потянул к двери — в помещении открывать портал не рекомендовалось. Но не успели мы выйти, как тут же наткнулись на стоявшую в коридоре Аниаш.

— Пипи... — Тонкие пальцы нервно теребили длинную нитку жемчужных бус. — Счастье мое, ты уходишь?

Петька с яростью повернулся к Дальмире.

— Я ничего не говорила, — тут же открестилась она.

— Не говорила, — шепнула матушка Трэя дрожащими губами, — но это и не нужно. Я сама все поняла. Мой мальчик меня снова покидает. Знаешь, — она растерянно передернула плечами, — иногда мне кажется, что тебя давно уже нет рядом. Глупость какая, верно?

— Ну что ты, — виновато затоптался на месте брат, — я здесь, видишь? Просто сейчас мне нужно ненадолго уйти.

— Если нужно, значит, иди, — покорно согласилась ее сиятельство, — только попрощайся.

Петька на секунду замер, потом неловко обнял женщину, клюнул в щеку.

— До свидания... мама.

Аниаш прижала его к себе крепко-крепко, нехотя отпустила, сморгнула слезы и деловито повернулась в мою сторону.

— Не забывай, Мири, — произнесла она совсем другим тоном, —

отвар такки по утрам и горячее молоко на ночь. Это очень важно. И еще... Закажи наконец-то устриц. Меня беспокоит твоя вопиющая беспечность по отношению к здоровью Пипи.

Дальмира скорбно вздохнула и, шагнув к графине, обняла за плечи.

— Она непременно все закажет, Ани. В тот же день, как они доберутся до места.

— Да-да, — обрадованно поддержал Петька, — как только, так сразу. Я проконтролирую.

Ее сиятельство погладила «Трэя» по щеке и наконец позволила старшей сестре увести себя в комнату.

Мы быстро спустились в парк, завернули за деревья, чтобы не было видно из дома, разломали кристалл и бросили его на землю. По траве тут же заструился сероватый дымок, вычерчивая нужную фигуру. Через несколько мгновений контур замкнулся, и мы, крепко взявшись за руки, вошли в образовавшийся полупрозрачный многоугольник.

Вот и все. Прощайте, ваша светлость герцог Роэм Саллер. Увидимся ли мы снова?

Темнота — вязкая, клейкая, через которую приходится буквально продираться...

Горячие пальцы брата, не позволяющие потеряться и впасть в панику...

Секунда — бесконечная, томительно долгая...

Вторая...

Третья...

И смутно знакомый вкрадчивый голос:

— Мэарин, благодарение Танбору, вы здесь. Какое счастье вновь видеть вас.

Глава 15

— Что же вы стоите на ветру, Мэарин? Так и простыть недолго.

— Вы очень любезны, милорд, но в этом простенке совершенно не дует. В любом случае, у меня, как у всех членов нашей семьи, неплохая регенерация. Вам как никому другому это прекрасно известно.

— Да... разумеется...

Мужчина с поклоном отступил, а я закусила губу, стараясь не взвыть от досады.

Секретаря по особым поручениям, о котором упоминал в письме «отец», узнала сразу, едва мы оказались в снятом для нас доме. Нет, не так. Его самого я почти не помнила — лишь смутный образ, лицо в толпе прихлебателей маркиза. Но вот голос... Этот голос многократным отчетливым эхом звучал в памяти.

Виконт часто бывал в доме Астонов, только вот Мэарин никогда не обращала на него внимания. Очередная бесцветная тень, один из безымянных спутников ее вельможного родителя. Вечный, как нотации леди Грифуа, наставницы по этикету, и такой же нудно-унылый. Юную капризницу не интересовал этот худощавый русоволосый человек — молодой и, в общем-то, довольно симпатичный, она даже не представляла, как его зовут. А вот в самом Лейфри Мири, похоже, будила иные эмоции.

Судя по воспоминаниям, он выюном вился около девушки: постоянно о чем-то спрашивал, что-то предлагал. Окружал ненавязчивой заботой, справлялся о здоровье. Выполнял мелкие просьбы... даже не просьбы — брошенные вскользь поручения. Угодливый, безликий, незаметный. Не человек — всего лишь голос. Интересно, он на что-то надеялся или просто чистосердечно радовался тому, что хотя бы не гонят? Что можно изредка покрутиться неподалеку и оказаться полезным?

Вот и сейчас, не успели мы выйти из портала, как он завертелся рядом. Пылко сообщил о своем восторге, даже счастье от встречи и тут же осведомился:

— Вы, наверное, не помните моего имени, миледи?

Я виновато передернула плечами, и мужчина обиженно поджал губы. Чувствовалось, что ему очень неприятна моя забывчивость. Знал бы он, что Мири не только имени, но и его самого практически не помнила.

— Виконт Лейфри...

Следуя правилам этикета, я протянула руку, и секретарь Астона с

готовностью ее подхватил. Не поцеловал — ужалил. Чужие губы были сухими, обветренными и неестественно горячими, создавалось ощущение, что виконта плавит изнутри мучительная лихорадка.

— Риберт Лейфри, — добавил он, опалая взглядом, точно намеревался выжечь свое имя у меня на лбу. И я облегченно выдохнула.

Пусть «Риберт», пусть кто угодно, главное — не Могир. А то его ужимки уже начали беспокоить и будить смутные, но очень нехорошие подозрения.

Меня проводили в гостиную, усадили и начали знакомить с «повесткой дня». Именно меня, Петьку виконт подчеркнуто не замечал. Лишь при встрече холодно обронил: «Граф Ольес...», обозначил едва заметный поклон и на этом с церемониями покончил.

Зато я с каждой минутой все глубже и глубже увязала в липкой паутине его любезности. Он обращался ко мне «миледи», «Мэарин», даже «ваше сиятельство», только не «графиня» — и уж тем более не «графиня Ольес», упорно избегая малейшего намека на мой новый статус. Словно считал «Трэя» не мужем, а так, случайным попутчиком, временным компаньоном в путешествии. Раздражающим, но, увы, необходимым.

Выезжать к границе с Онижем планировалось завтра ближе к вечеру — Лейфри ждал каких-то людей или известий, да и передвигаться ночью было безопаснее. Поэтому, кратко обрисовав ситуацию, нас отправили спать, причем попытались уложить в отдельных спальнях. И только после дружного сопротивления с нашей стороны явно с большой неохотой оставили в одной комнате.

Мы не стали проверять помещение и искать подслушивающие артефакты — бесполезно. Можно до утра провозиться и ничего так и не обнаружить. Обмениваясь ничего не значащими репликами, привели себя в порядок и забрались на кровать.

— Мутный он какой-то, Машка. — Брат молча поцеловал меня в кончик носа. — Будь осторожнее.

— Сам будь. — Я также без слов крепко стиснула его ладонь. — Мне не нравится, как он на тебя косится. Не исключено, что у него есть отдельный приказ по твою душу.

Так, не разжимая рук, мы и заснули.

А утром началось, вернее, продолжилось...

— Не желаете ли вина, миледи?

— Благодарю, я не пью...

— Зачем же сидеть в гостиной в такой чудесный день? Позвольте, я провожу вас в сад. Там есть тенистый пруд с беседкой и, кажется, даже с

золотыми рыбками.

— Спасибо, не стоит. Не хочется вас утруждать. Уверена, мы с супругом легко найдем дорогу...

— Мэарин, примите этот скромный букет в знак искреннего восхищения. Вы так же загадочны и прекрасны, как эти розы. Когда я смотрю на них...

О, Птарх побери!..

— Виконт...

— Риберт. Для вас всегда просто Риберт — секретарь вашего отца и ваш покорный слуга.

— Вы очень любезны, лорд Лейфри, но я не люблю сорванных цветов.

— Гм... Помнится, раньше вы очень любили получать букеты от... поклонников.

— Что поделать, вкусы меняются. О, кажется, муж зовет. Простите, надо идти...

За день виконт успел надоесть мне хуже горькой редьки. Я, правда, никогда ее не пробовала, но заранее чувствую — гадость редкостная. Такая же, как этот навязчивый прилипала. И как только королевский казначей его терпит?

Особенно тяжело пришлось после обеда, когда начальник охраны, хмурый неразговорчивый мужик с мягкой походкой и немигающим змеиным взглядом, под предлогом обсуждения каких-то важных деталей увел Петьку с собой. Я дернулась следом, но Лейфри меня остановил.

— Ваш муж, — он впервые за все время так прямо заговорил об Ольесе, — должен знать, что делать в случае неожиданного нападения на отряд. Эта беседа не для нежных женских ушек. Воины не поймут, если граф сейчас явится к ним в сопровождении супруги. Они не жалуют подкаблучников.

— А вы...

— Мое место рядом с вами, Мэарин. Всегда рядом с вами. — Хотела вставить, что лучше бы он поменялся с Трэем местами, но виконт категорично закончил: — Таково распоряжение лорда Астона. Пройдемся еще раз по саду? Или прикажете подать сок? Чай?

Меня не привлекал ни тихий заброшенный садик с цветными каменными дорожками, заросшими газонами и ажурными деревянными скамейками в тени деревьев. Ни пруд с беседкой. Ни чай с соком. Единственное, о чем я мечтала, чтобы Лейфри наконец оставил меня в покое, а еще очень переживала за Петьку.

Я коротко выражала признательность, отделялась скупыми фразами,

чтобы не поддерживать разговор, и отказывалась... отказывалась... отказывалась...

Дежурная улыбка не покидала моего лица — она намертво приклеилась, растянув губы в уродливой гримасе. Мне казалось, мы расстанемся, а эта маска так и сохранится, впитается в кожу навсегда. Мири виконта не замечала? Не понимаю, как его можно не заметить: Лейфри было слишком, невероятно много. Это утомляло, раздражало и... пугало.

Риберт петлял и петлял рядом, что-то нашептывал, будто невзначай дотрагивался до моего платья, рук, плеч... Легкие, ничего не значащие прикосновения, но от них мороз пробежал по коже. А Петька все не объявлялся.

Слава богу, на ужин он пришел — живой, здоровый и вроде бы даже довольный. Спросил, все ли у меня в порядке, наскоро поел, почти не глядя, что кладет в рот, и снова исчез. А я поднялась на один из балкончиков второго этажа и спряталась, надеясь отсидеться до вечера. Но Лейфри быстро до меня добрался.

— И все-таки, Мэарин, на улице становится холодно...

Я даже не заметила, когда он успел очутиться за спиной, заботливо укутывая шалью. Жесткие ладони на миг — всего лишь на краткий миг — сжали плечи и скользнули вниз, невесомой лаской пройдясь по рукам.

— Идемте в дом, — закончил он, и я поспешно высвободилась, торопясь вниз по лестнице.

Господи, когда же это прекратится?

Собственно, на этом все и прекратилось. Не успели мы спуститься в гостиную, как со двора послышались громкие голоса, конский топот и ржание. Лейфри как-то неувовимо подобрался. Он посерьезнел, мгновенно превращаясь из дамского угодника в сосредоточенного сдержанного мужчину. Даже тембр голоса поменялся, стал более резким и четким.

— Ну вот, миледи, слава Танбору, наше ожидание закончилось. Пора в путь.

Глаза виконта предвкушающе сверкнули, он поцеловал кончики моих пальцев, скупно улыбнулся и двинулся к выходу. Но не успел Лейфри добраться до двери, как та с шумом распахнулась, и я буквально остолбенела при виде девицы, которая вошла, нет, вбежала в комнату.

Волосы все так же в беспорядке падают на плечи... Она их вовсе не причесывает, что ли? На щеках пламенеет румянец, глаза возбужденно сверкают... Неизменное серое платье — в таких, как я теперь «помнила», обычно ходят магини, — сбилась набок.

Сумасшедшая любовница таинственного Могира, из ревности чуть не убившая меня в нашу первую встречу... Сбывшийся навязчивый кошмар, который преследовал меня по ночам, заставляя вновь и вновь сгорать в погребальном пламени заброшенной лесной избушки. Вот уж кого я меньше всего ожидала увидеть.

Женщина торопилась, и интересовал ее исключительно Риберт. Меня гостя полностью проигнорировала, скорее всего даже не заметив. Когда она пролетела мимо, я выдохнула, покосилась на выход — нет, далеко, осторожно отступила к стене и постаралась слиться с тенью, молясь по очереди Танбору и Птарху, чтобы меня и дальше не обнаружили. Надеюсь, хоть кто-то из местных богов снизойдет к этим горячим просьбам.

— Дорогой, ты снова исчез, ни о чем не предупредив! — суетливо затарахтела девица, устремившись к мужчине. — Я лишь чудом выяснила, что планируется какая-то важная операция, а меня опять не взяли. — Она сделала судорожный рывок и повисла у секретаря на шее, умудряясь одновременно искательно заглядывать ему в глаза и капризно надувать губы. — Но почему? Разве я мало помогаю? Помнишь, как однажды...

— Ваолла, — виконт небрежно, почти брезгливо сбросил ее руки и высвободился из объятий, — я же велел тебе оставаться дома. Ты посмела нарушить мое распоряжение?

«Велел», «мое распоряжение»... «Посмела нарушить»...

Не представляла, что Лейфри вообще известны такие слова. Как оказалось, он не только их знает, но и умеет «правильно» произносить. Категоричный тон, повелительный взгляд, надменная осанка... Куда подевался приторно угодливый Риберт? Передо мной стоял высокомерный, уверенный в себе господин.

Губы девушки задрожали, глаза наполнились слезами, и мне на миг стало ее жалко. На краткий миг. Потому что потом...

— Прости... — пролепетала она, пытаясь снова намотаться на шею мужчине. — Просто я хочу всегда и во всем тебя поддерживать, стоять плечом к плечу... Не сердись, Могир.

Могир?!

Ошарашенная, я не сдержала сдавленного вскрика и тем самым мгновенно привлекла к себе внимание.

Ваолла резко развернулась.

— Что она здесь делает? — Указательный палец обвиняюще ткнул в мою сторону.

— Могир?.. — только и могла повторить я.

Наши возгласы практически слились в один. Но ответил секретарь

только мне.

— Риберт Могир Лейфри, если быть точным, миледи. Могир — второе данное мне при рождении имя. Но я им почти не пользуюсь. — Он чуть склонил голову, но тут же выпрямился и подозрительно прищурился. — Вы знакомы?

Девушка замялась, колеблясь. Ее взгляд беспокойно заметался из угла в угол, скользнул по мне, по лицу виконта, его фигуре, после чего девушка закусил губу, потупилась и принялась с внезапно вспыхнувшим любопытством рассматривать рисунок на паркете. Судя по всему, она умудрилась благополучно скрыть от любовника факт нашей встречи и то, каким кардинальным способом намеревалась избавиться от соперницы.

Меня тоже не тянуло откровенничать. Первый шок прошел, и единственное, чего я сейчас жаждала — отыскать брата, убедиться, что с ним все в порядке. О том, что случится дальше, думалось плохо. В голове царила полная сумятица, все крутилось вокруг одной-единственной не дававшей покоя мысли: «Найти Петьку... Как можно скорее... Найти... А там... сообразим».

— Нет, — с трудом растянула губы в очередной любезной улыбке, — не знакомы.

И ведь формально ни слова не соврала. Встречаться-то мы встречались, а вот назвать свое имя Ваолла так и не удосужилась. Зачем представляться без пяти минут труп?

Лейфри уставился на меня в явном замешательстве, а я, пользуясь возникшей паузой, произнесла, стараясь держаться отстраненно и безмятежно:

— Не буду вам мешать. Сегодня такой чудесный вечер... Риберт. Я подожду в саду...

Шаг, другой...

Спокойно и неторопливо, нельзя показывать своего нетерпения.

— Миледи!

Еще один маленький шаг — и я проберусь мимо этого гада, а там и до двери недалеко.

— Мэарин!

Как жаль, что нельзя побежать. Но ничего, выход уже рядом.

— Да подождите же!

Мне удалось обогнуть виконта, даже немного пройти вперед, но тут он опомнился и схватил меня за руку. Больно дернул на себя, неожиданно жестко сжал плечи, вгляделся в лицо.

— Что происходит, Мири?

— Мири?! — тут же азартно включилась Ваолла. — Она для тебя уже Мири?

— Все в порядке... — Главное, отводить глаза, чтобы он не заметил в них ненависти и страха, и улыбаться... Я сказала, улыбаться. — Просто не хотела мешать беседе с вашей... леди.

— Она не моя... — Голос дрогнул, и Лейфри медленно, словно сам того не желая, поднял руку и отвел упавшую мне на лоб прядь волос. — Не моя...

— Как это не твоя? — обиженно взвыли сбоку. — А чья же тогда, позволь спросить? Кто на мне жениться обещал?

— Убирайся!

Короткий приказ ледяным ветром пронесся по гостиной. Я невольно поежилась.

— Что? — растерянno переспросила Ваолла, явно не поверив своим ушам.

— Я сказал, убирайся.

В словах виконта звучала откровенная угроза. Я бы на месте девушки постаралась немедленно исчезнуть от греха подальше. Ее же требование любовника привело в неистовый гнев, заставив мгновенно забыть о всякой осторожности.

— Я уйду, а ты с ней останешься? — прошипела она бешено. — Жаль, эта девка не подохла там, в лесу. Рано я обрадовалась... Не проследила...

Меня буквально выдрали из объятий Риберта-Могира и отшвырнули прочь с такой силой, что я, не удержавшись, упала на пол.

— Ты его не получишь, — завела ревнивица знакомую песню, и меня посетило ощущение дежавю. — Он мой.

Господи! Это было бы смешно, если бы не было так... противно.

Я начала подниматься, но тут Ваолла сделала странный жест, будто лепила снежок, и в мою сторону полетел, разбрасывая искры, ослепительный огненный сгусток.

Отшатнулась, с ужасом понимая, что все равно не получится увернуться из-под удара, но тут на пути багрового шара возник тонкий, покрытый инеем и морозными узорами щит. Пламя ударилось об него, растеклось, шипя в бессильной ярости, но преграда даже не треснула.

— Ты-ы-ы... — выплюнул Могир яростно, и в комнате повеяло свирепым дыханием приближающейся снежной бури. — Как ты посмела?..

Он вытянул в сторону Ваоллы ладонь, стиснул в кулак пальцы, и девушка, шею которой покрыла плотная ледяная корка, начала задыхаться.

Не выдержав, я отвернулась, а потом, пользуясь тем, что на меня

перестали обращать внимание, отползла в сторону. Может, пока они выясняют отношения, сумею выскользнуть и найти брата?

Сердце тревожно колотилось в груди. Ныло, предчувствуя само дурное.

Петька... Где он?.. Что с ним?..

Цепляясь за стену, с трудом встала на ноги, перевела дух, собрала все оставшиеся силы и упрямо пошла к двери. Но дойти не успела. Что-то мягко ударило в спину, рассудок заволокло хмельным туманом, и я потеряла сознание.

* * *

Сознание возвращалось медленно — случайными обрывками тревожных мыслей, мозаикой разрозненных пугающих картинок. В голове гудело, пересохшее горло пекло, словно туда набился раскаленный сухой песок. Вдобавок ко всему меня чуть заметно подбрасывало и монотонно покачивало из стороны в сторону. Или это качалось подо мной? Вокруг меня?

С трудом открыла глаза, пытаюсь осознать, что случилось... И тут же нервно дернулась, обнаружив, что полулежу в тесных объятиях склонившегося надо мной Лейфри.

— Тише, милая, тише, — удержал меня мужчина, — ты еще слишком слаба, тебе нельзя сейчас резко двигаться. — И прижал меня к себе еще крепче.

Какая я ему милая? Впрочем, не это сейчас самое главное.

Скосила глаза вбок. Мы находились в карете, которая быстро неслась вперед по какой-то явно не очень ровной дороге. Мы — это я и виконт. Петьки с нами не было.

— Что... Что происходит? — выговорила я непослушными губами.

— Не беспокойся. — Секретарь нежно улыбнулся, достал из кармана платок и заботливо промокнул мой лоб. — В данный момент мы направляемся к границе с Онижем, как и планировалось. Так что все в полном порядке.

В порядке?!

— Пе... Трэй... Что с ним?

— Жив твой Пиотрей, — скривился Могир. Теперь он уже не скрывал раздражение и неприязнь при упоминании о моем «муже». — И останется жив до тех пор, пока ты будешь послушной девочкой.

Голос этого ненормального снизился до хриплого шепота, светло-голубые глаза алчно блеснули, и он плавно очертил пальцами контур моего лица.

— Да, моей маленькой послушной девочкой, — повторил он как во сне, и меня замутило от того голодного липкого вожделения, что прозвучало в его тоне.

— Не помню, чтобы мы перешли на «ты».

Отвернувшись, уклоняясь от навязчивой ласки. Лейфри глухо рассмеялся, но гладить меня все же перестал.

— Конечно, перешли. Как еще я должен обращаться к своей супруге?

— К супруге? Но я замужем и...

— Молчи!..

Тяжелая ладонь с силой впечаталась в мой рот, не позволяя продолжить. Мужчина побледнел, замер, раздувая ноздри, но через мгновение, точно испугавшись чего-то, поспешно отдернул руку.

— Я сделал тебе больно? — Бережно коснулся моих губ дрожащими пальцами. — Прости, родная, прости... Не сдержался. Я ненавижу, когда ты упоминаешь о своем якобы «супруге», — последнее слово он буквально выплюнул. — О негодяе, отнявшем у меня самое ценное, что есть в жизни. Твоим мужем должен быть я. Только я! И буду, чего бы мне это ни стоило.

— Виконт, пожалуйста...

— Риберт... — стиснул он мои плечи, — для тебя только Риберт и «ты».

Да кто угодно, хоть Рикки-Тикки-Тави, лишь бы сказал, что с Петькой.

— Риберт, — подтвердила послушно. Не до капризов сейчас. — Что с графом? Просто ответь, где он?

Секунда, другая...

Да почему же этот подлец молчит?

— Если ты с ним что-то сделал...

Я почти сошла с ума от ужаса и ярости, которая кровавой пеленой начала застилать сознание. Если он посмел... Если только посмел... Загрызу!..

— Я же сказал, что он цел, — наконец нехотя откликнулся Лейфри. — Его везут в другой повозке. Он жив и даже здоров... относительно. Зачем мне его убивать? Он мне нужен... пока. Такой великолепный поводок для тебя, моя милая.

Он наклонился к моему лицу, обдавая его горячим дыханием. Лихорадочно зашептал:

— Я не стану брать тебя силой, родная... Хочу, чтобы ты сама,

добровольно отдалась мне. Я все-все продумал. Запру Ольеса в подвале нашего прекрасного нового дома, и его самочувствие будет зависеть от тебя... Только от тебя, моя любовь. От твоей покорности, нежности, готовности дарить мне свои ласки. От твоего страстного «да» в нашу первую ночь. В нашу долгую первую ночь...

Он тяжело задышал и предвкушающе облизнулся. Мамочки! Да этот маньяк патологически одержим дочерью своего начальника, помешан на ней. И судя по всему, уже давно.

— А потом, когда ты забудешь его и полюбишь меня... уверен, это случится очень скоро... Когда тебе станет безразлична судьба этого неудачника, тогда и посмотрим, что с ним делать. — Он победоносно усмехнулся. — Ты ведь гордячка, моя сладкая девочка. Тебе не понравится всю жизнь оставаться всего лишь любовницей.

Он снова жадно погладил меня по лицу, шее, груди, забираясь пальцами глубоко в вырез платья.

— Ты не захочешь, чтобы все наши дети носили клеймо ублюдков. Так ведь? И однажды согласишься стать вдовой. Сама попросишь об этом. В любом случае в твоей жизни, твоей постели, в тебе будет только один мужчина. Я. Именно я стану безраздельно владеть твоими мыслями, чувствами и твоим прекрасным телом. Привыкай к этому, сокровище мое.

Что-то зацепило в горячечных признаниях безумца, заставляя сосредоточиться.

«Ты не захочешь, чтобы все наши дети носили клеймо ублюдков».

Вот оно!

По законам Намарры, Онижа, да и всех известных мне королевств Риоса, ребенок — не то что рожденный, зачатый вне брака или до брака — никогда не будет считаться законнорожденным, даже если родители впоследствии обвенчаются. Его младших братьев объявят наследниками семьи и рода, он же навсегда останется изгоем. Именно поэтому все претенденты стремились сначала жениться на хэлени, а уж потом заниматься воспроизводством себе подобных. Чтобы магически сильный первенец имел полное право на имя рода и являлся его полноценным представителем.

Лейфри же достаточно обладать желанной женщиной — остальное для него не так значимо.

Хм... А в курсе ли он вообще, какой подарок судьбы стащил из-под носа своего монарха? Или даже не подозревает, что Мэарин — хэлени?

— Меня станут искать, — я внимательно наблюдала за реакцией виконта, — отец, герцог, его величество...

— Искать? Как бы не так! — Мужчина торжествующе расхохотался. — Маркиз считает, что я благополучно доставлю вас в Оних и вернусь обратно. Не будем его расстраивать. Я передам отцу письмо от тебя с благодарностью, дочерней любовью и известием о том, как ты прекрасно устроилась на новом месте. Ты ведь напишешь его, верно? Напишешь, любимая, знаю. Не захочешь, чтобы я расстроился и выместил свой гнев на Ольесе.

Я так и застыла, чувствуя, как от его тягуче-вкрадчивой интонации мороз пошел по коже.

— Что касается Саллера, то он тоже получит из-за границы известие от счастливых молодоженов. Надеюсь, этого достаточно, чтобы герцог успокоился и прекратил поиски кузена. А король... Сомневаюсь, что его заботит судьба девицы, опозорившей себя перед всем светом бегством из-под венца. Тем более что обманутый жених — его собственный племянник.

Он не знает, что я хэленни. Плохо это или хорошо, пока не разобралась. Важно, что он не знает... Даже не подозревает!..

— А ты обманула меня любимая, — с ласковой угрозой вдруг произнес Лейфри и сжал мою грудь, вызвав дрожь омерзения. — Заявила, что не знакома с Ваоллой. Не хорошо лгать мужу, милая. Я этого не потерплю. — Голос его ощутимо похолодел.

— Она не представилась, сразу решила меня сжечь, — всхлипнула, стараясь увести разговор от опасной темы.

Слава богу, мне это удалось.

— Эта дрянь посмела угрожать твоей жизни! — Лицо виконта потемнело. — Подумать только, из-за какой-то девки я мог тебя потерять.

Он снова пылко прижал меня к груди, зарылся лицом в волосы. Потом отстранился. Обронил жестко:

— Она будет наказана. Строго наказана.

В его глазах закружился ледяной вихрь, и мне на мгновение стало жаль ревнивую магиню.

— Она едва не нарушила все мои расчеты, пришлось на ходу их менять. Астон всегда доверял мне. Этот чванливый болван ценил мой ум, магический дар, мои знания и исполнительность, но, тем не менее, поднял на смех, когда я намекнул, что хотел бы посвататься к его дочери. Видите ли, моя семья и я сам недостаточно хороши для его девочки. Я сделал вид, что пошутил, а сам начал обдумывать свой план, ни на секунду не сомневаясь, что рано или поздно ты станешь моей. Только моей.

Лейфри прикрыл глаза и сидел, раскачиваясь, в то время как его ладонь осторожно перебирала мои волосы, рассыпавшиеся по его груди и

рукам.

— Когда объявили о вашей с Саллером помолвке, я в отчаянии решил тебя украсть и увезти за границу. Слава Танбору, мне есть что предложить соседям в обмен на право укрыться на их территории. Я все подготовил, оставалось только дожидаться обещанного Онижем сопровождения. И тут ты сбежала с Ольесом. Как ты могла так поступить?

Виконт уставился на меня с таким осуждением, словно не Саллер, а именно он являлся тем самым обманутым и преданным женихом.

— Я следил за тобой, узнал об этом раньше всех, но не имел возможности сам броситься по твоим следам. Астон, Птарх его побери, держал меня в столице. Когда собранный наспех отряд наемников настиг вас, ты уже была женой графа. Я заранее распорядился не добивать Ольеса, а бросить его смертельно раненого на дороге. Надеялся, что разъяренный Саллер уничтожит кузена, ты возненавидишь его окончательно, а я... Мне останется только утешать молодую вдову. Но герцог зачем-то поволок Ольеса в имение. Лечить. А эта тварь... чуть не убила тебя.

Словно очнувшись, он стал покрывать торопливыми поцелуями мои волосы, бессвязно бормоча:

— Но я не сдался. Я никогда не сдаюсь. Дождался людей из Онижа, натолкнул Астона на мысль написать герцогине, чтобы осведомиться о твоём здоровье, и вызвался сопровождать тебя в Ониж. Я не собирался раскрывать себя раньше времени. Потом, в пути, с Ольесом бы случилось что-нибудь, и ты осталась бы одна. Одинокая, потерянная, отвергнутая светом и своей семьей. Всеми, кроме меня. Я бы помог, поддержал, успокоил. Ты обязательно отблагодарила бы меня своей любовью. Я вышел бы в отставку, и мы поселились бы вместе. Но мерзавка Ваолла опять смешала все карты. Ну ничего... Так даже лучше. Не нужно долго ждать, ходить вокруг тебя, мечтать. Я получу сначала твою покорность, а потом завоюю любовь. Ты же будешь покорной, малышка?

— Да, — выдавила я.

В эту минуту я что угодно пообещала бы. И сделала. Лишь бы он не трогал брата.

— Так докажи. Докажи это сейчас, сладкая.

Чужая рука зашарила по телу, нетерпеливо рванула шнуровку, сдавила грудь.

— Сокровище мое... любимая... — задыхался он, судорожно царапая ногтями кожу.

От страха и отвращения закружилась голова, стало нечем дышать. Попыталась оттолкнуть Лейфри, но он не реагировал. Почти безумев,

осыпал страстными поцелуями шею, лицо, больно оттягивал сосок.

— Будь ко мне добра, милая... милая... Не отталкивай. И я пощажу Ольеса...

Жадно впился в мой рот, настойчиво пытаюсь раздвинуть губы языком.

Не представляю, чем бы все это закончилось, если бы меня внезапно не затошнило. Содержимое желудка спазмами подступило к горлу, и меня бы вывернуло наизнанку прямо на Лейфри, если бы он, почувствовав неладное, все-таки не отстранился.

Едва дождавшись, пока экипаж остановится, я, тяжело дыша и мучительно сглатывая, буквально выпала наружу. Виконт так и не сдвинулся с места, даже не помог выйти. Какой-то незнакомец быстро соскочил с коня, подхватил, поддержал, и, опираясь на любезно поданную руку, я доползла до ближайших кустов.

Когда на дрожащих ногах выбралась из зарослей — растрепанная, мокрая, как после лихорадки, тот же человек молча подал мне флягу с водой и чистый платок. Отвернувшись, прополоскала рот, отпила немного, намочив платок, протерла лицо и, наконец, огляделась. До сих пор у меня не было возможности это сделать — мы все время ехали с опущенными шторами.

Лесная дорога. Не та ухабистая, глухая, почти заброшенная, что вилась вдоль границы с Запретными Землями, а широкая, ровная, кажется даже мощеная. Наша карета на обочине. И больше десятка мужчин.

Часть из них я встречала в доме, куда мы с братом пришли порталом, остальных видела впервые. На фоне наемников, огромных жилистых мужиков, новички смотрелись не так эффектно, но пугали гораздо больше. Бесстрастные спокойные лица, скупые движения, темная форма с характерным орнаментом на груди. Боевые маги. Причем почти все рангом не ниже мастера. Каждый из них стоил целого отряда простых воинов.

Нанять профессионалов подобного уровня даже за огромные деньги было практически нереально — все они, за редким исключением, находились на государственной службе. Намарцев Могир вряд ли сумел бы заполучить, даже хитростью. Значит... онижцы. Интересно, какие секреты Лейфри вез соседям, если ему согласились выделить столь надежную охрану?

Мой взгляд скользнул за спины стихийников, к темневшей поодаль второй повозке, и все мысли тут же выветрились из головы. Осталась одна, самая главная.

Петька!..

Сделала несколько шагов в ту сторону, и двое наемников тут же

слаженно сдвинулись, преграждая путь.

— Пустите, — взывала отчаянно, — да пустите же!

Заметалась, пытается прорваться.

Мужчины не шелохнулись, не проронили ни звука. Ответ последовал с другой стороны.

— Не пустят, — торжествующе выдохнул мне в затылок подкраившийся сзади Лейфри.

Сцапал за талию, потянул, плотно впечатывая спиной в свое тело. Приобнял за плечи, продолжая нашептывать:

— У них четкий приказ. Пока я не разрешу, никто тебе и приблизиться не позволит к той повозке.

— Он ведь там, правда? — Развернулась в кольце сжимающих меня рук. — Граф Ольес там?

Я сознательно употребила отстраненное «граф Ольес», а не «Трэй» или «муж», чтобы лишний раз не злить Могира.

— Ты слишком откровенно беспокоишься о нем. Чрезмерно, — неприязненно процедил секретарь. И слово-то какое подобрал — «чрезмерно»... Гад. — Этот мальчишка тебе настолько дорог? И твое состояние... — он брезгливо поморщился. — Если бы я лично не удостоверился, что брак все еще не консуммирован, решил бы, что ты беременна.

Пальцы, до этого нежно ласкавшие мое запястье, ощутимо, с вывертом его ущипнули и тут же начали бережно гладить пострадавшее место.

— Благодарение Танбору, твои руки чисты, значит, Ольес не успел коснуться моей невинной девочки.

Лейфри поднес мою ладонь к губам, пощекотал языком горевшую кожу, медленно, с аппетитом лизнул, словно изысканное блюдо пробовал. Маньяк...

— Его счастье. Иначе уничтожил бы на месте. Еще там, в доме.

Брачные татуировки. Первый раз я порадовалась, что они до сих пор не проявились.

— Почему обязательно он? А кто-то другой разве не мог... м-м-м... касаться? Любовник, например.

Наверное, не стоило этого говорить, но так хотелось хоть на мгновение стереть самодовольную улыбку с лица виконта. А еще была слабая надежда, что если он поверит, то перестанет меня с таким азартом тискать. Кто знает, на чем этот безумец сдвинулся? Вдруг его привлекает именно девственность Мэарин, и неразборчивость в связях «невинной девочки» разочарует? Впрочем, я тут же пожалела о своем опрометчивом заявлении.

— Развлекаешься? Ну-ну... — Рот Могира злобно искривился, он подтянул меня еще ближе, наклонился к самому лицу. — Надеюсь, это просто глупая шутка. Потому что за каждый твой необдуманный поступок заплатит Ольес.

— Прости, — я отвела взгляд, — не понимаю, почему мне вдруг стало нехорошо. Наверное, это следствие твоего магического удара, — все-таки не удержалась от укола.

— Я всего лишь усыпил тебя. Впрочем, если не рассчитал силу заклинания... — он замялся, — некоторое время тебе действительно может быть плохо, родная.

— Виконт... — пользуясь тем, что он смягчился, быстро начала я. Заметила, что ноздри его гневно затрепетали, и тут же исправилась. — Риберт, позволь повидать графа. Я лишь удостоверюсь, что он в порядке. Это позволит мне успокоиться, прийти в себя... — Почувствовала, что мужчина колеблется, и усилила напор. — Пожалуйста...

Изобразила обольстительную улыбку — хотя не понимала, кого способна обольстить взъерошенная потная особа, уставшая и обессиленная — и затрепетала ресницами.

Как ни странно, Лейфри и этого хватило.

— Хорошо, — недовольно согласился он. — В моем присутствии.

Петька лежал в самой глубине повозки, вяло уронив на пол руки. Невероятно бледный, точно обескровленный, изможденный, с темными кругами под закрытыми глазами.

— Что?.. Что вы с ним сделали?!

Меня захлестнула звериная тоска, щедро замешанная на страхе за брата, осознании своего бессилия и ненависти к отмороженному придурку. Метнулась вперед, но виконт ловко перехватил, и я забилась в его руках, не в силах отвести глаз от безжизненного тела.

— Этот болван вздумал сопротивляться. И кому? Боевым магам! Идиот. Пришлось его немного потрепать и усыпить. Разумеется, не так бережно, как тебя, моя прелесть.

Его ладонь будто случайно переползла с моей талии вверх к груди. Большой палец нащупал сосок.

— Удостоверилась, что с ним все в порядке? Тогда пойдем, нам пора. Не то чтобы я боялся погони... — Он буквально выволок меня наружу. — Ты же заметила, какое у нас сопровождение? Глупца, которому придет в голову идея преследовать меня, ждет неприятный сюрприз. Даже его светлости, главе королевской службы безопасности не выстоять против боевой звезды стихийников, что уж говорить об остальных.

Он плотоядно осклабился, а я похолодела. Что скрывать, все это время — каждый час, минуту, секунду — я отчаянно надеялась, что герцог нас найдет, догонит, защитит. Я была готова к его гневу, ярости, потоку брани, согласилась бы принять любое наказание, лишь бы он освободил меня и спас Петьку. Но только не ценой своей жизни.

Вскоре мы с Лейфри вернулись в карету, маги с наемниками вскочили на коней, и наш кортеж понесся дальше, к границе с Онижем.

Глава 16

Он торопился, очень торопился и все же опаздывал — ощущал это абсолютно отчетливо. Всеми обостренными чувствами. Натянутыми до предела нервами. Всей кожей.

Откуда взялось это убеждение, герцог не знал, но оно не покидало его с той минуты, как он уехал из Эрменлейва. Острым комом царапало горло. Током крови глухо билось в висках. Разрасталось в душе, грозя разорвать ее на мелкие осколки.

Он пригнулся к вороному.

— Ирхе, Хест...

Жеребец, и так идущий галопом, вытянул шею и рванул вперед, переходя в карьер.

И все равно не оставляла мысль, что он движется медленно... очень медленно. Опаздывает.

Может, виной тому совместная поездка в Древнюю обитель? Или украденный во время ночной скачки поцелуй? «Прощание» в его кабинете, что странным образом связало их? Что теперь гадать. Главное, уже расставаясь с ней, он понимал, что совершает страшную, роковую ошибку.

Если бы не долг перед его величеством...

Быстрее, еще быстрее...

Мири...

Чем дольше он находился рядом с этой девушкой, будто заново знакомясь с нею, тем больше она изумляла его и... манила. Не только физически. Она покоряла своей сдержанностью и самообладанием, отсутствием нелепых капризов, свойственных прежней Мэарин, интересом к книгам, умением слушать, задавать нужные вопросы. Даже ежедневной трепетной заботой о Трэе, которая бесила и восхищала одновременно. Эта новая, незнакомая Мири удивляла и бесконечно привлекала его. Если бы она была такой до злополучного побега с Ольесом, он никогда не отдал бы ее другому.

А что если раньше она просто играла роль вздорной своенравной пустышки, чтобы отвадить постылого жениха? Он же, как последний дурак, не замечал обмана, сводя до минимума редкие встречи под присмотром родственников или компаньонов. Или ее так изменила любовь к красавчику кузену?

Подобное предположение обжигало яростью и болью, но не думать об

этом он не мог. Когда Мири смотрела на своего юного супруга, в ее глазах светились нежность и ласка. Когда говорила с ним, голос становился мягким и теплым. А ему, Саллеру, всегда доставалось одно и то же — напряженное недоверие, протест и плохо скрываемое стремление поскорее сбежать, которое буквально сводило его с ума.

Да, она обожала мужа — давно следовало это признать. Пылко и искренне. Только Трэя упрямо жаждала видеть подле себя. Его одного. Герцог был всего лишь помехой на пути к их счастью. Неудачливым соперником. Третьим лишним.

Лишь однажды она сама потянулась к нему. Бессознательно, доверчиво. Тогда, по дороге в Древнюю обитель, она по-настоящему нуждалась в нем. Именно в нем, а не в птарховом счастливчике Ольесе. Он никогда не забудет, как сжимал в объятиях доверчиво прильнувшую к нему девушку, отгоняя голоса Хауддана, и мечтал о том, чтобы их путешествие длилось вечно.

Да, той ночью он воспользовался ситуацией — ее растерянностью, слабостью, страхом перед зовом Запретных Земель, был сам себе противен из-за этого, но не сдержался. Это оказалось выше его сил. Когда ее губы, влажные, чуть подрагивающие, розовыми лепестками раскрылись у его рта, доводы рассудка, запреты и принципы — все перестало существовать. Померкло, стоило ему захлебнуться ее чистым, сладким дыханием. Казалось, даже сердце перестало биться, чтобы не спугнуть тот краткий миг.

После этого он больше не мог спокойно смотреть в ее сторону. Подобно юниту первых циклов, упорно отводил глаза, чувствуя, как при одном взгляде на ее губы хмельное вожелание ударяет в голову и наливается тяжестью плоть. На обратном пути старался держаться подальше, а по возвращении в имение все-таки сдался — пригласил в кабинет.

«Чтобы извиниться за свое неподобающее поведение, только чтобы извиниться», — убеждал он себя. Но так и не сумел.

К чему лукавить? Он позвал Мири лишь затем, чтобы еще хоть несколько мгновений провести возле нее. И объяснить — именно ей, не кузену, — он уезжает потому, что этого требует долг перед его величеством и страной, иначе непременно бы остался. А еще для того, чтобы попросить дождаться. Ему очень хотелось убедить ее не торопиться, не совершать необдуманных поступков, задержаться до его возвращения.

Глупый порыв... Ну куда она денется из накрытого охранным пологом имения? Но странное желание не отпускало.

Он так и не попросил ни о чем. Не решился. Она говорила что-то о беседе с хэллэ, о посещении Запретных Земель. Что ж, в этом их намерения и дороги совпадали — у него скопилось немало вопросов к затейникам из Хауддана. А если они и в этот раз откажутся его принять.... В любом случае одну он ее никуда не отпустит. Привезет назад в Эрменлейв и через некоторое время пошлет еще один запрос. Рано или поздно проклятые нелюди вынуждены будут с ними встретиться, а до тех пор Мэарин останется рядом. Пусть просто в одном доме, в соседней комнате. Это лучше, чем ничего.

Он не стал извиняться за свое поведение. Какого Птарха? Он ни на миг не пожалел о том поцелуе. И если бы довелось вернуться — сделал бы то же самое не задумываясь.

«Миледи... Вы забыли попрощаться».

Он собирался задержать ее, просто задержать... хоть ненадолго. Но коснулся ее руки — и провалился в бездонную пропасть.

Этот поцелуй был не похож на предыдущий. Он словно выжег в его душе клеймо. Вечное клеймо принадлежности этой женщине. Как жаль, что Мири не почувствовала того же. И все же, когда он с трудом заставил себя оторваться от нее, в голове набатом стучало ликующее: «Она ответила... Ответила!.. Не знаю, почему... не хочу знать, но она ответила».

Именно тогда морозное чувство тревоги впервые вползло в душу. Нельзя отпускать ее, нельзя оставлять. Но король ждал, и Саллер все-таки ушел.

Беседа с его величеством, переход стационарным порталом до ближайшего к Древней обители пункта, возвращение к жрецам и, наконец, встреча с ними...

Мгновения подобно воде утекали сквозь пальцы, а он не мог этому помешать. Не мог замедлить время. Он увел из Эрменлейва всю свою группу. Не только Вильма и его людей, но даже Дильфора. Таковы правила — сопровождать монарха обязано полное боевое крыло истинных.

«Дом и парк надежно защищены от вторжения и выдержат многомесячную осаду, — твердил он себе. — В имении осталась охрана, несколько подмастерьев-лекарей. То, что его не будет всего несколько дней, не беда».

«Беда... беда...» — стучали в ответ копыта Хеста.

Слава Танбору, хэллэ приняли их сразу.

— Сильнейшие давно забыли, что такое хэленни. Подобное еще можно простить. У людей, к сожалению, короткая память, они легко предают забвению уроки, которые преподносит им жизнь. Но вы

пренебрегли главным правилом, а это неприемлемо. — Жрецы выглядели как никогда собранно и сурово. — За право назвать хэлэнни своей допустимо воевать, убивать, предавать, обманывать. Но принуждать ту, что хранит в себе дар бога, нельзя. Танбор в милости своей обезопасил избранную. Чтобы зачать и выносить столь желанного наследника, хэлэнни должна не просто добровольно взойти на брачное ложе, а желать своего мужчину. Его величеству королю Намарры запрещается покушаться на жизнь графа Ольеса и пытаться силой отнять у него жену. Хэлэнни сделала выбор. Пока она отдает супругу свою любовь, тот находится под покровительством и защитой Танбора. Такова его воля.

Она должна желать своего мужчину...

Птарх поberi, желать...

При этих словах на Саллера обрушилась буря самых противоречивых эмоций. Заставляя задохнуться. Почти сбивая с ног. Радость от того, что кузен останется жив, что ему самому не придется принуждать Мэарин к сожительству. И резкое, как удар под дых, смешанное с яростью отчаяние. Отныне судьба Мири связана только с Трэем, если она сама, добровольно, не выберет кого-то другого.

По возвращении в столицу он хотел немедленно уехать в имение, но дядя не позволил, желая обстоятельно и подробно обсудить то, что они услышали в обители.

Задержка... Опять задержка...

Он почти физически ощущал, как тяжелыми тягучими каплями падали мгновения.

Когда король наконец опустил, сразу же из дворца он со своим отрядом ринулся в Эрменлейв.

Быстрее... Быстрее...

Вороной мчался во весь опор, но ему казалось, что он опаздывает... опаздывает... С каждым ударом копыт безнадежно, непоправимо опаздывает. Он не выдержал и последний участок преодолел индивидуальным порталом, оставив свое крыло далеко позади. Но все-таки не успел...

Понял это, еще не переступив порог дома. Дома, который неожиданно показался пустым и мертвым, словно из него вынули душу. И жгучее чувство потери сдавило грудь.

Вихрем пронесся по имению, захлопнул за собой дверь кабинета.

— Имхэн, элиур.

Покорный приказу хозяина дух-хранитель появился сразу, и уже через несколько минут герцог знал все. Ни Мэарин, ни Трэя нет в Эрменлейве —

прошлой ночью они ушли, воспользовавшись переданным им амулетом. Мать... ее светлость герцогиня Саллер, прибегнув к праву крови, приказала хранителю на время снять полог и пропустить Ольесов.

Зачем он только позволил им остаться, поддался на уговоры матери и слезные просьбы ее сестры?

«Рэм, ты же видишь, в каком она состоянии. Ани нужно сейчас видеть сына. Разреши нам задержаться. Ненадолго. Пусть она успокоится».

«Рэм, пожалуйста, ты же не настолько жесток, чтобы выгнать меня в такой момент? Умоляю...»

Зря он уступил. Зря...

Не обращая внимания на тех, кто попадался по пути, стремительно прошел в покои герцогини. Даже не кивнул на приветствие подскочившей с места Аниаш, бесцеремонно отодвинул с дороги сдавленно ахнувшую Истэль — не до церемоний сейчас. Поймал быстрый виноватый взгляд матери и, шагнув к ней, рявкнул бешено:

— Где?!

У ее светлости удивленно расширились зрачки, по лицу пробежала тень сомнения — что бы ни происходило, он никогда раньше не позволял себе так с ней разговаривать. Тем не менее она попыталась сделать вид, что все хорошо.

— С возвращением, дорогой.

Улыбнулась ласково.

В несколько шагов преодолев разделяющее их расстояние, он навис над креслом, в котором сидела мать.

— Я. Спросил. Где... — произнес четко и отдельно.

Почти спокойно. Но это его «почти» почему-то ужаснуло герцогиню.

— Не понимаю, Рэм, о чем ты?..

У миледи задрожали губы, она вжалась в сиденье, мгновенно становясь маленькой и беззащитной. На отца это всегда действовало, тут же пресекая, гася вспышки негодования. И на него самого тоже. Раньше. Сейчас он не собирался играть в ее игры и зря тратить драгоценное время.

— Оставьте нас.

Он даже не оглянулся, продолжая неотрывно смотреть на мать, но, судя по звуку торопливо удаляющихся шагов, женщины его прекрасно слышали и поняли.

— Сын...

Пальцы герцогини нежно погладили его ладонь, но он нетерпеливо сбросил тонкую руку. Вызвал охранного духа, дал матери возможность выслушать доклад и вопросительно поднял брови.

В ответ она гордо вскинула голову.

— Да, я помогла Трэю с женой покинуть Эрменлейв. Твой кузен выздоровел, им давно пора было уехать. В свадебное путешествие, — добавила она, не отводя от него глаз.

Мать никогда не говорила ничего просто так и сейчас явно хотела увидеть его реакцию.

Что ж. Он ее не разочарует.

— Миледи, — начал он вкрадчиво, — в детстве вы учили меня выжидать и действовать, только предварительно собрав всю возможную информацию. Я навсегда запомнил эти уроки. А вот вы... — Его голос изменился, стал холодным и отстраненным. Чужим. — Вы их, по-моему, забыли.

— Но, Рэм... — Она все еще пыталась сопротивляться.

— Вы совершили чудовищную... непростительную ошибку, — отчеканил он, выпрямляясь. — Сейчас вы отправитесь к его величеству, и, если у короля будет желание, он все объяснит. Но прежде я хочу знать, что здесь произошло. Подробно.

Мать взглядела в его лицо и сдалась. Устало опустив плечи и крепко стиснув лежавшие на коленях ладони, тихим сдавленным голосом рассказала о бегстве Ольесов и о том, какое участие в нем принимали маркиз Астон и она сама.

Он выслушал, задал необходимые вопросы, подхватил ее светлость под руку и вернулся с ней в свой кабинет. Герцогиня не сопротивлялась. Бледная, подавленная, она молча подчинялась каждому его жесту. Кратко объяснив его величеству, что случилось, он открыл одноразовый портал во дворец. Пусть дядя и отец разбираются. Ему сейчас не до этого.

Мать ушла, на прощание скользнув по нему тоскливым взглядом, а он заходил по комнате. Размышляя. Прикидывая. Думать предстояло быстро. Решать и действовать тоже.

Лейфри...

То, что одного из личных помощников маркиза Астона зовут Риберт Могир, не прошло мимо внимания Саллера и его службы. За виконтом давно установили слежку, как и за остальными подозреваемыми, носящими «нужное» имя. Но ничего предосудительного мужчина не совершал. Еще несколько дней назад маркиз лично уверял герцога, что его секретарь выполняет некое важное и невероятно секретное поручение, связанное с работой казначейства.

Он остановился, со всей силы ударил кулаком по подоконнику. Обманул. Гольвен просто-напросто обманул его.

Можно найти Астона, потребовать у него координаты дома, куда переместились Ольесы. Но для того чтобы заставить упрямого маркиза говорить, чтобы внести координаты в порталный артефакт, потребуется время, а его у Саллера не было. Все пробудившиеся вмиг инстинкты кричали о том, что счет идет даже не на часы — минуты, властно подгоняя его вперед.

Даже если Мэарин в порядке... пока в порядке, Лейфри увезет девушку в Ониж, а там достать... спасти ее и идиота кузена во много раз труднее.

Ониж. Опять Ониж... Йохан докладывал, что в последние дни соседи странно притихли, переписка посольства с Новутом внезапно прекратилась, и это настораживало не меньше, чем их прежняя активность. Словно штиль перед неизбежным ураганом.

Но и до того, как беглецы пересекут границу с сопредельным государством, Мири грозит опасность. Рядом с этой скотиной. Наедине с ним...

Герцог скрипнул зубами.

Птархов Лейфри! Если он что-то с нею сделал... Если хотя бы пальцем дотронулся.... Если посмел испугать, заставил плакать, умолять...

Почувствовав знакомое покалывание в пальцах, покосился на ладонь. Рука полыхала огнем.

Нет! Нельзя сейчас терять самообладание.

И все-таки, если этот смертник позволил... просто позволил себе хоть что-нибудь, он расчленил его на части, на тысячу мелких убогих секретаришек. А то, чем он рискнул прикоснуться к его, Саллера, женщине — не к хэленни, нет, а именно к его женщине, — оторвет в первую очередь.

Итак, нет времени возиться с маркизом. Ждать, когда в Эрменлейв вернется его отряд, тоже.

Он остановился, сжал висящий на груди амулет, вызывая Вильма. Возможность мгновенно связываться с побратимами, полученная в результате кровного ритуала, спланивала крыло, но забирала часть магического резерва. Пользовались ею только в чрезвычайных ситуациях, таких как сейчас.

Объяснив подчиненным их задачу, позволил себе минутную передышку. Теперь группа порталами уйдет в столицу, разыщет маркиза, вытрясет из него необходимые координаты и нагонит герцога. А у него другая задача. Подошел к камину, в котором всегда, даже в его отсутствие горел огонь и погрузил ладони в пламя. Оно тут же откликнулось — ласково лизнуло кожу, заплесало под пальцами, пока он лепил то что

нужно.

— Анта тэнгвеста маэх, — произнес он итоговую формулу, и на пол шагнули, стряхивая с шерсти огненные искры, магические гончие.

Острые когти клацнули по паркету, горящие оранжевые глаза преданно уставились на хозяина, и герцог опустил руки на их головы, передавая слепки ауры Трэя и Мири.

«Далеко...» — пришла мгновенная информация.

Как он и предполагал, слишком далеко, почти у границы с Онижем. Как бы ни был быстр Хест, верхом Саллер беглецов не догонит. А чтобы воспользоваться порталом, необходимо знать координаты указанной точки. Значит, остается единственный выход.

Он закрыл глаза, еще раз все прикидывая. Да, больше вариантов нет — только этот.

Снова окунулся в сознание гончих, устанавливая полный контроль. Эти создания способны почти моментально пройти тенью до нужного места и провести за собой связанного с ними мага. Только вот одно «но» — такой способ передвижения отнимает немало силы. Ладно, в отряде у Лейфри, скорее всего, одни наемники да парочка неудачников-магов из тех, что не гнушаются продавать свои услуги. Не больше. С ними и с виконтом он справится, даже потеряв четверть собственного запаса.

Выдохнув, отдал гончим приказ, уверенно шагнул вслед за ними, и серое марево тут же обступило его. Вязкой трясинной окружило ноги. Толстой маской легло на лицо, залепляя глаза, рот, ноздри, мешая дышать. Тугим жгутом опутало грудь, потихоньку высасывая силы.

Когда через несколько долгих мгновений он выбрался на лесную дорогу перед несущимся по направлению к нему кортежем, сначала не поверил своим глазам.

Онижская боевая звезда...

Как она попала на территорию Намарры? Герцог бы знал о прорыве, непременно бы знал. Если только... они не просочились через Запретные Земли. Прошли без спроса? Или нелюди дали позволение?.. Птархов Хауддан! Слишком часто в последние месяцы приходится о нем слышать.

Впрочем, об этом он подумает потом. Сейчас не время и не место.

К нему приближалась боевая звезда — самый страшный кошмар любого мага, а он устал... Непозволительно устал.

За все время пути мы останавливались еще один раз — по моей настоятельной просьбе. Но даже кусты я навещала в сопровождении все того же неотвязного Лейфри. Правда, он отошел на несколько шагов и отвернулся, но на этом все его уступки закончились. Петьку навестить мне не разрешили, есть тоже пришлось на ходу. Виконт сунул мне в руки бутерброд с холодным мясом, а когда я закончила, молча подал флягу с водой.

Вообще мужчина был на удивление немногословен. Больше ничего не рассказывал, не расхваливал себя, не надоедал намеками и липкими комплиментами, а самое главное — не лез целоваться. Наверное, опасался очередного приступа рвоты. Однако это не мешало ему постоянно меня тискать.

Я снова полулежала в его объятиях, чувствовала, как чужая рука настойчиво шарит по телу, гладит лицо, плечи, сжимает грудь, как подрагивающие пальцы касаются бедра, а губы — волос, и мечтала только об одном. Чтобы это поскорее закончилось. Как угодно, по любой причине, но закончилось.

Ох... Недаром говорят: бойтесь своих желаний, они имеют обыкновение сбываться.

Дом мы покинули ночью, в себя я пришла к утру, а сейчас приближался полдень. Несколько часов назад, судя по начавшейся тряске, мы свернули с мощеного тракта, и лошади прибавили рыси. Наверное, мы уже недалеко от Хауддана и от границы с Онижем.

Серпантин дороги сделал очередной поворот, карета немного проехала и неожиданно резко встала. Послышались возбужденные голоса, недоуменные выкрики, сменившиеся неразборчивой руганью. Затем последовали отрывистые команды — кто-то кого-то звал, торопливо раздавал приказы.

Лейфри нахмурился, быстро переместил меня с колен на сиденье, бросил отрывисто:

— Не выходить.

Рванул на себя дверь и выпрыгнул наружу.

На мгновение все стихло, а потом возобновилось с еще большей силой. Нечленораздельные восклицания, лязг металла, какой-то свист и грохот, вопли ярости, ужаса, боли вперемешку с ругательствами и испуганным конским ржанием, завывания, стоны раненных — все слилось в беспорядочную дикую какофонию.

Даже мне, бесконечно далекой от сражений, войн и прочих столкновений, было ясно — на нас напали. Но кто? Друзья? Враги? Враг

моего врага, как известно, в критической ситуации вполне сойдет за друга.

Отсиживаться в повозке, как распорядился Лейфри, я не собиралась. Лезь в бой, конечно, не планировала — мне нечего противопоставить опытным наемникам и магам. Но и маяться неизвестностью, когда за окнами идет бой и где-то там валяется без сознания беззащитный Петька, тоже не намеревалась.

Я должна разобраться, что происходит. Если нападающие сводят личные счеты с виконтом или ловят чужеземных магов, может, они помогут нам с Петькой уйти? Или, в конце концов, просто отпустят на все четыре стороны? На подобное счастье рассчитывать не приходится, но все же... Чем этот их Птарх не шутит.

А еще я очень, просто-таки отчаянно надеялась, что там Саллер. Что именно он пришел за нами... за мной.

Первым делом отодвинула занавеску и попробовала рассмотреть, что происходит. К сожалению, возница успел отогнать экипаж к лесу — ничего, кроме сучьев, листьев и каких-то неясных отблесков, разглядеть не удалось. Пришлось поудобнее подоткнуть юбку и выбираться. Как я и думала, карета стояла в негустом подлеске. Осторожно обогнула ее, шагнула в заросли молодых елей, подступавших к самой обочине, и замерла, ошеломленная.

Впереди, там, где неровная дорога разветвлялась, подобно диковинному дереву, на фоне ослепительных вспышек отчетливо выделялась мужская фигура.

Саллер... Он все-таки нашел меня.

Волна безумной радости, облегчения накатила и тут же схлынула, лишь только я поняла, что герцог один.

Один?! Но почему? Где его люди? Отряд? Пусть даже несколько человек? Где неизменный Вильм... хотя бы Вильм? Где он, черт побери?! Рядом с герцогом никого не было, если не считать двух удивительных тварей, которые, оскалившись, грозно рычали у его ног. С огромных клыков капала раскаленная слюна, тело покрывал пламенный кокон, защищая черную кожу, похожую на вулканическую породу с кровавыми потеками лавы.

К тому времени как я вылезла из повозки, все наемники оказались мертвы. В живых оставались Саллер, пятеро магов, Лейфри и странные помощники мэссера. Они прикрывали хозяина, вертелись волчком, резко наскакивая на врагов. Герцог тоже не терял времени даром: постоянно передвигался, поворачивался, с обеих ладоней посылая в нападавших яркие разноцветные сгустки. Маги отвечали ему тем же, но защита Саллера с

успехом выдерживала их многочисленные удары.

Вот мэссер на долю секунды остановился. Шрам на его щеке словно треснул, стал шире, налился мертвенным, призрачным светом, озарившим его лицо зловещими бликами. Мужчина встряхнул руками, роняя с пальцев пепельно-серые шары, и в воздухе появились зыбкие сумрачные тени. Они жадно рванулись к чужим магам, заметались вокруг них в бешеной пляске, вгрызаясь в щиты и тесня противников назад.

Пока герцогу удавалось отражать атаки и даже нападать, но у онижцев явно имелся какой-то план. Они пытались окружить Рэма, а он скользил с места на место, не позволяя им этого сделать.

Один из стихийников направил к Саллеру изумрудно-зеленую сферу, и та, на лету разворачиваясь в тонкую, поблескивающую капельками воды сеть, моментально облепила щит мэссера. В то же мгновение Лейфри, видимо, давая своим союзникам возможность перестроиться, ринулся к герцогу, швыряя в него пару похожих на пики ледяных игл. Саллер перехватил одну из игл, коротко размахнулся и с силой бросил ее назад, в виконта. Тот зашатался, недоуменно рассматривая расплывающееся на груди кровавое пятно, и осел на траву, а герцог снова развернулся к онижцам. Но было уже поздно.

Противники все-таки окружили Рэма, образовав какую-то странную фигуру. От одного из стихийников побежал по земле безобидный на первый взгляд ручеек. Коснулся ног стоящего напротив и взвился мощным смерчем. Вихрь завыл и, вращаясь, посверкивая молниями, понесся к третьему магу. Оттуда, втянув в себя камни и огромные комья почвы, поспешил к четвертому, чтобы от него хлынуть кипящей лавой.

Вода, воздух, земля, огонь. Кто же пятый?

Едва расплавленный поток достиг последнего мага, он вытянул ладони, точно впитывая в себя беснующиеся стихии, а потом так же резко опустил руки. И стена огня, воды, камней, молний устремила вверх и вперед, соединяя вершины нарисованной на земле звезды.

Все произошло невероятно быстро. Несколько секунд, несколько ударов сердца — и контур замкнулся, отрезая Саллера от внешнего мира. Закрывая его внутри звезды под натиском озверевших стихий.

Я стиснула кулаки, до рези в глазах всматриваясь в смутно видневшуюся фигуру. Герцог не сдавался. Боролся, прикрываясь истончившимся щитом, все свое внимание направив на то, чтобы достать пятого мага. Того, кто возглавлял звезду и объединял ее мощь.

Они застыли друг против друга — онижец, во взгляде которого уже плескалось торжество близкой победы, и Саллер, едва стоявший на ногах,

раскачивающийся, как пьяный, но упрямо, из последних сил подпитывающий свой щит.

Пока еще мэссер держался. Пока... Но надолго ли его хватит? Вон и твари его уже исчезли.

В груди появилось странное ощущение — там будто застрял тугой горячий комок, сдавливая сердце, мешая дышать, обжигая и рани острыми гранями.

Если бы я могла хоть чем-то помочь... Если бы только могла...

Потянулась к Рэму всеми своими чувствами, всеми мыслями, отчаянно страхась за него, подбадривая и поддерживая. И пульсирующий ком в груди вдруг лопнул, жгучим потоком хлынул к горлу, ошпарил гортань и с криком выплеснулся наружу. Мне казалось, все должны были слышать этот отчаянный яростный вопль, видеть разрезающую пространство блестящую белую ленту, что мгновенно соединила меня с герцогом.

Но онижцы, поглощенные сражением, ни на что не обращали внимание. А Саллер вдруг расправил плечи, и его фигуру окутало чистое сияние. Пространство вокруг него словно поплыло, исказилось, а потом распалось на отдельные фрагменты, как в разбившемся зеркале. И звезда, державшая мэссера в тисках, лопнула, вспыхнув слепящим пламенем.

Я на секунду зажмурилась, а когда снова распахнула глаза, буйство стихий уже прекратилось. Стих ураган. Погас огонь. Опустились вниз камни. Мгновенно впиталась в почву вода. На дороге остались лишь онижцы, Саллер да лежащий неподалеку от них Могир.

Первым осыпался пеплом руководитель звезды — ее сердце, потом сломанными куклами рухнули на траву остальные четверо. Когда вслед за ними упал герцог, я не выдержала.

Подбежала к нему, опустилась на колени, обнимая мужчину за плечи.

— Рэм... Очнись... Пожалуйста...

Саллер не шевелился, зато вместо него отреагировал Лейфри — словно мой голос пробудил его из мертвых. Глухо застонал, приподнялся на локте, нашел меня взглядом.

— Мири... — дернулся он в мою сторону.

И эхом сбоку донеслось:

— Маруся, ты где? Что происходит?

Из стоявшей поодаль второй кареты вывалился Петька. Сполз вниз, прислонился к дверце, недоуменно огляделся, болезненно щурясь на солнце, и наконец заметил меня.

— Маш?!

Но прежде чем он успел сделать хоть шаг, а я подняться, виконт как-то

нехорошо оскалился и упрямо прохрипел:

— Моя...

С пальцев Лейфри сорвалась шаровая молния, шипя, понеслась к брату и врезалась ему в грудь, отбрасывая в экипаж. Карету охватило яркое синее пламя, и она взорвалась, разлетаясь на сотни обломков.

Все происходило, как в замедленной киносъемке.

Вот Петька улыбается мне, вопросительно и немного растерянно...

Вот он валится внутрь повозки...

И та распадается... Оседают пылью... Исчезает навсегда...

Вместе с моим братом.

Нет! Этого просто не может быть...

— Петя... Петечка-а-а, — завывала я, не веря, не желая верить тому, что только что увидела.

Попыталась встать на ноги, упала на Саллера, снова начала упрямо подниматься, но тут мир перед глазами завертелся, и я провалилась в раскрывшуюся подо мной воронку.

Глава 17

— Маха, смотри, какая красивая. — Петька раскрыл ладонь, на которой лежала витая перламутровая ракушка. — Держи, это тебе.

Едва мазнув взглядом по его руке, сердито отвернулась. Я на него обижена и не собираюсь так просто сдаваться. А ракушка? Ее можно и потом взять, когда помиримся.

Но братца это ни капельки не смутило.

— Вы слышали, как ревет

Реактивный самолет?

Это ничего не значит:

Наша Маша громче плачет, — поддразнил он, забавно растягивая звуки.

Глупый старый стишок, которым кое-кто доставал меня с самого детства. Петька не хуже меня понимал, что эта досада не всерьез, долго дуться и злиться на него у меня все равно не выйдет. Как и у него на меня. Что поделать, близнецы...

Где-то рядом лениво плескалось море, обдавая нас мелкими щекочущими брызгами, все жарче припекало солнце, впереди ждали десять дней отпуска, и, несмотря ни на что, меня переполняло счастье. Жизнь все-таки прекрасная штука. Как ни крути.

— Маш, — Петька ласково погладил мою руку. — Машунь, ну хватит.

Повела плечом, сбрасывая его пальцы. Они неожиданно легко соскользнули, брат приглушенно охнул, и я удивленно обернулась.

Исчезли море и нагретый солнцем белый песок, стихли звучавшие вокруг веселые голоса. Позади бесновалась стена огня, и Петька, как-то виновато на меня глядя, все пятился и пятился в полыхающее за его спиной пламя.

— Осторожнее!

Испуганно потянулась к нему, но не успела подхватить — он повалился навзничь прямо в ревущую бездну. Оранжевые языки взметнулись к небу и опали, жадно вбирая в себя добычу.

— Нет!..

Я бы закричала, но голос исчез. Стало трудно дышать. Стиснула ладонью горло, до боли впиваясь ногтями в кожу, царапая ее, и... открыла глаза.

Ужасный сон...

Несколько секунд я не шевелилась, медленно приходя в себя. Не давало покоя поселившееся в душе одиночество, словно я недавно потеряла нечто очень важное. То, без чего невозможно дальше существовать.

Могир... Карета... Саллер... Бой... Петька...

Петька!..

Подскочила на месте, лихорадочно озираясь.

Брата нигде не было. Собственно, никого не было. Никого и ничего. Ни повозок, ни магов, ни виконта с герцогом. Я сидела на небольшой идеально ровной круглой поляне, к которой со всех сторон подступал густой лес. Не тот, через который мы еще совсем недавно ехали, а другой, незнакомый и странный. Он завораживал и отталкивал одновременно, а еще до дрожи пугал. Жуткий лес. Чужой.

Я даже не сразу сообразила, что вызвало у меня такое чувство. Потом поняла.

На первый взгляд деревья, кусты, трава казались такими же, как раньше. И в то же время их цвет, размеры, форма неуловимо изменились. Некоторые краски поблекли, другие, наоборот, стали неестественно яркими.

Затянутое свинцовыми облаками небо. Темные стволы, за которыми чудился странный призрачный полусвет. Серая трава, и на ее фоне как брызги крови — пятна крупной нереально красной земляники.

Ветер не шевелил ни траву, ни листья. Вокруг стояла невероятная глухая тишина — словно я попала на склад, доверху забитый ватой. Нервно откашлялась, и звук тут же растворился, моментально поглощенный этим безмолвием. Шорохи, скрипы, постукивания, запахи, звонкий птичий гомон — все, что является неотъемлемой частью даже самой маленькой рощицы, здесь отсутствовало полностью. Лес как будто умер или затаился в недобром ожидании.

Метрах в пяти от меня толстое корявое дерево, похожее на клен — во всяком случае, у него были такие же перистые листья, вдруг пошевелилось. Нет, не ветки закачались или листья затрепетали, а само дерево, казалось, переступило с ноги на ногу. Дернулось и застыло в нерешительности: сделать шаг вперед или нет? А потом мне почудилось, что оно меня... рассматривает.

Какие глупости иногда приходят в голову. Отвернулась, зябко передернув плечами. Не оттого, что замерзла, — от напряжения. Холода я не ощущала, тяжелый густой воздух был немного сыроватым, но теплым.

— Хотя что-то как надо, — мелькнула вялая мысль, — а то ни одежды, ни спичек у меня с собой нет. И Петьки тоже нет. Совсем...

Острое чувство утраты спазмом сдавило грудь.

Как же в ту минуту хотелось... отчаянно хотелось поверить, что мои воспоминания — всего лишь глюк, фантасмагорическое видение. А бой мне просто приснился.

Вот сейчас очнусь в карете в липких объятиях Лейфри. Пусть так, пусть даже Саллер не успеет прийти... Все, что угодно, только не прощальная улыбка исчезающего в огне брата. Только не его смерть. Если мэссеру суждено догнать, победить и спасти, то только нас обоих.

Из беспросветного отчаяния, в которое я начала скатываться, меня вырвал слабый звук. Странно, как он сумел пробиться ко мне, не увязнув в этой ватной тишине.

Прислушалась. Стон — теперь я точно различила, что это стон — повторился. Там, под деревом, что совсем недавно бесцеремонно меня разглядывало, лежал человек, и он явно нуждался в помощи.

Все другие мысли тут же выветрились из головы. Не помню, как оказалась на краю поляны возле распростертого у корней «клена» мужчины.

Саллер...

Ноги подкосились, и я сползла на землю, жадно изучая знакомые черты. Посеревшее лицо, бескровные губы, темные круги под опущенными ресницами. Герцог был без сознания, сердце едва билось, но все-таки он дышал... Дышал! Пусть очень тихо, медленно, почти незаметно.

Убедившись, что все мои отчаянные попытки привести его в чувство бесполезны, задумалась, что же теперь делать. Вспомнила болезнь «мужа», объяснения лекаря, который каждый день подробно докладывал мне о состоянии графа. У Рэма, скорее всего, такое же магическое истощение, а как действовать в подобных случаях, я совершенно не представляла. У меня не имелось ни нужных лекарств, ни необходимых целительских способностей. Если честно, вообще ничего не было, кроме упрямого желания помочь... Спасти.

Смогла же я во время сражения подпитать Саллера силой, вдруг и сейчас получится? Так... Куда Дильфор обычно клал руки? Повторяя жест мастера, положила ладони на грудь герцога, закрыла глаза, сосредоточилась и... не ощутила никакого отклика. То есть абсолютно. На этот раз чуда не произошло.

Наверное, я уже отдала мэссеру все, чем владела. Или эти невероятные способности активизируются только в минуту смертельной опасности. А скорее всего, я просто не обладаю нужными навыками — всплеск дара произошел спонтанно, помимо моей воли и желания. Что ж, если магия

бесполезна, значит, буду делать то, что умею. Пусть умею я совсем немного.

Еще раз внимательно осмотрела Рэма.

Рубашку покрывали брызги грязи, многочисленные подпалины, она порвалась и кое-где просто висела лохмотьями, оголяя крепкий торс. Слева на боку расплывалось большое кровавое пятно.

Быстро стянула с мужчины остатки тонкой ткани. Удар пришелся по касательной, рассекая кожу и мышцы до кости. Для мэссера подобное повреждение ненамного опаснее царапины, он бы точно не потерял сознание. Значит, я права, это не забытие тяжело раненного, а магическая кома. Что там Дильфор о ней говорил? Ладно, потом, все потом. Сейчас надо заняться боком — его следовало хотя бы промыть и перебинтовать.

Обвела взглядом поляну — ни ручейка, ни самого маленького родника. Надо идти в лес и искать воду. Только вот где?

В воздухе закружился большой резной лист, мазнул по моим волосам и плавно опустился на траву. Подняла голову, устало улыбаясь «клену».

— Что скажешь, сосед? В какую сторону податься? Сюда? Туда? Или вон в том направлении?

Ответа я, разумеется, не ждала. Заговорила потому, что больше не могла молчать, царившая вокруг кладбищенская тишина уже начинала давить на уши.

Но дерево неожиданно задвигало сучьями, как будто перебирало многочисленными лапами, скрипнуло-фыркнуло и наклонилось вправо. Помедлило, качнулось и... вытянуло туда же все ветки. Видимо, для надежности.

— Спасибо, — пробормотала я ошарашенно.

Поднялась и, не тратя слов понапрасну, послушно отправилась указанным курсом. На меня в последние часы столько всего навалилось, что разумное дерево если и изумляло, то как-то очень вяло. Помогает — и ладно. Все эмоции притупились, их заслонили странная пустота в груди и страх за Саллера. Другие чувства остались там, где я в последний раз видела брата.

Петька...

Нет, не думать об этом... Не думать, я сказала!

Что толку себя терзать? Все равно здесь выяснить ничего не удастся. Сейчас моя главная забота — Рэм. Он очнется, выведет нас отсюда, тогда и разберемся. А пока... Пока не удостоверюсь в обратном, буду считать, что мы с братом случайно потерялись. Разминулись, но скоро обязательно отыщем друг друга.

Пробралась через заросли, и минут через пять узкая, заросшая травой тропинка вывела меня к прозрачному лесному ручью. Не обманул новый знакомый.

Умылась, напилась, выстирала несколько оторванных от бывшей рубашки длинных лент, взяла одну из них и вернулась на поляну.

Чтобы хорошо очистить рану, пришлось не один раз сходить к ручью. К тому времени высох второй лоскут, который я повесила на кусте. Подхватила отложенную в сторону поясную сумку Саллера, открыла и стала перебирать содержимое ее карманов. Я мало знала об истинных, но не сомневалась, у каждого из них обязательно имеется при себе местная универсальная «аптечка».

Кристаллы, артефакты, какие-то пакетики, склянки... Я искала хоть что-то знакомое. А вот этот порошок Дильфор точно мне показывал, объяснял, кстати, что им обеззараживают раны. Еще название у этой зеленой пыли такое смешное... Чин-чин... Точно! Как хорошо, что мы с мастером какое-то время тесно общались и беседовали обо всем на свете. Кто тогда знал, что мне могут пригодиться эти сведения?

Посыпала порошком рану, перевязала, потом, сделав еще несколько забегов по привычному уже маршруту, протерла лицо, шею, грудь Рэма. Особой чистоты, конечно, не добилась, но хотя бы убрала кровь и разводы грязи. Постирала остатки рубашки — пригодятся, принесла в большом лопухе воду, попыталась напоить Саллера, а когда не удалось, просто обильно смочила ему губы. А потом тяжело осела на землю, тупо глядя перед собой. Все, что в моих силах, я сделала.

Смеркалось. Тени от деревьев росли, росли и мало-помалу накрыли всю поляну, над травой пополз сизый туман. Пора было думать о ночлеге. Вздохнула, зябко повела плечами — к вечеру ощутимо похолодало — и достала из сумки герцога огненный кристалл. Сейчас соберу хворост, разожгу огонь и...

Раздавшееся за спиной сердитое кряхтение буквально подбросило меня на месте. Оказывается, я умудрилась устроиться на отдых возле самого «клена», и теперь дерево, воинственно размахивая нижними ветками, пыталось дотянуться до меня. Любая змея, услышав его разъяренное шипение, умерла бы от зависти.

— Что?.. — Продолжить мне не дали.

«Клен» изогнулся, ловко выбил из моих пальцев артефакт и удовлетворенно выпрямился. Все ясно, развести костер не дадут.

— И что же мне делать? Что, я тебя спрашиваю? Он очень ослаб, и одежды никакой нет... Замерзнет — совсем плохо станет.

В голосе невольно скользнули слезы, и я сердито потрянула головой. Не время раскисать, потом когда-нибудь истерику устрою. Вот вылечу Саллера, найду Петьку, заползу в укромный угол, закроюсь там на сутки — а лучше двое — и нарыдаюсь всласть.

«Собеседник» заскрежетал, заскрипел протяжно. Тоненький побег коснулся шеи, аккуратно поддел ожерелье, подержал его на весу, уронил, а потом дерево, крепко и в то же время бережно подхватило меня под руки. Подтянуло поближе, притиснуло к неожиданно теплomu стволу и заботливо укрыло ветвями.

Кажется, мне только что предложили помощь.

Через час все было готово к ночлегу. Я натаскала к «клену» лапника, завалила его собранными в лесу пучками сухой травы — хорошо, что ее оказалось много, затащила туда Саллера и «закопала» его в импровизированный утеплитель. Села рядом, привалилась спиной к дереву, положила голову Рэма на свои колени и обняла его, баюкая, как ребенка. От ствола шло приятное тепло, согревающее душу и тело, листья на моих плечах чуть заметно подрагивали, мягко поглаживая кожу. «Клен» приглушенно шелестел, словно напевал колыбельную, и я, измученная событиями прошедшего дня, быстро задремала.

Мне снова снился Петька. Смеющийся, радостный, он манил меня к себе. А я все бежала и бежала, но никак не могла добежать.

Так прошло еще три дня. Я словно сжилась с этим местом, стала его частью — как трава, цветы, земляника, деревья. Меня не пугало ни подозрительное шуршание в кустах, ни пронзительные крики какой-то птицы, ни крохотные странные существа, что, совершенно не таясь, изредка деловито пересекали поляну и скрывались в зарослях.

О брате, который упорно являлся мне в ночных видениях, днем старалась не думать, отвлекая себя заботой о Саллере. Рана начала затягиваться, но я по-прежнему присыпала ее порошком и бинтовала. Умывала герцога, обтирала, меняла подстилку. Потом долго сидела рядом, держала его за руку и пристально вглядывалась в лицо, надеясь увидеть признаки того, что Рэм вот-вот придет в себя. Ловила медленное биение пульса.

Удар...

Долгая, бесконечно долгая пауза...

Мое напряженно-сосредоточенное ожидание...

И снова, когда нервы, кажется, уже на пределе, следующий едва заметный толчок.

А еще я беседовала с герцогом, как когда-то с Трэем — обо всем и ни о

чем. Это позволяло не чувствовать себя такой безнадежно одинокой.

Поить его я больше не пыталась, припомнив в мельчайших подробностях, что рассказывал Дильфор о магическом истощении. В этот момент физиологические процессы в организме резко замедляются, почти останавливаются, и одаренный погружается в некое подобие транса, направляя все силы на восстановление энергетического ресурса. Чем талантливее маг, тем глубже кома, и тем быстрее происходит обновление внутреннего источника.

Петьке в свое время пришлось намного хуже. Тяжело раненный Трэй был очень слаб, его тело умирало, а искра Танбора почти полностью угасла. Удар, нанесенный Саллеру, не смертелен, у него прекрасная регенерация, он, черт возьми, лучший маг в королевстве, а может, и во всем мире.

Оставалось только ждать... Ждать и надеяться.

Есть почти не хотелось — когда я волновалась, у меня всегда пропадал аппетит, так что вполне хватало сорванной на поляне земляники. Той самой, неестественно красной. Прежде чем попробовать ягоды, принесла их к дереву и спросила, что мой новый приятель думает по поводу их пригодности. Вот сказал бы мне кто-нибудь полгода назад, что я в трезвом уме и на полном серьезе стану беседовать с растениями и спрашивать у них совета...

Мда...

«Клен» против ягод не возражал, если я правильно расценила согласное покачивание веток, так что рискнула. Сочная сладкая земляника оказалась не просто съедобной, но и необыкновенно вкусной. Проблема с питанием была временно решена.

А вечерами я все так же прижималась к горячему стволу, обвивала руками Рэма и в обнимку с ним засыпала. Я уже стала привыкать к близости его тела, к ощущению гладкой, упругой кожи под пальцами, к тихому дыханию, которое с каждым днем становилось ровнее, к мерному биению его сердца рядом с моим. И к снам, в которых неизменно встречалась с братом.

Утро четвертого дня все изменило.

Я проснулась от ощущения, что на меня смотрят. Распахнула ресницы и утонула в ясных темных глазах. Ни мути, ни болезненной пелены — лишь настороженность и легкая дымка усталости.

— Мири... — Саллер медленно поднял руку, легко скользнул пальцами по моему подбородку. — Мири... — повторил зачарованно, как будто не верил тому, что видит.

Я тоже потянулась к нему, зачем-то потрогала лоб, заботливо убрала прилипшую к коже прядь волос. Хотелось лишний раз погладить, нежно провести подушечками пальцев по лицу. Окончательно поверить, что он вернулся.

— Доброе утро, Рэм.

Я так привыкла за эти дни касаться его, обнимать, разговаривать, обращаясь по имени, что не сразу поняла, что сделала, как его назвала. Потом сообразила, попыталась отдернуть ладонь, но Саллер не дал — перехватил ее, прижав к щеке.

— Я сплю... — сделал он вывод, не сводя с меня изумленного взгляда, — или умер и попал в Эльварис.

— В лучший мир? — Усмехнулась невесело. — С гуриями?

— Что?

— Неважно. — Чуть заметно покачала головой. — Не спите и не умерли. Вы точно нет... К счастью...

Недосказанность повисла в воздухе, мгновенно разделяя нас.

— Мэарин?.. — Вопросительное удивление в голосе герцога мгновенно сменилось тревогой. — В чем дело?

Убрала от его лица руку, но полностью освободиться так и не удалось. Рэм снова поймал мою ладонь, накрыл ее своей, повторил настойчиво:

— Что случилось? Где... Трэй?

Закусила губу, смаргивая подступившие к глазам слезы. Если он еще раз спросит о «муже», точно разревусь.

Герцог судорожно стиснул мои пальцы, приподнялся, оглядывая поляну, себя, и хрипло выругался. Через минуту он уже сидел, хмурый, сосредоточенный. Рот крепко сжат, брови сдвинуты, а тело напряжено так, словно он вот-вот сорвется в бой с очередным противником. Покосился на «клен», скривился, отодвинулся подальше и потребовал:

— Рассказывайте.

Собственно, говорить было особо не о чем. Сражение мэссер вспомнил сам, а история о том, как мы попали на поляну и что делали, то есть я делала, много времени не заняла.

— Трэй не успел отойти от второй повозки, — закончила безжизненно, — упал внутрь, и она взорвалась. — Я резко развернулась к Саллеру. — Но он ведь мог выжить... Мог! Правда? Вильм... ваши люди наверняка спасли его. А если нет... Мы вернемся и все там осмотрим, переберем по камешку, но найдем его. Обязательно. Вы поможете мне, да?

— Конечно.

Герцог лишь на миг отвел взгляд, словно о чем-то знал — о чем-то

очень неприятном, но не желал меня расстраивать, а потом посмотрел мне в глаза. Прямо и твердо.

— Я сделаю все от меня зависящее, абсолютно все, чтобы выяснить, что произошло с Трэем. — Сжал мои плечи, заверил убежденно: — Мы непременно во всем разберемся.

Он осторожно привлек меня к себе, крепко обнял, и я не стала ни вырываться, ни уклоняться, принимая его молчаливую поддержку и сочувствие. Закрыла глаза, окунулась в тепло его тела, обретая уверенность, успокаиваясь. Горячая ладонь невесомо гладила мою спину, волосы. Простая, без сексуального подтекста ласка утешала лучше всяких слов, унимала боль, давала надежду, что все еще будет хорошо.

Так мы и сидели некоторое время — два человека, которых сблизили общая потеря и общее горе.

— Это ведь Запретные Земли? — Я первой нехотя отстранилась от мужчины. — Верно?

Саллер помедлил, точно перед прыжком в холодную воду.

— Да, мы на территории нелюдей. И, боюсь, в этом моя вина. — Поймал мой недоверчивый взгляд, коротко выдохнул. — Я ненадолго пришел в себя. Как раз, когда этот... — Рэм запнулся, явно сдерживая ругательство, — этот Лейфри заканчивал плести направленное в твою сторону заклинание.

Ну, Могир... Это что, по принципу: так не доставайся же ты никому? Вот гад.

— У меня был при себе артефакт с порталом в здание службы безопасности. Я ведь знал... знал, что активировать переход возле границы с Запретными Землями рискованно, но позволить виконту сделать то, что он планировал, не мог. Заклинание уже сорвалось с его пальцев, сил, чтобы поставить щит, у меня не хватало. Оставался только портал. Если бы ты ушла одна, вероятно, настройки бы не сбились, но...

Видимо, герцог волновался, потому что незаметно для себя переходил то на «вы», то на «ты».

— Но я в этот момент держалась за вас, и нас обоих забросило в Хауддан, — продолжила за него. Не стала уточнять, что, по моему мнению, ожерелье тоже внесло свою лепту, скорректировав в нужный момент координаты, просто искренне добавила: — Спасибо.

— За что?

— Вы спасли мне жизнь.

— И, возможно, тем самым подверг ее еще большей опасности, — угрюмо возразил Рэм. — Звезду я обезвредил и с Лейфри как-нибудь

справился бы. Надо было остаться, прикрыть вас собой, дожидаться подмоги. Мое крыло скоро нагнало бы нас. А теперь... не так-то легко отсюда выбраться.

Саллер усталым жестом потер лицо и начал тяжело подниматься. Вскочила, поддерживая его, но мужчина упрямо отстранился.

— Я сам. Теперь сам. Вы и так невероятно много для меня сделали.

Мы стояли в шаге друг от друга, и я вдруг смутилась. Несколько дней совершенно спокойно ухаживала за ним, пять минут назад сама прижималась в поисках утешения, а тут неожиданно остро почувствовала его близость. Жар почти обнаженного тела. Его красоту, мощь.

— Здесь поблизости есть ручей, — пробормотала, отступая. — Можно привести себя в порядок, искупаться. Сейчас провожу...

— Я найду дорогу, только покажите, в какую сторону идти. — Герцог мягко придержал меня за локоть. Улыбнулся. — Благодарю, что все это время были рядом, помогали, заботились. Никогда не думал, что юная изнеженная столичная аристократка способна на такое. — Его голос неожиданно охрип. — Вы необыкновенная девушка, Мири. Я... очень завидую Трэю. Тому, что вы его жена. Что ваша любовь отдана ему, а не...

Он не договорил, отпустил мой локоть и быстро отошел.

— Так где, вы говорите, этот ручей?

Глава 18

Рэм появился примерно через полчаса — подтянутый, посвежевший, даже от щетины на щеках не осталось следа. Судя по всему, у него имеются артефакты почти на все случаи жизни. С мокрых блестящих волос стекали крупные капли воды, скользили по груди, плоскому подтянутому животу...

— Да, выгляжу неподобающе, — развел он руками, неверно истолковав мой напряженный взгляд, — но запасной одежды нет, сами знаете. Надеюсь, вы меня простите?

Знаю... Прощу... потерплю... Куда я денусь?

С «пробуждением» Саллера все стало значительно легче, а самое главное — я была уже не одна.

Когда я в свою очередь вернулась из леса, меня тут же заставили прожевать какие-то сомнительного вида бурые лепешки, уверяя, что они намного питательнее земляники, к которой герцог отнесся с большим подозрением. Влили в рот, тщательно отмеривая капли, нечто горько-прохладное, от чего на миг страшно закружилась голова, а потом по телу разлилось восхитительное тепло. И отправили под дерево — отдыхать.

Сам герцог к моему новому знакомцу старался не приближаться. «Клен» тоже не проникся к мэссеру особой симпатией, воинственно потрясая ветками каждый раз, когда тот оказывался неподалеку.

Пока я вполголоса переругивалась с деревом... То есть говорила, конечно, я, убеждая хаудданца, что Саллер не опасен, а «клен» упрямо не соглашался — отмахивался и сердито шумел в ответ. Так вот, пока я выясняла отношения, мэссер пытался вызвать своих людей. Безуспешно. Хауддан экранировал любую связь. В Запретных Землях человеческая магия не имела силы, артефакты не действовали, а порталы рассыпались бесполезной пылью. Значит, рассчитывать придется только на себя.

— Надо идти к границе, — наконец постановил герцог. — Я определил примерное направление... насколько это вообще возможно в Хауддане.

— Почему сразу к границе? — мгновенно вскинулась я. — Давайте разыщем кого-то из местных. Объясним, что попали сюда случайно. Попросим проводить...

Не то чтобы я мечтала остаться — нет, сейчас меня больше всего волновала судьба брата, все остальное мгновенно стало неважным, отошло на второй план. Меня, как убийцу на место преступления, тянуло туда, где видела Петьку последний раз. Что я там надеялась обнаружить? Не знаю.

Наверное, просто цеплялась за последний призрачный шанс. А что если я не так поняла, ошиблась, просмотрела?.. Вернусь, а брат живой и здоровый, ждет меня, беспокоится.

Так что задерживаться в Хауддане я не собиралась. Но раз уж мы здесь, стоит все-таки поискать тех, кто нас с таким усердием приглашал. Расспросить — вдруг у них есть новости о Петьке?

— Разыщем кого-нибудь из местных? — мрачно переспросил Саллер. — А чем вас этот не устраивает? — Он указал на «клен» — Или эти? — Кивок в сторону группы крошечных рогатых существ, которые, даже не обернувшись в нашу сторону, с сосредоточенно-серьезным видом преодолевали поляну. — Вот вам самые настоящие местные жители. Или вы других предпочитаете?

С сомнением проводила взглядом «рогатиков». Мелкие они какие-то. Несерьезные. Разумеется, я выбрала бы других. Того же Йора хотя бы. Он, конечно, тоже не исполин, но попредставительней немного, и сам мной интересовался. Вот где этого недоэльфа Птарх носит? Звал-звал, а теперь не торопится на «свидание». Или ему нужна именно наша пара, а одна я, без Петьки, не представляю никакого интереса?

— А кто тут еще водится? Кроме разумного дерева и хлопотливой мелочи? — Покосилась на «клен», шепнула виновато: — Прости... Ты замечательный, но очень уж молчаливый.

— В Хауддане на каждом шагу кто-нибудь «водится». — Мэссер пожал плечами. — Тролли, огры, гномы, феи, духи воды, воздуха, земли... Легче перечислить, кого здесь нет. Одних только драконов около двадцати видов... или больше.

На всякий случай поджала ноги, потом не выдержала, провела рукой по траве. Вдруг там как раз сейчас шастает очередная микроскопическая «разновидность» нелюди?

— А король у них имеется? Император? Владыка? Глава? — Саллер молчал, и я растерянно продолжила: — Хоть какое-то правительство? Столица, на худой конец? Тоже нет?

— Есть и повелитель, и некое подобие верховного совета — его называют синкалионом, но они не спешат нам показываться, — наконец откликнулся герцог. — Людей, тем более магов, не пускают в Хауддан, послов отсылают обратно. Официальных представителей королевств иногда принимают, но разрешают пройти не дальше пограничной крепости. И с ними всегда беседуют разные... гм... существа. О столице, численности армии нам вообще ничего не известно.

— И что, запрет никогда не нарушается? — Я скептически поджала

губы. — А как же барон Тенза и его бессмертный опус «По следам кошмаров, или Расскажи мне про Хауддан»?

— Тенза — болтун и фантазер. Светский сплетник, очаровывающий дам красивыми историями, в которых нет ни капли правды. Но желающих и без него хватает. Контрабандисты, искатели приключений, наемники...

— Шпионы...

— Шпионы, — согласился Саллер. — А также просто безмозглые глупцы и самонадеянные болваны. Они изобретают или покупают, причем за огромные деньги, все новые и новые артефакты, позволяющие преодолеть границу, проникают в Хауддан и...

— И?..

— Большинство исчезает навсегда, а те немногие, что возвращаются, приносят с собой странные истории. О землях без городов, деревень и дорог. О непроходимых чащах с живыми растениями... — Саллер кинул быстрый взгляд в сторону «клена», — и топких болотах с говорящей водой. О жутких существах, которые выглядят безобидно, но дарят мгновенную смерть. А вот об армии, правительстве, каких-то поселениях не упоминал никто. Местные не терпят непрошенных гостей и безжалостно от них избавляются.

— В Древней обители сказали, что в Запретных Землях мы найдем ответы на многие вопросы. — Я помедлила, но все-таки добавила: — Нас здесь ждут.

— Не знаю, что имели в виду хэллэ, они те еще интриганы, но меня в Хауддане не жаждают видеть. — Мэссер дернул уголком губ. — За последнее время я послал пять запросов о встрече и получил столько же отказов. Я не имею права здесь находиться, а вас одну не оставлю.

Он в несколько шагов преодолел разделяющее нас расстояние, опустился рядом.

— Мири, все, кому нужно, давно оповещены о нашем появлении. Если ваш новый приятель не успел донести, в чем я лично очень сомневаюсь, то они точно доложили.

Он подобрал камешек и кинул его в соседний куст. Там тут же сердито зашуршали, хрустнула ветка, в просвете появились два блестящих огонька, мигнули алым, пропали, и все стихло. Мда... Как говорится, не падайте в обморок, но мы все под колпаком у... А вот у кого, пока не известно.

— Если решат поговорить, сами объявятся. — Рэм ласково коснулся моих пальцев, на миг переплел их со своими и тут же отодвинул ладонь. — Если нет, поверьте, никого разумнее деревьев или муравьев мы так и не встретим. Нас или пропустят к границе, или заставят бесконечно ходить

кругами, или...

Герцог замолчал.

— Что?..

— Будем надеяться на лучшее. — Он поднялся, убрал в поясную сумку очередной бесполезный артефакт, который крутил в руках. — Больше нет возражений? Хорошо. Пойдем завтра на рассвете, мне нужен этот день, чтобы полностью восстановиться. Пока отдыхайте.

К вечеру «клен» сменил гнев на милость, а Саллер подозрительность на терпимость, и мы легли спать на облюбованном мной месте. Ветки низко склонились, окружая нас зеленым пологом, листья зашелестели знакомую колыбельную.

— Холодно? — Рэм осторожно подтянул меня к себе.

Я не успела замерзнуть, но и сопротивляться не стала. Это было так естественно — тесно прижаться к нему и заснуть, чувствуя на грани уплывающего сознания, как теплое дыхание касается волос, а горячая рука нежно поглаживает плечи.

Утром, перед тем как уйти, подошла к дереву, давшему мне приют. Попрощаться и кое-что сказать.

— Ты ведь знаком с Йором, верно?

Мне в ответ неопределенно помахали ветками. Это движение при желании можно было перевести по-разному — как «Первый раз о таком слышу», так и «Да кто ж его не знает?»

— И наверняка рассказал уже, что я здесь? — Подозрительно прищурилась.

Ствол изогнулся, из земли выполз длинный толстый корень и начал ощупывать траву, как будто «клен» собирался немедленно дать деру.

— Я не сержусь, — заверила поспешно, и корень, на секунду обвив мои ноги, снова зарылся в почву. — Просто передай, что я жду, очень жду, и, если ему хоть что-то известно о Петьке... — Я судорожно сглотнула. — Передашь?

«Клен» зашумел, заволновался, потянулся вперед. Лица коснулись подрагивающие веточки, мягко погладили и отпрянули, оставив на ладони резной лист с тонкими золотыми прожилками.

— Спасибо — поблагодарила я сразу и за молчаливое обещание, и за подарок.

Герцог ждал на другом конце поляны.

— Куда идем?

— Туда. — Неопределенный жест. — А потом — как повезет. Не бойтесь, — добавил Рэм, когда моя рука утонула в его большой привычно

твердой ладони, — и ничему не удивляйтесь. Помните, в Хауддане нет дорог, есть только направления.

Что от имел в виду, я поняла уже через несколько шагов. На миг, только на миг петляющая между высоких стволов тропинка изменила контуры, поплыла, растворяясь в воздухе, и лес исчез. Вокруг, куда ни погляди, колыхалась ровная, словно высаженная заботливым садовником фиолетовая трава.

Только мы, пряно пахнущая растительность безумного цвета, синева неба над головой, слепящее глаза солнце — и больше никого и ничего.

* * *

Мы шли уже несколько дней. Луга сменялись речным мелководьем, унылыми каменистыми и песчаными пустошами, а те — новыми лесами.

То мы оказывались в тенистой дубраве и под приглушенный шум листвы, журчание прозрачных ручьев бодро топали через море земляники по пестрому ковру из травы и цветов. То переносились в непроходимую чащу с такими густыми и высокими деревьями, что даже днем там царил сумрак. Тогда каждый шаг давался тяжело, и я с трудом продиралась через почти непроходимые завалы и буреломы, про себя поминая тихим добрым словом всех — начиная с Танбора и заканчивая Йором. То попадали в настоящие тропические джунгли с лианами, причудливыми колючими растениями и стайками негостеприимных змей, которые, грациозно помахивая на лету розовыми полупрозрачными крыльями, долго гневно шипели нам вслед.

На второй день мы миновали край болота со склизкими, покрытыми блестящей плесенью кочками и редкими остовами низких деревьев, похожих на уродливых многоножек. Темные сухие стволы, нависшее над головой мрачное небо, воздух, пропитанный удушливыми испарениями, черная маслянистая вода и голос, монотонно тянущий на одной ноте:

— С-сюда... с-с-сюда... иди-и-и... Я подарю тебе с-с-счастье...

Как хорошо, что нас практически сразу выкинуло оттуда.

Однажды нас занесло и вовсе в невероятное место — рощу из огромных диковинных грибов, среди которых прыгали, ползали и летали самые невероятные создания.

На нас все так же не обращали внимания, словно мы неожиданно превратились в невидимок. Но я чувствовала, что за каждым нашим движением внимательно следят. Спину буквально прожигали чужие

взгляды — настороженные, испытующие, неприязненные, свирепые. Пристальные. Но заговаривать с нами никто не спешил.

Саллер хмурился, стискивал кулаки, зубы и упрямо рвался вперед, к одному ему ведомой цели. Ну а я шла за ним следом.

Где же этот Йор, черт его побери?

Когда совсем темнело, мы выбирали место и останавливались на ночлег. Магией герцог по-прежнему не мог пользоваться, разжечь костер ему тоже не позволяли. Стоило достать огненный артефакт, как земля под ногами тут же начинала содрогаться, покрывалась трещинами, а если мэссер делал вид, что не понимает намеков, — лопалась, обдавая его липкой зловонной грязью. Хорошо, что дни стояли по-летнему теплые, а в дополнительной еде благодаря запасам герцога мы не нуждались. Оставалось найти какой-нибудь ручей, запить чудодейственные лепешки, мысленно славя истинных за их изобретение, привести себя в относительный порядок и соорудить подходящее ложе. А потом заснуть.

Хотя нет, засыпали мы не сразу. Днем у нас не хватало ни времени, ни желания общаться. Мы шли, шли, шли... пока не заканчивались силы. Останавливались, отдыхали и опять пускались в путь, перебрасываясь на ходу короткими репликами. А вот вечерами наступала очередь бесед. Уставшие от дневных переходов и вынужденного молчания, мы разговаривали обо всем на свете, но чаще всего о Трэе.

Были ночи, когда я даже не видела лица герцога — вокруг царила кромешная тьма, и чернота эта казалась непроглядной. В такие минуты я просто сосредотачивалась на голосе. А иногда над нами раскрывался высокий звездный купол, сверкающий и безбрежный. Тогда я, затаив дыхание, вглядывалась в подсвеченный призрачным серебристым сиянием профиль собеседника. И слушала его рассказы.

О детстве кузена, о его проделках и шалостях, о том, как самому Рэму частенько приходилось защищать младшего, покрывая многочисленные проказы. Я совсем не знала его, этого мальчика, которому Саллер фактически заменил отца, особенно после смерти родного папаша, непутевого Ольеса-старшего. Но чем-то озорник Трэй — веселый, беззаботный, обаятельный — напоминал мне брата. Порой так сильно, что я с трудом сдерживалась, чтобы не выдать в ответ одну из своих историй о Петьке.

Во время этих поздних посиделок мы как-то совершенно незаметно и очень естественно перешли на «ты». Как будто воспоминания и общая утрата постепенно сблизили нас. И неважно, что в этот момент каждый думал о своем брате...

В один из дней рано утром нас выбросило в предгорья под серое пасмурное небо.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как неожиданно подул промозглый ветер, тучи над головами окончательно сомкнулись и рассыпались густым ледяным дождем. Платье мгновенно отсырело, прилипло к телу, с волос за шиворот стекала холодная вода. Пока искали хоть какое-то укрытие, успели полностью промокнуть и замерзнуть. Вернее, это я окоченела и тряслась так, что зуб на зуб не попадал, а полуголый Рэм, казалось, не испытывал почти никакого дискомфорта, беспокоясь только обо мне.

Наконец мы набрали на узкую горную расселину, нырнули туда и очутились в пещере, глубокой и круглой, как нора. Там, на удивление, было сухо и довольно тепло, у одной из стен обнаружили сено и внушительную охапку хвороста. Точно кто-то знал, что мы забредем сюда, и, все рассчитав, заранее подготовился.

Саллер, не колеблясь ни минуты, вынул огненный артефакт и разжег костер — на этот раз от Хауддана никаких возражений не последовало. Торопливо перебрал содержимое своей поясной сумки, отложил несколько флаконов, коробочек. Заставил меня что-то прожевать, напоил чем-то кислым, потом горьким и, отвернувшись, отрывисто бросил:

— Раздевайся.

Без возражений стянула с себя тяжелую мокрую одежду и юркнула в душистое сено, расстеленное недалеко от костра.

Рэм остался у выхода из пещеры. Стоял и молча вглядывался в туманную тускло-серую дымку, окутавшую всю землю там, за длинными косыми струями дождя. А я, не отрываясь, смотрела на его расправленные плечи, литые мышцы, перекатывающиеся под гладкой кожей, завитки мокрых волос, с которых до сих пор срывались крупные капли... Пока отяжелевшие веки не опустились, и я не заснула. Чтобы проснуться от давящей головной боли и сильного озноба.

Я умудрилась простудиться.

Пошевелилась, не сумев сдержать стоны, и сидевший у костра спиной ко мне Саллер тут же обернулся. Он что, так и не ложился?

— Мири?

Прохладная рука опустилась на лоб, даря мгновенное облегчение.

— Ты вся горишь. Все-таки заболела.

— Извини...

Попыталась улыбнуться, но, видимо, вместо улыбки вышла жалкая гримаса, потому что герцог помрачнел и сквозь зубы процедил нечто

невнятное, но очень похожее на ругательство.

— Извиняться должен я. Знал же, что этим может закончиться, но понадеялся на лучшее. Нужно было сразу дать тебе капли Витра.

— Чьи капли?

Вместо ответа Рэм быстро, практически на ощупь, достал из сумки темную бутылочку — крохотную, величиной не больше мизинца. А потом переместился ко мне, поддержал за плечи.

— Это и есть... м-м-м?..

Я не торопилась пить подозрительное снадобье, хотя мне недвусмысленно намекали. В чем подвох? Почему он раньше его не предлагал?

— Капли Витра... да... Мири, открывай рот.

И такая усталость прозвучала в последней фразе, что я невольно устыдилась. Меня лечат, а я еще и капризничать изволю.

— Одна, две, три... Все, довольно.

Густая терпкая жидкость растеклась по языку. Машинально сглотнула и на миг задохнулась. Казалось, я проглотила комок жидкого пламени. Он опалил рот, горло, пищевод и покатился вниз, буквально прожигая себе дорогу.

Глаза заслезились, я мучительно закашлялась, и меня тут же осторожно подхватили.

— Потерпи... Сейчас все пройдет.

— Ты поэтому не торопился давать мне эти капли? — просипела, едва продышавшись. — Невероятная гадость.

— Гадость, — краешком губ обозначив улыбку, подтвердил герцог, — но очень полезная. Помогает мгновенно и без всякого магического вмешательства. А давать не хотел, потому что у капель есть странный побочный эффект, непредсказуемый и всегда разный. Одни после приема спят несколько суток, другие впадают в состояние, подобное алкогольному опьянению. Кто-то грезит наяву. А кто-то просто расслабляется. Это продолжается день-два, не больше, потом человек встает бодрым и совершенно здоровым.

— А ты?

— На меня они оказывают минимальное влияние. Становится труднее контролировать себя. И все.

— Тогда... прими их тоже, пожалуйста.

— Но...

— Ты промок не меньше меня.

— У меня отличная регенерация, — попытался отбиться Саллер, но я

продолжала настаивать.

— Ты наверняка еще не полностью восстановился. Давай не рисковать и не испытывать судьбу. Кому станет легче, если и ты заболеешь? Как я понимаю, завтра мы все равно никуда не пойдем... — Накрыла его руку ладонью, упрямо повторила: — Пожалуйста...

И он наконец согласился.

— Одну каплю.

Я удовлетворенно кивнула.

Пусть хотя бы одну, уверена, ему и этого хватит. А то видели мы таких выносливых и железных — в самый неподходящий момент ржаветь начинают. Ой, что-то меня не туда занесло. В общем, будем лечиться вместе.

Некоторое время мы молчали. Рэм так и остался рядом, задумчиво глядя на огонь. А я поглубже зарылась в сено, каждой клеточкой своего тела ощущая, как близко — непозволительно, восхитительно близко — он сидит.

Меня все еще немного знобило, но голова постепенно перестала болеть, зато начала слегка кружиться. Видимо, мозги тоже затуманились, иначе почему я вдруг отважилась спросить о том, что меня давно беспокоило? До сих пор я не решалась это сделать.

— Ты ведь не веришь, что Пе... Трэй жив? С самого начала не верил, просто не говорил, позволял мне надеяться... Так ведь? Только скажи сейчас правду... Очень прошу... правду!

Саллер не торопился возражать. И чем дольше тянулась пауза, тем отчаяннее сжималось у меня сердце. В самом этом молчании, неловком и тягостном, уже содержался ответ. Страшный. Искренний.

— У магов моей семьи есть одна очень полезная способность, — наконец тяжело проронил герцог. — Мы чувствуем своих родственников. Ближайших лучше, дальних хуже, но всегда и всех. Нет, мы не умеем определять, где они находятся, перенестись к ним, как-то повлиять, просто, как однажды выразился дед, умеем ловить удары сердец. Пока живы те, в чьей груди они бьются... — Голос Рэма дрогнул. — С тех пор как я очнулся здесь, в Хауддане, я больше не ощущаю Трэя. Там, где стучало его сердце, теперь пустота... Мертвая пустота.

Вот и все. Рэм озвучил то, во что я не хотела, не могла поверить. Но ведь я собственными глазами видела, как Петька упал, как взорвалась карета. Горько всхлипнула, и мужчина, дернувшись, как от пощечины, тут же склонился надо мною.

— Мири...

Сильные ладони бережно приподняли меня, обнимая, и я разрыдалась.

Слишком много всего сразу навалилось. Потеря Петьки, беспамятство мэссера... Этот проклятый Хауддан, который бесконечно водил нас кругами... Чертов недоэльф, не желающий появляться...

Я плакала, выплескивая свои страхи, сомнения, горечь утраты и боль одиночества.

— Мири... не надо... Мы не прекратим поиски... Мири...

Пальцы Саллера судорожно впивались в мою спину, а голос был хриплым, почти неузнаваемым.

«Все-таки заболел», — неожиданно мелькнуло в голове.

Эта мысль немного отрезвила. Я вскинула голову и, моргая слипшимися от слез ресницами, открыла рот, чтобы спросить о самочувствии, но наткнулась на напряженный взгляд Рэма и провалилась в горящую темноту его зрачков.

Кто из нас первым потянулся к другому? Наверное, именно я. Тоска, отчаяние, желание забыться и найти утешение — пусть хотя бы на миг, его близость, поддержка, мое влечение к этому мужчине... Все смешалось в один жгучий коктейль, не оставляя места ни колебаниям, ни стыду, ни робости.

Обвила его плечи руками, вжимаясь в мгновенно окаменевшее тело.

Шея... кадык, который резко перекатывался, словно герцогу никак не удавалось сглотнуть... подбородок, челюсть с легкой щетиной — я целовала все, до чего могла дотянуться.

— Мэарин...

Саллер попытался отстраниться, но я не позволила, прильнув к нему еще теснее.

Голова кружилась все больше, сознание мутилось, а тело вдруг стало почти невесомым. Я будто летела на самом гребне огромной океанской волны, лихорадочно ловя ртом разреженный воздух.

— Мири... нет... — Рэма била крупная дрожь. — Это действие капель... всего лишь капель... Птарх поberi, зачем я их принял? Если ты не прекратишь, я... не сдержусь...

А если сдержишься, клянусь, я убью тебя. Вот прямо этими самыми руками и задушу.

Обхватила его голову и притянула ближе, целуя в уголок губ.

Саллер застонал — этот стон, тягучий, низкий, разрядом тока ударил по оголенным нервам, наполняя меня восторгом — и сдался.

Его губы накрыли мои, то властно подчиняя, то мягко лаская. Лишая разума. Доводя до исступления. Воздуха не хватало, но разве это сейчас

имело значение, если у нас была возможность дышать друг другом?

Наконец герцог с трудом прервал поцелуй. Содрогаюсь всем телом, прижался раскаленным лбом к моему лбу — да у него температура под сорок — и сделал еще одну попытку сбежать от меня.

— Девочка моя... ты не понимаешь, что делаешь...

Невинная девочка Мири, может, и не поняла бы, а вот я отлично представляла, чего добиваюсь и кого хочу.

Прикусила зубами кожу на его груди, вырывая еще один стон.

— Ты проклянешь меня, когда придешь в себя... Птарховы капли... Останови меня, пока не поздно... Я сам не могу...

Остановить? Да ни за что в жизни!

Поймала его взгляд, впитала в себя страсть, ярким пламенем бушующую в глазах, и потянула Рэма вниз, на себя. Его твердая плоть уперлась мне в живот, и я, не сдержавшись, потерлась о нее, отчаянно желая ощутить его глубже.

Саллер зарычал и точно обезумел.

Его руки и губы были повсюду. Жадно скользили по груди, животу, бедрам, заставляя извиваться от невыносимого блаженства и жаждать большего... Ласкали каждый сантиметр изнывавшего от томительного вожделения, покрытого испариной тела.

Только один раз Рэм оторвался от меня, вызвав протестующий возглас, но лишь для того, чтобы полностью раздеться. Потом он снова накрыл меня собой, и я застонала от счастья, от хмельной близости его горячей кожи, от ощущения тяжести мужского тела. От того, что между нами больше нет никакой преграды.

— Нежная... желанная...

Его голос сорвался, и я задохнулась, подставляя шею под нетерпеливые поцелуи. Ласки Рэма стали более настойчивыми, жгучими, колено уверенно раздвинуло мои ноги. А потом его пальцы нашли ту самую точку, от прикосновения к которой улетучились последние мысли, сменившись невыразимым наслаждением.

Я изогнулась в сладкой судороге, и почти сразу же в наслаждение ворвалась боль, заставляя вскрикнуть. Боль и чувство наполненности, такое нужное... правильное... Мужская рука снова опустилась вниз, поглаживая, нажимая, лаская. От этих прикосновений боль отступила, и я сама сделала первое движение навстречу, стремясь вобрать Рэма как можно полнее.

Он был во мне, а я в нем — так глубоко и сильно, что я уже не различала, где чье тело. Больше не существовало герцога Саллера и той, что в этом мире звалась Мэарин Ольес. Они превратились в единое

существо, которое задыхалось от страсти и бесконечно сгорало в вечном пламени.

И когда по его телу прошла дрожь, и он с глухим стоном откинул голову, болезненно сжимая пальцами мои бедра, я тоже забилась в сильных руках, захлебнувшись чистейшим удовольствием. Растворяясь в нем. Наши тела, сердца, души разлетелась мириадами радужных осколков, чтобы снова собраться в произвольном порядке — кому какой достанется.

Потом — через много-много лет — меня подхватили на руки, куда-то понесли, опустили в теплую воду...

Вода...

Хотела спросить, откуда она здесь, да еще теплая, но не было сил даже открыть глаза. Я плыла куда-то на волнах неги, пока окончательно не потеряла связь с реальностью и не соскользнула в сон. В нем улыбающийся Рэм что-то втолковывал Петьке, а тот смеялся, кивал и подмигивал мне. А затем брат, заговорщически прижав палец к губам, бесшумно отступил и растаял за пеленой дождя.

Эпилог

К вечеру началась гроза. Стремительные росчерки молний раз за разом вспарывали вмиг почерневшее небо, а вслед за ними накатывали новые раскаты грома.

Мужчина распахнул окно, жадно вдыхая сырой воздух, внимательно взгляделся в окутавшие сад сумерки. Словно надеялся там, за сплошной стеной дождя, различить девушку, о которой не переставал думать все эти дни. Хотя прекрасно понимал, что не сможет ее увидеть, даже если на небе вдруг засияет солнце. Пока не сможет. И погода здесь ни при чем.

Дверь бесшумно отворилась. Толстый рунический ковер скрадывал звук осторожных шагов, но хозяин кабинета и без этого знал, у кого хватило смелости его потревожить.

Вошедший медлил — он явно не решался первым прервать молчание, и мужчина, скривившись, отрывисто приказал:

— Докладывай!

Поворачиваться не стал, по-прежнему неотрывно, до рези в глазах всматриваясь в подступающую к дому темноту.

— Истинные обыскали всю округу, — дождавшись разрешения, торопливо сообщил посетитель. — Виконт Лейфри мертв, лидер онижцев тоже. Из пяти лучей звезды уцелело двое. На допросе они показали, что получили задание переправить виконта с Ольесами через границу и передать ожидающему там отряду. Что с пленниками собирались делать дальше, им неизвестно.

По губам господина скользнула удовлетворенная улыбка. Хорошо. Эта ниточка оборвалась и к нему уже никогда не приведет.

— Дальше.

— Один из магов все время находился в сознании и собственными глазами видел, как погиб граф.

— Случайность?

— Нет, — в тоне слуги мелькнула еле уловимая усмешка. — Виконт перед смертью постарался. Убрал соперника.

Мужчина нахмурился. Как бы он сам ни относился к Лейфри и Ольесу, они были аристократами, и ни один простолюдин не смел проявлять по отношению к ним пренебрежение. Даже такое, хорошо завуалированное. Поэтому следующая его реплика прозвучала сухо и холодно.

— Это все, что ты выяснил? Немного... Начинаешь терять хватку.

— Простите, господин. — Голос собеседника дрогнул. Он и сам уже догадался, что совершил ошибку. — Вы же знаете, истинные ни с кем не делятся секретами. Я сумел достать только те сведения, что отражены в официальном докладе его величеству. — Он запнулся, поспешно добавил: — Есть еще кое-что о герцоге и графине Ольес.

Мужчина стиснул зубы, услышав ненавистное «графиня Ольес», но на этот раз никак не отреагировал, лишь на мгновение прикрыл глаза и сжал подоконник так крепко, что побелели пальцы. Сейчас ему скажут самое важное.

— Его светлость и графиня провалились в блуждающий портал.

— Что значит провалились? Кто его открыл? Почему блуждающий?

Он все-таки не сдержался. Резкие вопросы следовали один за другим.

— По мнению истинных, артефактом воспользовался сам герцог. Точка выхода — его служебный кабинет, но там ни Саллер, ни жена... гм... вдова графа Ольеса не появились. Что-то сбило координаты, превратив портал в блуждающий. Куда закинуло этих двоих, отследить не удалось.

— Вот как... И командир крыла не пытался связаться с мэссером? У него ведь есть такая возможность.

— Пытался, и неоднократно. Но все его усилия ни к чему не привели... Организовано несколько поисковых групп. На месте происшествия работают лучшие дознаватели истинных. — Слуга понизил голос. — Говорят, его величество в бешенстве. Во дворец прибыл герцог Фоарндский, там же находится и его супруга, леди Дальмира. Они...

— Довольно. — Мужчину не интересовали ни эмоции короля, ни переживания родителей Саллера. Только факты. — Что-нибудь еще?

— Это все, господин, — сзади прерывисто выдохнули, — пока все... Как только узнаю что-то новое...

— Немедленно явишься с докладом, — нетерпеливо оборвал хозяин кабинета и завершил разговор коротким: — Иди.

Дождался, пока захлопнется дверь, и только тогда отступил от окна, но закрывать не стал. Новости душили так, что не хватало воздуха. Возбужденно прошел из угла в угол, остановился у маленького столика, плеснул в бокал вина, оставляя на драгоценной древесине темно-рубиновые, похожие на кровь капли.

Кровь... Сколько ее было и сколько еще будет, прежде чем он получит бесценный приз.

Сделал несколько глотков, но так и не смог потушить пылающую внутри ярость. Она жгла грудь, злым огнем горела в глазах и, наконец, охватила все тело, опалив кончики пальцев. Выругался и швырнул в камин

шипящий багровый сгусток. Пламя лизнуло сложенные там дрова и тут же с ревом взметнулось вверх, причудливыми бликами озаряя давно уже темную комнату.

Он ведь все продумал. Так замечательно продумал — мужчина снова заметался по кабинету, — но птархов Саллер сорвал все планы. Он и этот безумец Лейфри.

А ведь он так долго готовил виконта. Нашептывал, распалял, внушал, поддерживал сладостные надежды, помог подготовить похищение. Тогда Мэарин была обручена с герцогом, и ему отчаянно хотелось, чтобы над этим высокомерным мерзавцем, оставшимся в дураках, потешался весь свет.

Но случилось неожиданное — девица сама сбежала. И с кем? С нищим недоумком Ольесом. Саллер почему-то не торопился догонять изменницу. Лейфри спешно собирал наемников, чтобы отбить желанную добычу, а он уже мчался по следам беглецов, практически наступая им на пятки. Он должен видеть, как схлестнутся эти трое. Вдруг в суе и невесту удастся убрать, а потом свалить все на герцога. Тоже неплохо.

То, чему он стал свидетелем, потрясло, мгновенно заставив пересмотреть все планы.

Мужчина невесело рассмеялся.

Хэленни. Мечта всей его жизни. Дивная, призрачная греза. Сколько он читал о них, с каким фанатичным усердием искал любое упоминание об этих женщинах в старых архивах и библиотеках. Как отчаянно жаждал встретить наяву. И наконец нашел.

Эта вздорная, капризная девчонка — хэленни. Кто бы мог подумать?!

Хорошо, что он всегда носит с собой нужные артефакты. Переход в столицу, поиск Лейфри, точные указания, где нужно искать молодоженов, оплата стационарного портала для него и отряда головорезов. Денег не жалко, лишь бы успели. А потом он позаботился бы о том, чтобы виконт и наемники благополучно отдали Танбору душу, оставив ему хэленни.

И они успели...

Он чуть не убил треклятого Лейфри, когда узнал, что тот бросил смертельно раненного Ольеса. Граф нужен был ему живым. Он даже успел все подготовить для ритуала... Одного любопытного древнего ритуала, после которого хэленни отдалась бы ему не только телом, но и душой. Но для этого ее предыдущий избранник должен умереть не в лесу, а на жертвенном алтаре.

Бокал хрустнул под пальцами. Тягучая жидкость потекла по руке, смешиваясь с кровью, но он даже не почувствовал боли.

Первый раз все сорвалось, и он как раненый зверь заполз в берлогу, жадно ловя тревожные новости. Слава Танбору, щенок Ольес так и не консуммировал брак, и у него появился второй шанс.

Он подстраховался, договорившись с Онижем. Сведения, которые пообещал соседям, стоили очень дорого, и они дали звезду. Стихийники даже рискнули пройти через Запретные Земли, чтобы незамеченными пробраться на территорию Намарры. Кроме того, он убедил Лейфри, что от жизни Ольеса зависит покорность Мири.

Маги никогда его не видели, не слышали имени, просто получили четкий приказ: доставить виконта через границу к надежным людям. Лейфри — похитителя чужих жен и важных государственных секретов — ждала безымянная могила. А на него самого не падало и тени подозрений — при желании можно даже не уезжать из Намарры, просто понадежнее спрятать Мэарин.

Если бы Саллер не вмешался...

Мужчина стряхнул с пальцев осколки стекла, вытащил из кармана платок, брезгливо вытер ладони. Раны зарастали на глазах. Да, он сильный маг, и с помощью хэленни станет еще сильнее. А перед их сыном склонится весь мир.

Мозг лихорадочно работал, обдумывая детали нового плана.

Рано или поздно они вернутся — герцог обязательно выведет девочку даже из птарховой задницы. Она вдова, а значит, второй раз замуж выйдет только после положенного траура. У него достаточно времени. Его светлость считает, что с похитителем покончено и о хэленни никто из посторонних не знает? Замечательно! Значит, ее не станут охранять так же тщательно, как раньше.

Жаль, что Ольес мертв... Ничего, он придумает, как завоевать симпатии будущей жены. Главное сейчас — устранить Саллера, заранее избавиться от опасного противника.

Он налил вина в новый бокал, хищно оскалился.

Хэленни будет принадлежать ему. Любой ценой. Обязательно.

Конец первой книги дилогии.